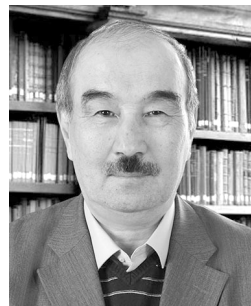

Аслан

Жаксылыков

ДОМ СУРИКАТА

Роман

Очнулся в холодном липком поту. Что за кошмар приснился тебе в эту ночь? «Самозванец!» – до сих пор голосило эхо в даях сновидения. «Но ты же никогда никому не объявлял себя кем-то таким», – возразил в сердцах ты и успокоился. Тем не менее, чей-то призрачный голос продолжал довольно-таки внятно размышлять: «Действительно, каждая цивилизация, каждая мировая религия зачиналась с того, что какой-либо великий человек устанавливал новый закон. Достаточно вспомнить фараона Эхнатона. А закон всегда проводит между, разделяя людей на правых и неправых, праведников и грешников. Следовательно, новый закон сам по себе несет разделение на Добро и Зло, то есть войну. За примерами далеко ходить не надо, история каждой большой религии – это летопись кровавых войн, зачастую гражданских. А все знают, что нет более жестокой войны, чем гражданская. Если война инициирована идеологией Правды и Неправды, то в таком случае истребление себе подобных, как правило, принимает особо ожесточенный и непримиримый характер». «Но ведь так развивается спираль эволюции, восхождения на следующую стадию усложнения», – возразил ты сам себе. «И все эти эволюционные шаги, в конечном итоге, привели к вселенской катастрофе, возможной гибели всего человечества», – холодно произнес призрачный голос. И ты вдруг почувствовал знакомую диалектику коммунального человека, собаку съевшего в софистических ухищрениях, натренированного в утонченных философских спорах. Потом голос, помолчав, напомнил о предстоящей миссии – нести весть о новом законе прозябающим островитянам и выскочкам-федератам. Ты взглянул на предстоящее с позиции пережитого сна и испытанного в связи с этим страдания. И чей-то посторонний голос, и это был не ИК, размеренно, как бы констатируя свершившееся, произнес: «Таким образом, назначено тебе внести в среду островитян и федератов великую смуту, истребительную войну из-за столпов новой совершенной религии». «Довольно!» – уже вслух заорал ты и хватил стаканом о пол. Но толстый ковер спружинил, и стакан отлетел вверх, подскочил несколько раз и на твоих глазах трансформировался в робота-многоножку. Робот сверкнул карминовыми глазками, повел пару раз никелированными антеннами-усиками и затем пропел трелью:

– Утро доброе, ваше превосходительство. Пора готовиться к аудиенции.

– Ладно, – буркнул ты. – Пусть слуги принесут одежду.

Дверная панель плавно отъехала. Толпа нарядных роботов ввалила в спальную. Кто-то нес шлем, кто-то панцирь, другие тащили наколенники и наплечники экзоскелета. Каждая деталь парадного костюма сияла чистотой и свежей краской. Особенно прыткие слуги уже брызгали на твое тело аэрозолями, кто-то усердно массировал спину и поясницу. Подносили мыло, полотенце, бежали с серебряным тазиком, золотым кувшином с огуречной водой. И все эти футуристические механизмы, киша фасетчатыми карминовыми глазками, ополаскивая, вытирая, одевая, обувая тебя, цепляя на твое оснащенное тело знаки различия, дружно пели сладкими голосами:

– Поздравляем вас, господин, с аудиенцией! Это великая честь! Быть ордену и новому назначению!

Внезапно помощники все разом, пятясь, сгнули с глаз долой. Перед тобой стоял Член Совета с атласным оранжевым шарфом на руках. Ты смущенно уставился на сей непонятный атрибут. Наверное, чего-то не хватает для полного парада? Сановник, выждав паузу, несколько напыщенно произнес:

– Удостоенные аудиенции идут в тронный зал с этой лентой.

Он подошел поближе, внимательно осмотрел тебя и, оставшись довольным увиденной картиной, ловко накинул ленту на твой торс поверх панциря. И тогда, словно очнувшись от долгого ступора, ты спросил:

– Почему, когда джужугур набросился на меня, мой панцирь отключился? Он был в полной исправности, тем не менее, не сработал. Мои же солдаты, используя экзомеханизм, прямо-таки взмыли на дерево. Этого я понять не могу. Или меня умышленно подставили, так сказать, сунули прямо в пасть зверю? У меня такое чувство, что меня просто кинули!..

– Ты не далек от истины, – Редактор смотрел в сторону, однако голос был уверенным. – Мы отключили питание экзоскелета, как только монстр пошел в атаку. Мы решили, что это очень важно – увидеть, как ты превращаешься. В случае неудачи... Ну, что ж, терять в бою солдата – это нам не ново.

Ты едва не задохнулся от ярости. Буравил пылающим взглядом невозмутимую физиономию старого товарища. «Ну и фрукт же ты!» – отпечталось в мозгу.

– Премного благодарен за комплимент, – сановник слегка наклонил голову. – Но зато мы получили прекрасную и подробную голограмму трансформации Снежного воина. И кое-что поняли.

– Что именно?

– Ну, кое-какие детали, – уклончиво ответил Редактор. – Но самое главное во всем этом то, что наш Воин – подлинный Ягур, дракон, не подделка, не мистификация. Картину боя видела вся империя, даже дети. Эмоциональный результат манифестации самый что ни на есть вдохновляющий. Все в восторге. Империя зачарована, мой друг. Сегодняшняя церемония СВС посвящена тебе. Признаюсь, я немного завидую тебе.

Член Совета еще раз глянул в сторону шторы, готовой упорхнуть в сторону, чтобы еще раз показать панораму джугарного леса и колоссальной черной башни, возвышающейся над миром исполинским броневым утесом. Кивнув головой, он ушел. И ты внутренне согласился с его мыслью. На аудиенцию ты должен идти один, без сопровождения.

Тебя вновь окружили слуги. Любезные, подобострастные, ловкие, сверкающие пластиком и никелем, возбужденно перекликающиеся электронными голосами. Один из роботов в облике красивой девушки подкатил совсем близко и с поклоном, обнажившим круглую силиконовую грудь, протянул серебряный поднос с оранжевым напитком в хрустальном бокале. Грудь соблазнительно качнулась, девушка смущенно улыбнулась, одарив тебя все понимающим взглядом. Ты слегка покраснел, вспомнилась приемная редактора-олигарха и милая секретарша в сверхкоротком фартуке с ажурной кисеей по краям.

– Это нужно принять, – служанка смотрела все так же сокровенно, как бы заглядывая в душу. Она что-то неслышно пришептывала пухлыми детскими губами, и ее проникающий взгляд вызывал онемение в груди. Нет, этот взгляд не осыпал твое сердце взглядом озерной лани, не рушил в пыль твердыни Снежного воина, устоявшие среди бурь воинской судьбы. Ее зрачкам чего-то не хватало, быть может, той темной глубины, которая плещется в глазах иного человека. А причина этой тьмы – душа, осознавшая трагедию бытия с его невозвратными потерями и хрупкими приобретениями. Эта вылощенная дева была создана для вечной юности с ароматом силиконовой свежести, синтезированных лосьонов и духов. Предназначена ублажать прелестным видом и нежно-мелодичным голоском сердечные раны суровых мужей, воинов, вернувшихся из опасных и долгих походов в джугарном лесу. Все в ней – это только прельстительная, сияющая внешность, а внутри – электронная начинка и программы. Она – блистательный обман и материализованная иллюзия, вычитанная из сердечных тайн таких мужланов, простаков, как ты. Но почему она так улыбается, как будто только для тебя, и в ее серо-зеленых глазах играет всполохами затаенное солнце?

– Ну что ж, раз нужно, выпью, – вслух сказал ты, принимая бокал с пурпурно-желтой жидкостью. «Это отстоянная душа джугары», – подумал ты, ощущая, как напиток растворяется в желудке, вводя тебя в транс.

– Я буду ждать вас, командир, с хорошими новостями, – она одарила тебя долгим взглядом, который безмолвным снарядом взорвался в твоей груди. И семена стройными ногами, словно балерина на сцене, унесла серебряный поднос.

Ты перешагнул порог дома суриката, когда почувствовал, как внутренним прибором накатил транс первой степени. Внутри прозрачного лифта, похожего на НЛЮ, тебя настиг транс второй степени, проникая в недра клеток кипенной энергией. Невидимый свет вспыхнул вокруг, устраняя тени и озаряя поверхности и предметы этого мира, заключенного в плоскости и овалы стекла, керамики, стали. Стайка девушек в форме курсантов военного училища толпилась в углу огромного лифта. Они тотчас обстреляли тебя восхищенными взглядами. Ты нагнал на лицо оттенок суровости, чтобы подавить неудержимую, широкую мальчишескую ухмылку. «Ай да напиток! Ну и дерьмовка у этой бабы!» – скандировал голос в мозгу. «Это он! Он самый! Ягур? Не может быть! Да, он самый, рыцарь Ягур! Я его узнала по фильму! Там он сражался с чудовищем! Как он хорош! Чудо – рыцарь Ягур стоит рядом с нами! Кавалер звезды первой степени! Девочки, я не верю своим глазам!» – звенели, ликовали голоса в твоей голове. Переливающийся смех, восторг, пылающие румянцем девичьи лица. Как они были хороши! Ты расцвел самой дружелюбной улыбкой. Они забыли про устав, строго регламентирующий субординацию среди воинских чинов,

обступили тебя со всех сторон, щебеча и лепеча что-то умильное. Карие, серые, черные, голубые глаза так и сияли, гора искорок кружила, рушилась и вновь вскипала. Они впитывали молекулы твоей суровости, мужественности, купались в лучах твоей славы. И ты подумал со слезами на глазах: «Какие славные девушки! Эта империя чего-то стоит. Есть за что сражаться, биться, не жалея живота своего». И девушки с уважением дружно воззрились на тебя, словно прочитав по ИК твои мысли.

Весенний луг с охапками цветущих пионов, яркими разливами огненно-желтых жарков, синими брызгами и строчками ирисов, трогательно стыдливый бутонами тюльпанов, словно один огромный букет, качался, шумел и шелестел рядом с тобой. Свежий ветер во всю ширь горизонта надвигался, остужая разгоряченное лицо. То был дружелюбный ветер, этакий рубаха-парень, друг, которого ты знал всю жизнь. Он налегал, трепал тебя по плечу. И выходя из лифта, ты понял, что находишься во власти транса третьей степени. И счастливо улыбнулся, услышав сочный, звенящий девичий голос: «Как я люблю церемонию СВС! Бывало, лежишь себе ранним утром в теплой постели, нежишься, кутаешься, тянешь дрему – так не хочется вставать и тащиться спозаранку на дежурство. Но вдруг вспоминается, что сегодня праздник, что сегодня ритуал СВС – такое нахлынет на душу, такое начинается в сердце, ей-богу, словами не выскажешь, не объяснишь этого! Душа начинает петь, ноги сами собой идти в припляс. Как я люблю этот великий праздник!» «Да, СВС – это что-то», – произнес чей-то голос мечтательно и задушевно.

Поднимаясь все выше, ты включил канал пространственного обзора и увидел в объемной, трехмерной проекции, как шагают к огромным скоростным лифтам воинские колонны, роты специальных частей, элитные бригады, батальоны сил быстрого развертывания. Бойцы, люди и киборги ослепляли взор начищенным оружием и атрибутами парадной формы. К грузовым лифтам направлялись боевые роботы фантастических очертаний. Среди них выделялись лучшие никелированными сочленениями роботы-пауки устрашающего размера. Перешагивая через механизмы меньшей величины, обгоняя колонны машин, они угрожающе водили по сторонам стволами лазеров и пушек.

Лифт остановился на двадцатом уровне десятого яруса. Здесь, на высоте двухсотого этажа, три мегабашни были соединены между собой многотонными ажурными мостами с хитроумными балансирующими механизмами. Другие прочные подвесные мосты от каждой башни вели к громадной шарообразной конструкции, как бы висящей на головокружительной высоте в центре всей необозримой архитектоники. Эта огромная, отливающая серебристым металлом сфера ошеломляла взор впечатлением невесомости, она как бы парила в пустоте. На самом деле ее вес поддерживался густой сетью сверхпрочных тросов, берущих начало в анкерных опорах на вершинах небоскребов. Также она была связана с основными зданиями ярусными мостами и галереями, внутри которых были проложены неохватные стальные штанги и километры толстых тросов. Таким образом, сфера, созданная из сверхлегких и сверхпрочных материалов, не ослабляла все гигантское сооружение из трех супервысоких корпусов, а придавала ему необходимую жесткость и центрировала нагрузку, поглощая энергию гравитационных толчков и неизбежной раскачки. Сам шар простирался вверх на высоту

пятидесяти этажей, многоуровневая связка с опорными башнями, и обеспечивала техническую надежность всего небывалого сооружения. Здесь, в самом центре крепости, и находились апартаменты императора, защищенные со всех сторон броневыми утесами. Ты покачал головой, дивясь находчивости инженеров и архитекторов, продумавших до последних штрихов военно-технологическое, идейно-философское и эстетическое значение сферы.

– Это еще не все, – не без гордости сказал голос по ИК. – Сфера защищена не только оборонными средствами, она обладает и самостоятельными техническими секретами.

– Какими? – не удержался ты от любопытства. Сам вид шара напомнил тебе космические корабли галактических цивилизаций из какого-то фантастического сериала.

– Это государственная тайна высшего уровня секретности, – сухо сообщил голос.

– Понимаю, – кивнул ты головой, поправляя шлем.

Угрожающе вспыхнул глазок фотодатчика на дверной панели в галерее. Твой ИК вступил в контакт с контроллером, он сообщил пароль. Стальная стена бесшумно поплыла в сторону, открывая проход в длинный коридор. Ты вошел и тотчас вскрикнул от испуга. Совершенно прозрачный пол открывал потрясающую панораму бездны, развернувшейся внизу на полкилометра. Пол из абсолютно чистого броневоего керамика казался несуществующим, он был просто невидимым. Только логика и легкое горизонтальное свечение говорили о существовании поверхности. Сердце учащенно колотилось. Разум отдавал команду идти вперед, ноги же не повиновались, подчиняясь кричащему инстинкту. «А вдруг это очередная ловушка-подстава, и они хотят увидеть, полечу ли я как птица?» – подумал ты, вытирая холодный пот со лба. Шли минуты.

– Ягур, на тебя смотрят, – шепнул голос ИК. И тотчас ты разглядел фигуры стражей-киборгов, стоящих вереницей вдоль стен галереи. Это были бравые великаны ростом по два метра каждый, атлеты в эффектных доспехах голубого, красного и оранжевого цвета. Действительно, императорская стража строго, а то и сурово взирала на гостя, явившегося из нижнего мира. Каждый гвардеец, когда ты проходил мимо, отдавал честь, став по стойке смирно, прижав оружие к груди. При этом любой из них успевал немислимо быстро протестировать твой ИК. Все время шел обмен паролями на языке электронных ключей. Первая галерея вывела тебя в створ второй, более широкой и протяженной, по долговому кругу опоясывающей самую сферу. И здесь тоже через каждые десять метров стоял страж, облаченный в красочный доспех. Аккорды электронной музыки понеслись по галерее. Лиловые световые полосы побежали по стенам и полу. Казалось, ты внутри космического корабля, готового вот-вот стартовать на орбиту. Ты почувствовал гипнотическое влияние всего этого, переходов с уровня на уровень, технического и инженерного размаха сооружения, блеска панцирей и оружия, грозных ритмов света и музыки. Началось второе кольцо опоясывающего коридора, потом третье. Здесь в нишах стояли боевые роботы с многоствольными пулеметами, вертолеты, похожие на гигантских стрекоз, присевших на шести конечностях. Вся эта новейшая техника и машины были готовы к действиям по первому сигналу. Фасеточные локаторы прямого и бокового обзора мерцали отраженными бликами. Роботы и аппараты напоминали огромных насекомых-

хищников, затаившихся в позе выжидания. Еще одна стальная панель отползла в сторону, и перед тобой сюрреалистической перспективой распахнулось огромное пространство, залитое как бы органным гулом. Здесь пол был неровным, сложенным из множества темных слоев. Матовые закругленные плиты бесконечными ступеньками вели куда-то вверх, где в вышине, в отдаленном, как бы нереальном свечении виднелись цветные спирали и серпантины, стремящиеся к вознесенной черной глыбе льющихся, причудливых, неземных очертаний. Возле этой раковины-глыбы стояла, вернее, как бы парила на кольце света фигура в пурпурной мантии с капюшоном. Необъятный зал с неразличимым потолком и едва угадывающимися стенами своими грандиозными размерами, постоянным электронным эхом, завораживающей картиной каскадами вздымающихся закругленных ступенек поражал воображение, производя жуткое ощущение чуть ли не открытого космоса. И еще эта красная фигура в недостижимой выси возле огромного черного бриллианта. Ты почему-то предчувствовал, что в здании такого размера и такого стратегического значения квинтэссенцией космического интерьера должен быть кристалл невиданных размеров, волшебный камень, символизирующий энергетическую мощь империи, незыблемость державной власти. Музыкальный гул на полтона усилился, и ты заметил, что стены пришли в движение. И это был не голографический эффект: сотни, тысячи придворных в пышных одеяниях вышли из-за матово-черных колонн и выступов, двинулись вниз по ступенькам. Через каждые несколько шагов бесконечные вереницы как по команде замирали, – придворные низко склоняли головы в учтивом поклоне. Также церемониально неспешно нисходил по темным уступам повелитель, оставиваясь каждый раз, когда участники ритуала совершали поклон. Красота согласованных движений членов императорского двора захватила твою душу масштабом и ритмом действия. Дух порывался в экстаз от увиденной сцены. Включив пространственный канал, ты узрел, как на всех этажах всех ярусов всех трех мегабашен торжественно и медлительно плывут воинские ряды, вереницы механизмов, машин. Все они: люди, киборги, роботы периодически выбрасывали правые руки или клешни, приветствуя кого-то в умозрительной выси. Церемония СВС началась. Гул постепенно переходил в объемные аккорды небывало величественной и дивной симфонии.

Император был уже недалеко и одновременно парадоксальным образом казался витающим в вышине в облаке пересыпающихся искр. Ты ощущал себя с головой погруженным в транс четвертой степени. Неудержимо хотелось броситься на колени, чтобы кричать о любви и восторге. Огромным усилием воли сдерживал себя. Ты стоял, почтительно склонив голову, не смея взглянуть в глаза повелителю.

– Ты полностью оправдал мои надежды. С этой минуты ты являешься первым рыцарем ордена Ягуров. Ты первый кавалер данного ордена, удостоенный почетного титула, оранжевой ленты иерарха и бриллиантовой звезды первой степени, – плазменный меч императора вырос из рукава пурпурной мантии, сверкнул лезвием и лег на твое плечо, закрытое броней.

Грянули аккорды браваурной музыки. Придворные все как один повернулись в твою сторону и почтительно наклонились. Дамы присели в реверансе.

– Как рыцарь и глава ордена Ягуров вы наделяетесь именным владением в первом и втором блоках первой башни империи. Вам придется взвод телохранителей, для вашей охраны выделяется один танк и один боевой робот класса

БП-11. Как только вы вернетесь после выполнения порученной миссии на территории острова № 5, вам по высочайшему указу будет предоставлено право без ограничений пользоваться вверенным имуществом, правами и свободами, достойными вашего сана.

– Это великая честь и милость... – напомнил голос, шепнув прямо в ухо. Ты упал на колени, коснулся лбом ледяной поверхности черной плиты. Пауза. В это трогательное мгновение невыразимое ощущение соединило сердца членов императорского двора. Знакомый голос мягко спросил:

– У вас есть вопросы, рыцарь Ягур?

– Есть, ваше величество, всего одна просьба!..

– Какая?

– Сим низжайше прошу не карать солдат, сопровождавших меня в походе. Они невиновны, они слишком молоды!

– Хорошо, рыцарь Ягур. Вы, я вижу, еще и благородны. Подразделение будет расформировано, солдаты помилованы, – размеренно продиктовал император. Было понятно, что это приказ, который подлежал неукоснительному исполнению. Церемония СВС продолжилась.

Сначала отгремел парад. Невиданно торжественный, пышный, с демонстрацией всех родов войск, новой оборонной и стратегической, наступательной боевой техники. Ты стоял на трибуне рядом с Членами Совета десяти. По площади, рокоча роторными двигателями, проехали танки, издали похожие на огромных грифоновых черепах. Затем маршем двинулись ротные колонны курсантов высших военных училищ, бойцов элитных десантных частей, батальоны быстрого развертывания, солдаты мотопехотных подразделений – все они были в ярко украшенных панцирях, доспехах и экзоскелетах. Особенно красиво вышагивали офицерские полки и женские батальоны. В вышколенном, синхронном движении этих колонн чувствовалась не только тщательная строевая подготовка, но и идейный энтузиазм, патриотизм, преданность делу Родины. Проходя мимо трибун, на приветственный клич Совета: «Хэй!», разом вскидывая лес рук, они отвечали дружным и громовым: «Бэй!». Звуковой шквал мчался вдаль, рассыпаясь каскадами и долго еще откликаясь эхом, отраженным от стальных и броневых поверхностей необозримых ангаров и плацев. Ты был на вершине восторга. Такой парадной эстетики и благолепия слаженных действий тысяч людей ты давно не видывал, может быть, еще с полузабытой эры драконов.

Потом вперед выехали боевые роботы. Причудливых и странных очертаний, похожие на фантастических членистоногих исполинского размера, они, эти титановые пауки, богомолы, скорпионы, сколопендры, жуки-носороги, блестя шарнирными сочленениями, грациозно шли, поводя грозными стволами и клешнями. Затем над площадью пролетели эскадрильи вертолетов, беспилотных самолетов, платформ вертикального взлета и посадки. В отдаленной перспективе на голографических панелях передвигались колонны тяжелой боевой техники. Величественно маневрировали установки залпового огня и зенитные пушки, ракеты средней дальности и межконтинентальные ракеты, перевозимые тягачами, а также штурмовые и десантные машины. От переутомления у тебя кружилась голова.

Демонстрация военной мощи империи произвела на тебя сильное впечатление. После нескольких часов, проведенных на трибуне, болели ноги. От рева тысячи глоток, гула двигателей, грохота подошв по мрамору ныло в висках.

все эти звуковые и зрительные ощущения несли сознание куда-то в звенящую пустоту. Все же в итоге ты испытал прилив огромного воодушевления. В груди пылал жаркий огонь, и ты все время повторял про себя: «Да за эту державу, за этот народ, особенно – за любимого вождя я готов отдать самую жизнь!» Канал ИК сочувственно молчал.

* * *

Ты углубился в лес. Шел быстро, огибая остовы разрушенных зданий, заполненных буйными зарослями папоротников, вьющихся растений, окруженных рощами молодых фиговых деревьев. Далеко впереди темнела куща огромных джугабров и баньянов. Добравшись до больших деревьев, в густой тени можно устроить привал, собраться с мыслями, как следует отдохнуть. Включив канал обзора, с помощью радаров спутников и мегабашен в инфракрасном спектре осмотрел местность. Сзади на приличном расстоянии продвигался танк прикрытия. Среди зарослей бамбука пробирались красные пятна – это были рейнджеры и солдаты из твоего собственного взвода охраны. В поле густого и высокого тростника бесшумно крались роботы-пауки. Ты знал, что под бронеколпаком каждого паукохода за рычагами и пультами сидели механик-водитель и стрелок. Паукоход был последней разработкой военных инженеров и кибернетиков империи. Снабженные высокоэффективными электрическими двигателями, с гибкими и цепкими конечностями на гидравлической тяге, роботы могли быстро бегать, а также совершать высокие прыжки-подскоки для стрельбы из ракетных установок. Эти тактические качества делали их незаменимым оружием в разведке и штурмовых операциях. Такие внушительные силы сопровождали твой поход по той причине, что твоя акция имела исключительное значение для секретных служб императорской армии. По последним разведанным стало известно, что к стенам острова № 5 стягиваются значительные военные силы федератов. Возможная стычка отряда с этими силами могла дать ценную информацию о планах командования враждебной стороны.

Добравшись до джугабра, ты бросил рюкзак на землю. Напившись из расщепленного ствола молочайного деревца, хранившего изрядный запас прохладного сока, ты растянулся на траве, надеясь минутку соснуть. Однако это плохо тебе удавалось. Исполинская, отвесно уходящая вверх черная, отливающая смолой стена мегабашни чужих привлекала твой взор. Мрачная, устрашающе грандиозная махина уходила за облака. Она была похожа на колоссальных размеров меч, прорубивший курчавую зелень леса, туманную голубизну неба. Путь к острову № 5 пролегал мимо подножия этого странного и пугающего видом сооружения. Невольно вспомнилась история про рыжеволосую девочку Майю, вознесенную по лучу сквозь прореху в крыше палеонтологического музея. И этот полет произошел совсем рядом с черным великаном. Никто потом никогда уже не встречал ни беспечную школьницу со светлыми косичками, ни пушистого сибирского кота, любителя балконных голубей. С тех пор канула в неизвестность куча народа, искать девчонку или выяснять, что случилось на самом деле, было некому. И если бы не короткая запись в тетради Малыша-утенка, ты был бы тоже в полной безвестности о судьбе шалуньи и ее кота, затянутых лучом то ли на небо, то ли в башню чужих. Никто и никогда не возвращался оттуда.

чтобы поведать землянам о самой интригующей тайне последнего века – внутреннем мире этого полностью герметически закрытого небоскреба. Какие только истории ни ходили среди людей об этом здании, жутком, словно замок запредельного черного мага. Ревнуя тайну технологического чуда, подлинного и выросшего неведомым образом посреди всего мира, лучшие силы империи и федерации предпринимали отчаянные попытки пробиться через стены здания. Применяли тараны, бронебойные машины, краны с ударными устройствами даже тонны взрывчатки, однако на матовой поверхности башни не появилось ни единой трещины. Не удалось отколоть для анализа даже микронной частицы материала стены. Со временем было замечено, что вещество небоскреба поглощает энергию взрывов, оно принимает ударные волны, словно губка воду. После каждого направленного взрыва башня подрастала ощутимо на метр, а то и более. Стало ясно, что интенсивные атаки землян ускоряют рост неизвестной конструкции. Поэтому по одному из последних договоров воюющих сторон было решено прекратить попытки вскрыть стену чужих.

Сеть ожила. Голос принадлежал Члену Военного Совета.

– Наши рейнджеры доложили об активных перемещениях войск федератов. Их силы стягиваются в квадрате 10, в восточной зоне около стен острова № 5. Активизация войск совпала с появлением человека-суриката в подземных коммуникациях в том же районе. Мы считаем неслучайным это совпадение. Ваше мнение?

– Думаю, мы должны сделать все, чтобы опередить разведгруппы федератов. Они попытаются перехватить человека-суриката. Возможно, в решающий момент сражения может понадобиться помощь наших военно-воздушных десантных сил, – ответил ты, малость подумав.

– Ваше предложение будет немедленно рассмотрено командованием, – доложила сеть и отключилась.

Воспользовавшись затишьем, ты осмотрел содержимое рюкзака. Там находилось почему-то все, что ты некогда брал с собой в поход в Снежные горы: горка сухарей, кусок сушеного мяса, спички, кремни, завернутые в целлофан, штык-нож, даже спальник был тот же, сшитый твоей рукой из старой зонтичной ткани, каремат из бывалого поролона. На тебе красовался все тот же дорожный брезентовый плащ, однако что-то в его покрое привлекло твое внимание. Внимательный осмотр ничего нового не дал. Тот же грубый, но добротный плащ, те же известковые пятна, вытеребленные нитки на рукавах. Вдруг тебя осенило: накидка была совершенно невесома, и в складках капюшона проглядывала тончайшая противомоскитная сетка. И тут же, реагируя на твои эмоции, заработал ИК, выдавая информацию.

– Это экзоскелет последней модели. Изготовлен из арахноткани, силиконовых и кевларовых нитей, основа – чувствительные биоволокна. Спецовка отвечает на команды подсознательных импульсов и рефлексов, приближающихся к критическому пределу. Ткань выдерживает удар автоматной пули с расстояния десять метров, огнеупорна, водонепроницаема, обладает трансперсональными возможностями.

– Значит, ближе десяти метров стрелка к себе нельзя подпускать? – усмехнулся ты. – Что ж, плащ, который не пропускает влагу, ничего не весит, защи-

щает от мух и комаров, очень даже пригодится. А что такое трансперсональные возможности?

Сеть молчала.

Вырыв из почвы влажный, треснувший орех джугабра, ты расколлот его и неторопливо насытился им. Собрал вещи в рюкзак и отправился в путь. После еды настроение улучшилось. Упырь давал руке опору. Весь твой опыт Снежного Воина, да еще недавно приобретенный – рыцаря Ягура – с тобой. «В этих джунглях я не пропаду», – решил ты. Огибая бамбуковую рощу, по дуге направился к подножию неохватной взглядом черной стены.

Вдали приветственно светились бирюзовые башни империи. На первый взгляд, – невинные красивые футуристические небоскребы, вроде отелей суперкласса для богатых людей со всего мира. На самом деле это цитадели, битком набитые современным оружием, заселенные кибернетической армией. Подвергнувшись атаке, синие-зеленые исполины моментально преображаются, теряя свой невинный рекламный вид. Стеклопанели и стены проворачиваются, выдвигая чаши и решетки радаров, из бойниц выдвигаются стволы различных орудий, рыла бризантных пушек и мощных лазеров, с выскочивших стартовых площадок взлетают тучи вертолетов, дронов и боевых платформ, из катапульт вырываются крылатые ракеты. Оживают и нижние железобетонные ангары, там громом разверзается гул танковых моторов. Но самое главное – в шахтах, разбросанных по периметру вокруг подножия башни, ища цель, приходят в движение острия атомных ракет, средней дальности и континентальных. Эти три башни обладают боевой мощью, способной в считанные часы разрушить целую страну. Федераты хорошо это знают, впрочем, их вооружение мало в чем уступает императорской армии. Поэтому война на взаимное уничтожение не начинается только из-за страха гарантированной тотальной гибели. Империя и федерация чаще всего ограничиваются незначительными стычками, локальными операциями, обычно разведочного или провокационного характера. Скорее всего, и на этот раз постреляют, пошумят танками и роботами, прощупывая друг друга, и разойдутся. Такая тактика длится уже десятилетиями.

Такие же военные сюрпризы таят в себе зеленые башни и их недра в эмиратах нейтралитетов на севере леса. В джунглях под гущей кронов и в зарослях идет неустанная жестокая охота рейнджеров и сталкеров противоборствующих сторон. И все это происходит в условиях непрерывного, разрушительного давления джугары с ее страшными монстрами и бактериологическим оружием, грибами, спорами, пылью, вирусами, паразитами.

Нет мира, нет покоя на этой многострадальной земле, пропитанной кровью и потом жертв армии насильников. И возвышается до небес над полем побоища людей и тварей мрачный броневой утес, распространяя наваждение неземной мощи и непонятной угрозы. Быть может, оттуда, из-за стен этой чертовой черной башни, как из наводящей антенны, исходят импульсы, несущие команду на взаимное истребление сынов Адама? Повинуясь этим незримым и негласным императивам, люди тратят все свои ресурсы на приобретение штурмового и оборонного оружия. Так иссыхают, истекая кровью, остатки человеческого рода, принесся на алтарь чужих своих последних сынов и дочерей. И никому в голову не придет, что эта последняя свара людей на руку чужим, укрывшимся за неодолимой стеной. В результате без малейших усилий они получают целую планету со всеми ее богатствами.

Эта губительная для землян война нужна чужим. Мы освобождаем планету от самих себя для них своими руками, своим умом и талантом. Всемирно развив технологию, то есть информацию. Не щадя живота своего, днем и ночью без устали с изобретательностью работая над оружием во имя интересов чужих. Вспомнилось – истинно могущественен тот, кто невидим. Уж не стрекальные ли призраки эти самые пришельцы? Вся наша цивилизация – это гигантский механизм, конвейер бойни, работающий на обогащение джугарной почвы прахом и тленом наших же тел. И мы изо всех сил педалируем двигатель этой дьявольской машины, в слепоте ненависти не замечая истинных заказчиков войны – повелителей иной тьмы. Как же ты раньше этого не понимал?

Ясность прозрения буквально ошеломила тебя. Ты встал, бросил удивленный взгляд на темную махину, прогибающую своей тяжестью грудь земли. Интересно, приходила ли такая мысль Членам Совета десяти, самому императору, президенту федерации, правителям княжеств, стратегам землян? Твой опыт общения с населением империи привел тебя к любопытному наблюдению. Большинство людей и киборгов как будто не замечало присутствия черной башни, игнорируя ее то ли из-за шаблонности мышления, то ли по причине ненужности такого объекта для сознания. Изредка о крепости чужих вспоминали только стратеги империи, да и сам главнокомандующий. Остальным, наверное, было недосуг ломать голову над слишком сложной проблемой. Например, многие ли заняты решением проблемы понимания вселенной, где они сами живут? Только считанные единицы, да и то их считают чудными, не от мира сего. Или им все равно, лишь бы чужие не совали нос в их земные дела. Так что в том, что их забыли, ничего удивительного нет, хотя замок чужих маячит прямо перед носом. Это странно, трудно объяснимо, но Они как будто таким образом приучили людей воспринимать их обитель в режиме условного несуществования. Такая ситуация однажды уже была в истории землян. Корабль капитана Кука стоял прямо рядом с берегом. Однако объект «корабль» был просто пустым местом в мышлении туземцев, и они не реагировали на него. Но когда моряки сели на лодки и сошли на берег, папуасы увидели их. А это уже другая история.

Итак, ты имеешь дело с очевидным парадоксом. Черная башня высотой почти три километра находится рядом с людьми, но они ведут себя так, словно в природе ее не существует, как будто ее в реальности нет. Значит, реальность людей носит сугубо относительный характер. Она обговорена и тесно связана со словами. Мы можем воспринимать только то, что согласуется с нашим историческим понятийным опытом. Объект, выходящий за пределы нашего опытного восприятия, даже если он присутствует у нас под боком, судя по всему, окажется невидимым. Малыш-утенок с его учением о словесно обусловленном восприятии человека был прав! Таким образом, то, что описано в реестрах и подтверждено командами – это для нас реальность. То, что не описано, находится вне слов – это нереальность. Так, например, пустота – самая большая действительность бытия, ибо все в космосе существует в ней, и она есть во всем. Однако поскольку нет никаких слов, которые объяснили бы, что такое пустота, она находится вне зоны сознания людей. При этом несуществование – это тоже давнее слово, весьма ограниченное по смыслу. Никто не знает, что такое несуществование, так как нет объяснения этому. Следовательно, пустота, несуществование – это просто маркировки, сигнализирующие о пределе словесного мышления, за которым простирается неведомое. Оно есть, но

за пределами опыта и понятия. Отсюда вытекает, что абсолютное несуществование как ничто не существует. Ничто наличествует как поле сплошной неизвестности. При этом неизвестность сама по себе – это только слово, нечто вроде условной темной комнаты. Воистину справедлив был Малыш-утенок в своих рассуждениях! Человеческое мышление совершенно бессильно по отношению к тому, что находится между бытием и небытием. Это и есть грандиозная черная башня, торчащая рядом с людьми. Но никто ничего о ней сказать не может, ибо проникнуть туда невозможно. По крайней мере, пока.

Ты, донельзя взволнованный, вскочил, зашагал по площадке под кроной джугабра. Выходит, остаток человечества из всех сил воюет против самого себя, в упор не замечая излучатель, откуда, возможно, исходят команды на последнюю бойню людей. И это происходит по причине порочной косности мышления человека. Он всегда воевал и не может отказаться от вечного императива, то есть от старых слов, понятий, клише, учений и доктрин. А они все пронизаны идеей войны, даже Писания. Но ведь всегда стоит задуматься над тем, что мы делаем? Не работаем ли мы на чужого дядю? Но кто поверит тебе? Они скажут: «Ты выдумал новый миф про старых демонов. Это сказки, древние, как сам мир. Даже если ты прав, где они? Мы их не видим. Они не вмешиваются в наши дела. Сидят себе, даже носа не кажут».

Хорош и ты сам! Сколько лет варился, барахтался в человеческих сварях, из всех сил пособляя то одной, то другой стороне. А сейчас ты направляешься в лагерь федератов, неся в их среду семена непримиримого идеологического раскола, то есть споры гражданской войны. Чем ты лучше вояк древности, настроенных стратегов тотальных войн и державно-идеологических блицкригов? Они тоже действовали, исходя из самых благих намерений. Отстаивая планы, за которые дружно проголосовали не только генералитет и армия, но и весь народ. Чем ты лучше того вождя-пророка, который провозгласил, что Истина находится по ту сторону Добра и Зла? И поскольку он первый, кто перешел Рубикон, то его перст – указующий. Его послушались, пошли, куда он указал, и началась новая мировая рубка. Теперь писатели и философы вопят, что мыслителя не поняли, не так прочитали символические ряды его трактатов. Но ведь небо допустило, чтобы ему вняли вожди, ученые и массы. В результате сто лет назад пролились моря крови. Это была предпоследняя мировая война, когда человечество шагнуло к краю бездны.

Так с чем же идти к островитянам и федератам? С проповедью религии матери-волчицы или с учением о пустоте Так приходящего? Или, быть может, начать с идей Малыша-утенка? Но поймут ли люди то, что ты сам до конца не уяснил? И то, и другое, и третье уже было в исторической памяти человечества, значит, будет распознано. Это означает, что миссия будет провалена.

Огорченный и даже раздраженный, ты накинул на плечи плащ. Облака низко плыли над лесом, неся сырость. Через минуту-другую дождь обрушится на землю, без того кишашую пиявками, тараканами, лягушками, жабами. Осмотрел упырь. Нисколько не удивился, обнаружив в своих руках искусную подделку. Новый упырь нажатием замаскированной кнопки превращался в грозный трехзубец с обоюдоострыми лезвиями. Два нажатия – трубка выбрасывала гарпун с прочным нейлоновым шнуром. Противоположный конец упыря скрывал ствол плазменного резака. Мощности огня хватило бы, чтобы проплавить стальную

плиту пятисантиметровой толщины. Не только верой и энтузиазмом вооружила империя своего рыцаря Ягура, промыв ему мозги эссенцией патриотизма, но кое-чем конкретным, предметным, в частности, данным инструментом. Ты усмехнулся, добрым словом помянув техников – оружейных дел мастеров. Они, конечно, постарались на славу.

Низко повисли облака над сумрачным лесом. Над сизо-черными бурунами туч вспыхнули зигзаги небывало мощной молнии. Казалось, небо разорвалось огненной трещиной. Гроыхнул ошеломляющий гром. Удар за ударом сотрясали нутро мира. Затем зашуршали по кронам тугие водяные струи. Завеса отвесного водопада встала перед глазами, играя листвою, обрушиваясь на стволы, разлетаясь каскадами крупных брызг. Нахлобучив капюшон по самые глаза, запахнувшись поплотней, ты двинулся под ливнем. К счастью, дождь двигался не сплошным фронтом, а прерывистыми веерами. Он то отодвигался за дальние рощи, то набегал вновь, омывая лицо свежестью, неся густые и приторные ароматы тропических растений.

Погруженный в тени прошлого, туманный лес. Одинокой бесприютной тенью сквозил под деревьями ты, утопая в безотчетных думках. Все дожди кажутся одним большим осенним ненастьем. В такую погоду ты любил побродить в глухом дальнем уголке городского парка. Забирался в самые заброшенные и заросшие места Ботанического сада, чтобы окунуться с головой в несказанную печаль осени природы. Чтобы истончаться душой под дождем, не пытаясь понять причину своего окаянного одиночества. Где теперь эти вечера? Нет, они были не на этой планете, и не тебе пели челюстную шелестящую песню желтой флейты те несметные листья улетающей осени. Не твое сердце надрывалось в необъяснимой тоске и рвалось вслед за прошлым, обрывки которого затерялись в забытых взглядах любимой женщины. Она смотрелась в зеркальные витрины, ее уносил не ветер, а порывы времени и парус японского зонтика. Все тогда было против тебя: ее красота, цены в магазинах, суждения ее родственников и подружек, даже город был настроен против, был готов выбросить тебя на заплыванные перроны и забубенные пивные переулки, где даже галки и вороны могли обидеть тебя, загирая дюжими боками.

Что теперь несет джугарному народу новый вестник, полусонный и мрачный, словно медведь-шатун, не досмотревший свой последний зимний сон? Мир несет он с собой или пепел очередной столетней войны? Добром расцвета или злом проклятий аукнется его миссия в душе островитян?

Папоротники сменились плотными гущами тростника, особенно высокого и пряного. Длинные сочные стебли были обсижены несметным количеством мелких мошек. Слоистый влажный воздух казался продолжением стеблей и метелок зарослей, он колыхался, то сплетаясь волокнами густой завесы, то рассыпаясь крошевом темно-зеленой хмари. Под ногами чавкала отсыревшая земля. Чем ближе ты подходил к подножию черной броневой махины, тем более странной, подозрительно неземной казалась растительность. Она была здесь просто исполинской и источала зловещую, жизненную силу. Остановившись, ты с изумлением рассматривал чудовищные грибы метрового роста. Бледная мучнистая поверхность грибов кипела непонятной биологической активностью. Мелкие пузыри вспучивались и лопались, выбрасывая тончайший пар. Так источалась пыльца – семена несметных поколений этих существ, и не растений, и

не животных. Огромные лиловые слизняки ползли вверх по телу грибов. Обходя эти отталкивающего вида отродья джугарной природы, на глазах выраставших из грязи и слякоти, ты шел медленно, выверяя каждый шаг. Тростники были излюбленным местом обитания гиенодонов, да и других клыкастых тварей, с которыми в одиночку лучше не сталкиваться. Нет ничего хорошего во встрече с камышовым вепрем или одиноким, ищущим соперника зубуйволом или зулоном-самцом, ослепленным страстью гона.

Включил канал обзора. Роботы-паукоходы тем же курсом по-прежнему следовали за тобой в отдалении, красным пятном маячил танк РТС, вереницами пробирались рейнджеры и солдаты личной охраны.

Дождь заканчивался. Морозящая завесь колыхалась над растениями. Огромные лилии и орхидеи так и тянулись к влаге, чувственно покачивая причудливыми пестиками и тычинками. Лес вздыхал всей грудью, облегченно и бодро. Облака поднялись выше, они заметно посветлели. Наконец ты выбрался на твердую поверхность. Это был старый асфальт, повсеместно разорванный пучками травы и корнями деревьев. Изваянный из матовой, непроницаемой тьмы, небоскреб был уже рядом. Казалось, уже рукой подать до стены, отвесно уходящей вверх за облака. Пожалуй, материал стены был похож на черный вулканический обсидиан. С тем отличием, что это вещество было не стеклом и не отражало свет. Поэтому на поверхности башни нельзя было увидеть никаких образов. Там клубились бес-связное крошево и струи то ли энергии, то ли поглощенного света, они уходили куда-то вглубь. Через минуту явственно почудилось, что здание засасывает и твой взгляд. Наваждение было столь сильным, что ты, вздрогнув, инстинктивно отвернулся.

Вокруг основания башни особенно густо разрослись рощи баньяна. Каждое дерево, само по себе великан, свешивало с кроны завесу длинных воздушных корней. Корни, достигшие земли, пускали щупальца вглубь почвы, преобразаясь в свежую поросль с листьями. Мощь и красота жизни, освобождаемая растущим баньяном, поражала воображение. Каждый огромный баньян, по сути, представлял столпотворением молодых деревьев с материнским растением в середине. Это был полноценный тенистый микромир со своим климатом, населением, состоящим из барсуков, опоссумов, джубезьян, джумуров, летунов, армией насекомых. Высоко вверху на ветвях баньяна и соседних хлебных деревьев красовались пышные пучки развесистых брамелий, диковинных паразитических соцветий. В этом лесу на каждом шагу встречались всевозможные фруктовые растения, манили взгляд пучки фиговых деревьев, инжира, плоды дикого апельсина. Дынная пальма, колбасное дерево и дуриан росли по краям зулоньей тропы. Одурающие, пряные запахи кружили голову. Джугарный лес, подпитываемый невидимым магнетизмом черной башни, демонстрировал буйство невиданных и изобильных форм биологической жизни.

Впереди показалась роща особенно высоких и массивных деревьев. Некоторые из них, скорее всего, достигали стометровой высоты. Но и они рядом с асфальтово-черной горой выглядели карликами. Дождь утихал. Ты шел среди кустов высокой слоновой травы, стараясь не сбиться с тропы, выбитой копытами зубуйволов. Когда-то здесь пролегалла обычная городская улица, кипела на ней суета машин, проходящих людей. Во дворах домов шла своим чередом рутинная

жизнь домохозяек, пенсионеров, детей, бомжей, прописанных возле мусорных контейнеров. По утрам кричали под окнами молочники, днем собачились друг на друга дворники и бродяги. Теперь всего этого нет. Катастрофа смахнула все это во тьму прошлого, превратив что-то в воспоминания, что-то в гниющие развалины, раскромсанные корнями бесстрастных деревьев. И если бы не эти невероятные башни, вознесенные над лесом, даже тебе, бывшему жителю умершего города, не поверилось бы, что здесь, под листьями и травами, истлевают в прах кварталы пропадающего мегаполиса.

Дождь мерцал, уходя вдаль, с каплями отшелестели призрачные истории. И ты увидел удивительную картину: тело колоссального здания, обвитое бесчисленными желобками, сверкало и рябило бликами – по канавкам струились ручьи воды. Минуту назад их не было, и вдруг они появились, помогая воде стремиться вниз по спиральным руслам. Затем ты понял очевидное: если бы не желоба, вода падала бы с кровли здания с высоты трех километров потоком разрушительной силы. Но как произошло это изменение?

В метрах ста от тебя трава ожила. Она как бы вздыбилась. Невидимый вихрь несся прямо на тебя, рассекая бурунами траву. Тростники ходили ходуном, по нескольким направлениям разваливаясь под напором каких-то чудищ. Что это за звери?

Сеть оказалась расторопнее твоего инстинкта. ИК прокричал прямо в мозг: «Командир, атака многоножек!» Как тогда, в тот раз, время начало замедляться, и в заторможенном состоянии ты узрел устрашающую сцену. Десятки сверкающих многоножек, шустро работая лапками, со стремительностью африканской змеи Мамба рвались прямо к тебе среди падающей травы и тростника. Достигнув линии фронтальной атаки, они начали на ходу трансформироваться в колеса. Не сбавляя скорости, они загибали хвосты до самой морды, кишачей карминовыми индикаторами, затем происходило сцепление. И уже далее огромные кибернетические колеса мчались с удвоенной скоростью, кромсая почву и отталкиваясь от поверхности сотнями лапок. Умопомрачительные колесницы неслись к тебе, а ты стоял, как громом пораженный, не в силах понять происходящее. «Роботы федератов!» – опять крикнул голос внутри головы. Многоножки были уже недалеко, некоторые из них вновь распались в нечто подобное гусеничным тракам, с тем отличием, что из их спин начали выдвигаться стволы пулеметов. Ты все еще был в оцепенении, в этом томительном состоянии как на замедленной киноленте ты увидел атаку паукоходов. Роботы поддержки выскочили из зарослей. Они вели огонь на поражение. Бежали на восьми конечностях, покачиваясь на ходу. Земля вокруг них вскипела от взрывов. Они сами извергали пучки желтого огня. Паукоходы приближались. Многоножки, как по команде, начали перестраиваться для обороны тыла. Все колеса трансформировались в длинные и широкие ленты, оцетинившиеся стволами. И ты оценил талант военных инженеров федерации. В плоских, к тому же еще ползущих многоножек попасть было чрезвычайно трудно. Окайнные черви ответили на выстрелы пауков залпом трассирующих пуль. Зеленые нити мгновенно прошли все пространство леса, нащупывая роботов противника.

Затем ты увидел совершенно неожиданный маневр. Сразу три паукохода ударили по земле струями ракетных ускорителей и взмыли вверх. Это был грандиозный и неожиданный прыжок. Роботы, оставшиеся на земле, густо задымили

от прямого попадания снарядов многоножек. Те же пауки, которые совершили подскок, из-за верхушек деревьев обрушили на червей град самонаводящихся ракет. Послышался скрежет рвущегося металла. Издали громыхнула пушка танка РСТ, идущего на помощь боевым роботам.

И все же время было упущено. Ты это понял, когда увидел стволы по крайней мере пяти многоножек, нацеленные на тебя со всех сторон. Ты был окружен вражескими машинами.

Что такое наносекунда? Человеческий мозг не в состоянии осознать такой критически малый промежуток времени. Он просто опаздывает с командой, обрушиваясь в переживание неминуемой гибели, как в пропасть. Однако твое тело не хотело умирать от вторжения фосфорной пули. Оно послало в волокна экзо-плаща сигнал со скоростью наносекунды. Силиконовые пружины распрямились с ошеломляющей силой, и ты увидел, как соседнее дерево всем объемом падает на тебя. Нет, оно не рухнуло – это ты взлетел, подобно огромной летяге, звеня туго натянутыми перепонками накидки. Ты витал, как во сне, отрешенно наблюдая, как строчка трассеров приближается к тебе, превращая листву дерева в бурлящую кашу. Сложил крылья, ринулся куда-то в сторону, опять распахнул створки плаща, качнулся в парении и увидел под бронеколпаком ближнего паука смертельно бледное лицо – стрелок в шоке уставился на тебя. Паук висел в воздухе, из-под брюха истово била струя пламени ускорителя. ИК включил экран бокового обзора, и ты увидел крупным планом тех же многоножек на земле, которые поднимали стволы максимально вверх. Кто-то наводил их орудия прямо на тебя. Новый толчок, опередивший огонь выстрелов, и плащ понес тебя к другому дереву, гигантскому баньяну. Нырнув в чащу воздушных корней, ты вцепился когтями в толстую кору ствола и бросил взгляд вниз. Так и есть – пара многоножек, блестя сочленениями, хищно скользнула к подножию дерева. Руки и ноги вновь оттолкнулись от ствола, послав тело в полет к другой роще. Мелькнули ветви, лианы, корни, брамелии ударили по лицу цветками. Не дожидаясь появления врагов, ты прыгнул опять, преодолев по дуге двухсотметровый разрыв между рощами. Плыла бурым разливом трава внизу. Далеко в стороне качалась туша танка, выбираясь из зарослей. Что-то остро сверкнуло внизу в чаще. Вновь толчок и прыжок. На этот раз ты полетел к зияющей прорехе в кронах сгрудившихся фиговых деревьев. И уже над куполом открывшегося здания ты испытал жгучий удар прямо в грудь. Нет, это была не пуля. Это восторг пламенем вспыхнул в твоём сердце. Ты летел! Ты чудом овладел силой полета. Ты парил над лесом. Биоволокна плаща стали частью твоего тела, они слушались тебя, повиновались сигналам мозга. Наполняя мощью крылья, они направляли полет туда, куда вела интуиция. Ты стал крыланом, истинным летуном! Подлетев к дыре в стеклянном куполе, ты нырнул в прореху и оказался внутри громадного здания.

* * *

Ты парил под куполом заброшенного старого здания. Хмарный воздух, густо заросший тенями прошлого, нереальный, как и все происходящее, был прорублен широким потоком света, отвесно падающим вниз через отверстие в крыше. И это была уже другая фаза твоего бесконечного и причудливого сна, заполненного абрисами и символами доисторического прошлого, в основном костяками ди-

нозавров, среди которых угадывались скелеты тираннозавра, диплодока, бронтозавра, плезиозавра, мастодонта. Они поочередно сменялись, как декорации на сцене, когда ты, кружа, пролетал над ними. Подобно гостю из другого мира, огромному джупиру, ты плыл в сумеречном воздухе, шурша перепонками крыльев, и каждый твой виток погружал нижний мир все глубже в прошлое. Восстанавливались фрагменты разрушенных картин, пространство собиралось в зримые сцены линиями и фрагментами, осколки стекла на полу склеивались в куски, те взмывали вверх к куполу, становясь на свои прежние места. Исчезали сами собой мусор, пыль, мох, плесень, светлели стены, обретая прежнюю свежесть красок, задом наперед неслись по полу мыши и крысы, ящерицы, порхали в обратном направлении тучи бабочек, мотыльков, стрекоз, мух – что-то случилось со временем, и оно неудержимо несло вспять. Ты понял, что возвращаешься через прошлое домой. Только так, закручиваясь в потоках обращенных вспять событий, ты сможешь найти себя самого прежнего, сначала Странника, потом Снежного воина, затем журналиста, оказавшегося в плену бабы-хуторянки в заброшенном военном городке.

Облака мути поднимались с мраморного пола палеонтологического музея, пыль, крошево и щебень клубились, струились вверх и в стороны, превращаясь в штукатурку, пленку левкаса, а то и в барельефную фреску, красовавшуюся на западной стене под карнизом. Наконец ты увидел знакомую картину: коренастый, плотного сложения человек в пиджаке-косоворотке, засунув левую руку под фалы безрукавки, другой рукой вдохновенно показывал группе крестьян куда-то на восток в сторону противоположной стены. Повинуясь мановению его руки, восточная стена прояснилась рисунками, и крестьяне увидели, как из забвения и разрухи выплыл большой круг, протянув прямые линии-лучи вниз. И все поняли, что это гипсовое солнце, встающее над бескрайним пшеничным полем, тоже гипсовым. А затем все с радостью узрели простоволосую молодую женщину с добродушным круглым лицом, сидящую на краю поля с полуобнаженной грудью. Еще несколько движений, и всем стало ясно, что ей хочется присоединиться к другим людям, работающим на жнивье со снопами, поэтому она тянется к полю, отставляя недокормленного ребенка. Тот нисколько не обижался, валяясь на ворохе гипсовой соломы, потому что был сознательным и все понимал, особенно то, что несла с собой заря новой жизни. Лицо у ребенка было упитанным и очень жизнерадостным. Между настенными противоположными фресками переливалось пустое пространство помещения. Однако и здесь мало-помалу начал возникать какой-то силуэт, собираемый невидимой рукой из груды старых костей, лежавших на полу. Сначала желтыми сегментами восстали огромные конечности, затем сочленились хвост, тазовые кости, ребра, выявились позвонки, в конце концов на место встали передние когти и чудовищная зубастая пасть колоссального монстра, ужасающего размерами и мощью. Если события пойдут дальше развиваться в обратном направлении, конечно, неизбежно наступит момент воскресения допотопного зверя. Блестя узорчатой зеленовато-бурой кожей, пылая голодными глазами, монстр шагнет к выходу, оскалив жуткую пасть. С грохотом обрушит свой постамент и с яростным ревом, сотрясая грудь земли титаническим весом, направится в свое царство – первозданный доисторический лес. Призывал ли вождь гипсовых крестьян к оживлению монстра или, наоборот, предупреждал их о звере, стоящем на пути к полю, ты понять не успел.

Какой-то бархатно-мягкий комочек прокатился среди пляшущих пылинок и штрихов, привлекая твое внимание. Ты оттолкнулся от купола и вновь вовлекся в круговорот попятного времени. Это был серо-полосатый кот, он медленно проявлялся в золотом ореоле. Затем стало видно, что он пытается подцепить когтями пару голубей, материализовавшихся в том же луче. Вот уже вечность длится этот отчаянный прыжок кота. А затем ты узрел девушку с торчащими по обе стороны от висков рыжими косичками. Она возникла из небытия, вращаясь в невесомости, со взглядом, устремленным на голубей и пушистого любимца. Она проявлялась – возвращалась из небытия, обретала человеческое сознание, вновь выныривая из странного и поразительного сна, в котором всего секунду назад она была просто потоком блаженного света, чем-то таким, что было между бытием и небытием, океаном состояний, немислимых и неопишуемых. Затем она увидела своего дорогого друга, единственного и неповторимого баловня, кота Сержа, схватила любимчика за шкурку и, целуя сердитые глаза сибиряка, тиская и теребя фырчащего и шипящего зверька, опустила на пол и со всех ног понеслась домой. Работая ногами, она неслась мимо страшных скелетов, ржавых железных ферм и разверстых баков, цистерн хлебозавода, прогромыкала подошвами сандалий по ступенькам лестниц, вихрем пролетела по улочкам и закоулкам сонного еще города. Призраком вознеслась по ступенькам лестничного марша, заскочила в прихожую, попрыгала на одной ноге, скидывая обувь, юркнула в свою комнату. Отдышавшись, она остановилась на минуту перед зеркалом дубового шкафа, показавшего во весь рост почему-то не девочку-подростка с блестящими глазами, тонкой талией и узкими бедрами, а незнакомую деревенскую женщину в мятом платье и фартуке, этакую сердитую взлохмаченную бабу-мегеру. На мгновение она ошалела, но потом приняла видение за сон, пожалала плечами, бросила взгляд на часы. Было семь часов утра. Пора невероятно ранняя. А ведь сегодня воскресенье, спешить не нужно. Кот дома, голуби на балконе, город за окном, никуда он не делся. У нее есть еще час-другой для того, чтобы подремать, понежиться в теплой постели, прижимая к груди бархатного, мягкого Баюна, все еще сердитого на нее за то, что не дала поймать птах. Еще минуту – и цап-царап, добыча была бы когтях. И она от души улыбнулась своим приключениям, забавным и невероятным. «Воскресенье!» – светло толкнулось что-то в груди, там вспыхнуло алое солнце, звенящая заря раннего девичьего незамутненного счастья. И пискнув от избытка чувств, ты нырнула под одеяло, еще теплое, не остывшее за минуты твоего отсутствия. Ты с головой кинулась в омут видений, нисколько не удивляясь тому, что все еще витаешь в воздухе, вися под призрачным куполом, и смотришь в глаза странного крылатого существа, джупира с пронзительными зрачками ночного летуна, маетно ниспадающего сверху. Наконец-то ваши зрачки встретились, они всмотрелись, узнавая друг друга иным, нездешним сознанием, памятью не этой земли. И спросили друг друга: «Это ты? Неужели это ты? Где ты был так долго, Коке?» И в пронзительной вспышке неземного света ты все понял, согласился со всем, что говорила душа девушки языком несловесным, лепетливым, сиреневым. Что только не приснится утром рано девчонке, до поздней ночи, до окрика матери листавшей страницы фантастического романа. Книги расхваленной и поэтому накануне выпрошенной, вымоленной у Васи за пачку новеньких перьев, нет, кажется, фломастеров или маркеров. Что только не при-

снится нашей Апке. Но теперь все хорошо, все нормально. Урчит, успокаивается кот на груди хозяйки, похрапывает в своей комнате матерая баба-яга, вьется, порхает под потолком огромный дымчатый мотылек, не то замороженный, не то заблудившийся в ночных скитаниях. Но это уже не беспокоит никого, ибо бездонно душ слияние воистину.

* * *

Объемным нутряным громом глубины оглушило тебя. Непонятная сила толчками выталкивала сознание из тьмы наружу. И все еще слышался догоняющий шепот. Что только не приснится спозаранку Майе, ранней луговой девчонке, птахе городской, порхающей и прыгающей в основном по тротуарам и мраморным тропкам города-леса. Певунье с серо-зелеными глазами, радующейся миру всем сердцем, с толкотней в груди и пламенем жгучим, заставляющим приплясывать и обниматься с подружками. Особенно Баюну, незабвенному, серо-полосатому чудо-юду, шелковому зверю, с урчанием соковыжималки, обжившемуся прямо на груди незрелой девчонки, на двух яблочках дички, еще не налившихся соком и млеком, золотом и медовым томлением. Все-то он знает, баловень этакий, поэтому урчит, бурчит непоседа, потягивается и млеет, перекачивается плюшевым шаром, затихает в грезах бесконечных, бездонных, таинственных, дремучих. В чашах терпких, пряных он гуляет, погуливает на пасаках медвяных среди дев дымчато-облачных, гулливых, смешливых, нежнейших созданий, дюже лукавых. Едва прикрытые призрачной фатой, налитые девы райские, спелые птахи, голуби балконные воркуют, фланируют туда и сюда по перилам, иногда срываются прямо в сердце и там кувыркаются, порхают, небесные пери, сияют очами камышовых газелей, длиннющими ресницами доставая до самой души. Эти пернатые, пушистые пери витают, соблазняют сердце бархатного сибирского Фавна, оборотня с ненасытной утробой, со зрачками-лезвиями, дрожащими, словно кинжальные щели чулана чердачного, последнего, неусыпно бдительного. Он – хитрющий следопыт, сердцеед, никому на всем свете не доверял, исходя из собственного опыта вруна и лицедея, испытанного интригана. И подумав так, ты приоткрыл глаз, блеснув зеленым зрачком умопомрачительным, вдохновенным оком улыбнулся окоему, зарослям тростниковым, камышовым, несметным, густым просиял взглядом, догадался чутко и сказал себе: «Пора вставать, приниматься за работу, старик!»

И ты поднялся, осмотрелся, смутно припоминая осколки нескольких событий, зацепившихся в лабиринтах бесформенного сознания. Что тебя оглушило и отравило в беспамятство? Ты вроде бы забрел в подземный бетонный бункер, где куда-то лег и что-то съел под заговорщический шепот не то Собеседника, не то стрекального призрака, не то посланника Чужого. Среди завалов психической сумятицы и круговерти тебя одолевали страхи и тревоги не человека-бегемота, отчалившего навсегда в плюшевое и атласное прошлое, а суриката-воина, едва уцелевшего в невиданной схватке с джусойными существами. Помнится, он отдышался в подземном убежище, пришел в себя, затем, все осмыслив и прикинув как следует, начал снаряжаться в великий поход. Сурикат, как известно, преданный муж, верный семьянин, добропорядочный бюргер, смысл жизни которого заключается в продолжении рода, в обхаживании жены и детей.

Так ты отправился в путь-дорогу в поисках пропавшей жены. После сокрушительной атаки джугарного полчища, чудом выживший одиночка-сурикат вооружился до зубов, спустился в подземелье, в норы и ходы, заранее приготовленные для такого случая. Здесь ты вроде бы полз по лабиринту среди сырых бетонных стен, пока не спустился в бункер. Нашел в потемках кровать и горстку орехов. Далее сознание натывается на провал. Эта тьма и клубящиеся впечатления ничего тебе не говорят. Прошло, быть может, несколько циклов или вечность, и ты обнаружил себя, вернее свое сурикатское тело, по-прежнему ползущим по бетонному коридору. Быть может, ты никогда никуда не спускался, не ложился на несуществующую кровать, не ел приснившиеся плоды? Ты просто полз, карабкался, тащился по катакомбе, а затем непонятно почему отключился на минуту или час. Просто потерял сознание от паров старых коммуникаций? Немудрено, это же подземелье, и здесь все возможно. Бетон под ногами был залит тухлой водой, кишашей какой-то живностью. Головастики и тритоны, черви метались в луже. Разрушая многослойную ряску, плюхая по тине, ты пробирался через муть к далекому оку света. Был уже близок к цели, еще несколько минут – и ты вырвешься из этого болота, мрака и вони. Вдруг посторонний шум невнятным сотрясением донесся через толщу бетона и грунта, он заставил тебя замереть. Инстинкт суриката воспрянул в тебе, и ты, припав к стенке, прислушался. Ты нервно бил хвостом по жиже, клацал зубами. Что там происходит? Или надо повернуться и кинуться назад, в спасительную тьму бесконечного коридора? Земля тяжело вздрогнула, несколько раз рыхло сотряслась. Ты был готов броситься назад, но в сурикате помимо инстинкта самосохранения еще сильно любопытство, и оно принудило тебя выжидать, прислушиваясь. Так ты и поступил. Через несколько минут ты понял, что наверху идет бой. Да, там рвались снаряды, в крошево обращали среду вакуумные бомбы, лязгали гусеницы тяжелых танков, рывкали крупнокалиберные орудия. С дробным топотом пробегали вереницы пехотинцев. У самого входа в подземелье остановился танк. Гулко урча, работал роторный двигатель. Ударил пушка. Стенки подземелья задрожали, посыпались кусочки отколовшегося бетона. Ты сжался в ком, шерсть на загривке вздыбилась. «Надо убираться отсюда подобра-поздорову, пока жив, – подумал ты. – Здесь слишком жарко».

Включил фонарик, осветил, вода лучом. И вдруг дух перехватило от увиденного. Направо, в метрах тридцати от основного выхода зиял другой коридор. За одну минуту ты оказался у развилки. Послал луч в правый проход. Он был широкий, с высоким потолком, а самое главное – был сухим. Кто проложил этот запасной туннель? Над этим вопросом сурикату ломать голову было некогда. Оказавшись в сухом бетонном рукаве, ты постарался первым делом унести ноги подальше от места боя. Когда звуки стрельбы перестали донимать, остановился, чтобы осмотреться. Рюкзак с содержимым был в сохранности, также с тобой был твой автомат, на поясе висел штык-нож, левая рука сжимала упырь, кисть правой руки держала дальнобойный походный фонарик. В карманах комбинезона перекачивались запасные батарейки. Все-таки спецовка защитила твое тело от сырости и вредной влаги подземелья, значит, расчет был верным. Снаряжение работало как надо, особенно пригодились тебе фонарик и противогаз последней модели. Противогаз находился на своем месте – в подсумке на правом боку. Ты

в порядке, старик! Ты добрался до цели! Сколько бы ты ни полз во тьме, ты все-таки уцелел в этой передрыге!

А ведь еще немного, и заснул бы навсегда в том чертовом бункере, забывшись в парах то ли метана, то ли особого джугарно-наркотического газа. При этом при-снился просто невероятный кошмар про мегабашни, кибернетический термитник, битком набитый роботами, киборгами-вояками. «Привидится же такое!» – от души чертыхнулся ты, радуясь тому, что жив, что скоро увидишь свет божий. Между тем, ты всегда был человеком-сурикатом, жителем подземелья, упертым кротом, упорно ищущим самку для продолжения рода. «Какой же ты сурикат без самки-королевы?» – спросил сам себя, довольный результатом осмотра. Цель была вновь выявлена и установлена на место. В ней сомнения нет. Туманность недавнего прошлого тебя не должна беспокоить, ибо копания в воспоминаниях – это то, что не присуще сурикату. «А у кого из ныне живущих прошлое безоблачно чисто от дыма и копоти?» – громко спросил ты себя, и бетонные стены ответили, повторив что-то неопределенное, гулкое. Эхо тоже тебе понравилось, значит, пространство было широким, без проклятых тупиков, оно имело выход. И действительно, вскоре впереди замаячил проем выхода. Он светил тихо, мирно, обнадеживающе. Все-таки ты подполз к нему совершенно бесшумно, замер, принохиваясь. Выход был забран толстой арматурной решеткой, за ней умиротворенно желтел пустырь, заросший бурьяном и крапивой. Среди бурьяна джусойи с ее сочными и колючими листьями не было видно. Ни единого постороннего звука, кроме пения какой-то пеночки. На решетке лежал толстый слой пыли. «По крайней мере лет десять сюда никто не заглядывал», – подумал ты, изучая неожиданную преграду. В кармане комбинезона было припрятано зеркальце. Зажав зеркальце коготками, высунул лапу наружу и нацелил стекло налево за край решетки. Внимательно осмотрел отражение. Так и есть! На дужке висел большой, насквозь прогнивший амбарный замок. Убрал зеркало, тронул слегка замок – дужка тотчас отвалилась, как будто с нетерпением ждала твоего толчка. Наконец-то ее многолетняя караульная служба подошла к концу. Но ты был опытным, бывалым сурикатом. Поэтому не торопился выходить наружу. Смахнув пыль и паутину на пол, устроился поудобней, вытащил бутылку с водой, достал пакетик с галетами и шоколадом. Надо было подкрепиться и заодно обмозговать план дальнейших действий.

Что бы ни случилось с твоей памятью, ты еще живой и активный после путешествия в темной и вонючей утробе. Ты знаешь, откуда ты и куда идешь – вот что самое главное в этой ситуации. И еще в тебе живет ощущение приобретенного опыта, странного, соприкоснувшегося с чем-то абсолютно чужим. И это ощущение щекочет нервы, оно не пугает, а подхлестывает. В итоге ты стал каким-то другим.

Утолив голод, нацепив черные очки – свет невыносимо слепил зрачки, ты навалился на решетку. Она подалась, устроив рыхлый обвал пыли и лишайника. Быстрой тенью скользнул в чащу репейника, залег, едва дыша от волнения. Продолжительный осмотр новой территории – обычная тактика суриката. Рекогносцировка многое дает. Это был двор заброшенного цеха или кустарной мастерской. Похоже, люди на этот пустырь давно не заглядывали. И животные тоже, они на острове перевелись много лет назад. Асфальт во дворе был густо занесен слоем прошлогодней листвы, ворохами сухой травы, перемешанной с опилками, тряпьем, бумагами. Возможно, это край свалки, обширной и забытой, густо и необоримо

захваченной дикой травой. Выше человеческого роста вздымались пыльные кусты крапивы, конопли, чертополоха. И эти чащи надежно укрывали фигуру крадущегося суриката. Кучи ржавых, опорожненных консервных банок ты обходил очень осторожно. Гром железа тебе ни к чему. У суриката много врагов, это псы, шакалы, гиены, особенно опасны совы и филины. Сидит, небось, где-нибудь на ферме высоковольтной линии густоперый, мохнатый, убойный филин и вращает головой, рыщет по сторонам голодным взглядом. Для такого оголтелого горлопана со стальными когтями полуслепой сурикат, мягкий, слабый – настоящий подарок судьбы. «У, сыч, ненасытная тварь!» – проскрежетал ты зубами. Огляделся, обнюхал свое тело. Что это такое? Шерсть исчезала, таяла на глазах, вместо нее проявлялась человеческая одежда. Выбравшись из зарослей, ты с трудом выпрямился, – позвоночник плохо поддавался, да еще рудимент хвоста мешал. Коготки втянулись под ногти, мордочка быстро округлялась, конечности превращались в руки и ноги человека. Ну и дела! Впрочем, и это надо принять, как нечто неизбежное.

Железные ворота мастерской были заперты намертво. Они стояли стеной ржавого железа, наглухо закрывая выход на улицу. Зато призывно манил к себе створ калитки, слегка приоткрытый во внешний мир. Сохраняя всю ту же предосторожность, подкрался к калитке, выглянул наружу. Полузабытая панорама предстала перед глазами: серый ряд одноэтажных, как бы заретушированных тусклотой домов тянулся на весь квартал, заколоченные жестью слепые окна наводили тоску. Затем начинались когорты таких же незрячих, иссеченных трещинами, обшарпанных трехэтажек весьма скучной наружности. Изборожденный ямами асфальт, кое-как прикрытый обрывками картона, фанеры, пластика, коробился и выгибался на глазах – это заблудившийся ветер шевелил остатки защитного покрытия. На крышах высоких зданий и производственных корпусов то тут, то там виднелись наблюдательные вышки, сооруженные из брусков, досок и фанеры. Вдалеке над хаотическим нагромождением шиферных и жестяных крыш блестел край белого металлического забора. Вдоль него торчали черные остовы сторожевых вышек. Скорее всего, это внутренняя, заградительная стена острова. Еще дальше, в отдаленной перспективе, не вмещаясь во взор, рвались в заволоченную высь исполинские башни – оранжевая, светло-коричневая и желтая. Их отливающие блеском поверхности отражали медленно плывущие облака. В воздушном пространстве вокруг и между башнями медленно парили дроны, суетливо кружили вертолеты. Они были похожи на хищных птиц – кондоров, что-то высматривающих в гуще леса и на улицах островов. И вдруг пришло осознание: ты достиг цели, ты на острове № 5. Он мало чем отличается от того, который ты некогда покинул. Но когда? Прошлое не повиновалось твоей памяти, оно лежало в глубине мозга смутным, серым оползнем.

Сознание человека возвращалось к тебе. Особенно не вникая в содержание увиденной картины, ты понимал значение некоторых деталей. В небе много летательных аппаратов – это говорило о том, что недалеко от цветных башен что-то происходило. И как бы подтверждая твою догадку, донесся глухой раскат взрыва.

– Как мне надоело это дерьмо! – вдруг послышался голос совсем рядом. Ты вздрогнул, импульсивно оглянулся, ища источник звука. Справа, в метрах двух от тебя, откуда-то снизу, из серой завесы штрихов, мшистых пятен и трещин как бы сам по себе выявился узкий проем, наполовину углубленный в бетон. Из по-

черневших рам торчали несколько острых осколков стекла. Вновь забубнил недавний голос. Он доносился снизу из окна полуподвала. Ты подобрался к проему и заглянул в помещение.

Рыхлая, вязкая полутьма, плывущая над какими-то бесформенными силуэтами. Затем выявились контуры нескольких токарных станков, стоявших в ряд. На полу среди россыпи инструментов, запчастей, кучек ветоши на поролоновых сидениях удобно устроились два мужика. Один из них, высоко запрокинув зеленоватую бутылку, жадно глотал из нее – кадык так и елозил туда и сюда. Его товарищ с ревнивым выражением на истощенном лице следил за тем, как уменьшается содержимое бутылки. Тот, кто пил, судя по униформе, был сержантом или уличным надсмотрщиком. Квадратная челюсть и кадык крепыша двигались, словно заведенный механизм.

Возлежавший рядом мужичок, неказистый, с острым, каким-то песьим лицом, вновь повторил знакомую фразу:

– Надоела до чертиков такая житуха. С утра до вечера драишь асфальт, шманяешь дворы и крыши, шаря шипы и буравчики, черт бы их побрал! У меня уже глаза отвыкли нормально глядеть, все вниз норовят нырнуть. Было бы куда заглядывать, например, бабе под юбку. Нет же – ищи шипы. А они, думаешь, лежат и ждут тебя? Как бы не так, с глаз долой завинчиваются всего за пару секунд. Не углядишь чертяг – стражник-мордovorot тут как тут, орет, как оглашенный, матом кроет, плетью замахивается. У меня-то шкура не казенная, весь хребет в синяках и нарывах. А жратва какая? Мучной баландой с червями травят, да еще зубоскалят, мол, подыхай скорее, на одного спиногрыза будет меньше. И вот наш брат, работяга, пачками прет на тот свет. Пачками! Крематорий не успевает переводить трупы в пепел. Скоро ты, наверное, и меня туда отволочишь. И еще будешь матюгать по дороге.

Здоровяк оторвался от посуды. С ухмылкой глянул на товарища:

– Помрешь, так оттащу за шкуру. А по благу почитаю за упокой, как умею, по-нашенскому, с припевами.

Детина хохотнул, его широкое лицо заметно порозовело. Пойло действовало на него самым положительным образом.

– Но ты все-таки не помирай. Не спеши на тот свет. А то кто станет угощать меня дерьмовкой, хотя бы раз в неделю? Одна радость – завалиться после дежурства к тебе в каптерку и нахлестаться до упада, до потери сознания, – стражник вновь разразился добродушным смехом, похлопывая тощего по спине.

– Ну, ты, Вол, того, полегче! – наморщил тот заросшее жухлой щетиной, тонкое шакалье лицо. – Ты меру-то соблюдай. Блюда меру-то. Как бы в роте не догадаться. Заначка-то у меня одна. Рота сейчас на дежурстве, ребята шманяют дворы и улицы, вкалывают, бедняги. Офицеры, сволочи, собачатся, орут. Прапора бегают с кнутами. А ты здесь прохлаждаешься, уже упитый, теплый. По твоей роже за версту видно, что ты хватанул где-то порцию. Как вкаты тебе за самоволку, врежут по первому счету, мало не покажется. И будешь ты в арестантской робе потеть, как японский вол. Раньше ты драл шкуру с доходяг, там будут драть три шкуры с тебя. И узнаешь ты, почему фунт лиха.

Верзила перевалился с боку на бок, внимательно обвел зарвавшегося товарища хищническим, прицельным взглядом. Но в последнюю минуту сдержал порыв злости.

– Золотые руки у тебя, Шакал, и голова не пустой кочан, как у других. Иначе за такие слова, такое оскорбление вышестоящего лица потащил бы тебя за шкуру на допрос, на распыл с пристрастием. Но что делать? Дюже любезен ты нам зельем. Чудо творишь с семенами джугарными и плодами всякими, джубуйными. Как ты квасишь их в чане своем колдовском, в подвале хреновом, какими методами выганиваешь первач – это нам неведомо. Да и на какой хрен нам знать это? Однако факт – то, что пол-острова, в том разе немало сержантов и прапоров, шастает к тебе по ночам, в том числе и твой слуга любезный. Без твоей дерьмовки жизнь нам не в радость, это тоже факт очевидный. Начальство гнобит нас, мы злобимся на рабочих – кругом хай-вай. Все здесь держится на крике и кулаке. От этого тошно. Все понимают, что рано или поздно нам будут кранты, полные и окончательные. Вот в чем дело. И деваться некуда. Кому мы нужны? Сам пораскинь мозгами. Мы просто пушечное мясо для имперцев и федератов. Они просто стравливают нас и ждут, что выйдет из этого дерьма. Чем хуже для нас, тем лучше для них. Наши понимают это и злобятся от безысходности. Это и быку ясно. А ты только о своей шкуре печешься. Ты особенно не наглей. Знай свой шесток. Мы тебя ведь не кантуем, как других. Бережем, холим. Табель о выходе на работу аккуратно заполняем, а по спине хлещем только для виду, чтобы офицерье успокоить. Мы же не дураки. А этот двор от проверок и тотальной чистки кто бережет, твою задницу кто прикрывает, ну?

Вол смотрел грозно, поигрывая витой, длинной плеткой.

– Ну, чего ты взъерепенился? – примирительно заюлил Шакал. – Я же только для острастки, для бдительности. Чтобы не забывался и не нарвался на особистов. Те церемониться, в тити-мити играть не будут. Ты сам это знаешь. А так у нас все на мази, все шито-крыто. Дай бог, чтобы и дальше все так шло. Ну что там за переполох, что за стрельба приключилась?

Вол выжидал минуту-другую, явно испытывая удовольствие от нетерпения товарища. Он помедлил, раздумывая, но затем, важничая, начал рассказывать, гундоса под нос.

– Думаю, что весь сыр-бор из-за очередной свары имперцев и федератов. Лезут в драку, волчары, чешутся кулаки у них. Вот и затеяли свалку сегодня. Не зря говорят: если два быка бодаются, то у мухи, что промеж них – душа вон. Муха – это мы, уяснил? Субботний день, в баню надо, дрыхнуть охота. А они схлестнулись у наших стен, да не на шутку, нагнали танков, пушек – страсть! Налетели ихние вертушки и давай палить ракетами и пулеметами. Дым столбом, деревья в клочья, земля горит. Но как будто этого мало: начали выскакивать твари – роботы, страшные, аж мороз по коже. Лупала красные, по шесть клешней, а еще многоножки-шустряки ползут и огнем полыхают. Я такого кина давно не видел. А еще под деревьями колеса какие-то громадные, железные, катятся, сверкают, потом на ходу распадаются и палят со всей мощи пушками. Оказывается – роботы-черви. Ну и ну! Мы торчим себе на вышках, млеем от такой бесплатной картины. Хоть бы перестреляли друг друга, твари, вчистую, думаем.

– Федераты – наши союзники, – строго заметил тощий.

– Хрен собачий – союзники! – выругался стражник, смачно сплюнув на пол. За-мешкавшись, тем не менее, с охотой продолжил азартный рассказ: – Колошматили они так друг друга, аж шерсть клочками. Мы сидим себе, не можем понять, в чем дело. Ждем команды, ведь федераты – союзники. А вдруг начнут загибаться, тогда

придет приказ – вытаскивать ихнюю вонючую задницу. Вот так сидим, покуриваем, перетираем меж собой догадки. А там, в лесу, уже десантники ротами пошли друг на друга, начали рубиться, швырять всякими приемами. Ножам машут, толпа на толпу, стрельба прекратилась. Крики, мат, штыки в ход. А крови никакой нет. Мы сидим, лупим моргалами со стены, ничего не можем понять. Пока офицеры не вталдычили нам, что это дерутся не люди, а киборги-солдаты. Мы рты и поразинули: до чего дошли федераты и имперцы! Понаделали роботов и киборгов воюют через них, а сами в башнях за броней отсиживаются. Сволочи!

– Обормоты еще какие! – согласился Шакал. Глаза у него масляно блестели.

– У меня аж руки зачесались. До того свалка захватила, прямо невтерпёж – в драку охота. Люблю я иногда это дело! – Вол ухмыльнулся с мрачным видом.

– Да, ты можешь, – поежился Шакал.

– Вдруг забегает на вышку один в шкурах, рейнджер наш, оказывается. Разведчик – дотумкался я. И шепчет он что-то на ухо полковнику нашему. Докладывает. Губы трясутся, глаза шальные. А мы-то все слышим.

– И что? – нетерпеливо привстал на локтях тощий.

– погоди! – Вол сделал глоток, откинулся на сидении. – Бормочет он, что имперцы и федераты схлестнулись из-за какого-то Летуна в плаще. Кликуха такая у него. Тот не робот, не киборг, не рейнджер, а что-то иное. И шел он не то к нам, не то к туннелю, что начинается у оврага под восточной стеной. Не гулял он по лесу, а шел с заданием встретить кого-то еще почудней, кто должен был выйти как раз из подземелья. Тот чудик был, видимо, шишкой очень важной.

– Откуда ты знаешь?

– Соображать надо! Федераты знали про это и загодя нагнали туда техники и войска видимо-невидимо. Чтобы перехватить того из подземелья. Что-то обломилось в ихних планах, или роботы имперцев оказались пошустрей. Короче говоря, они, как только завидели друг друга, так сразу начали палить со всех стволов. Началась заварушка за здорово живешь.

– Из-за одного человека такая кутерьма?

Вол долго смотрел на Шакала возмущенным взглядом, искренне негодуя.

– Не военный ты, хилык! Сразу видно. Башкой стоеросовой надо соображать. Не стратег ты и армейских портянок не нюхал. Иной человек стоит целой армии. Понял? Так вот, разведчик талдычит, озирается. Полковник слушает, весь – внимание. Рейнджер еще тише, но нам все равно слышно. Мол, роботы федератов были уже готовы схватить Летуна, нацелились клешнями. Но тот в плаще вдруг взял и взмыл в воздух. Потом пошел скакать с дерева на дерево и с концами.

– Так это джупир! – ахнул Шакал.

– Может быть, джупир или мутант, каких еще не видывали. Короче говоря, прыгал он с дерева на дерево и сгинул, как черт в преисподней. И это видели все: они, те и мы на стене.

– Мать моя женщина! – прошептал тощий, заметно бледнея лицом. Он выхватил бутылку из лапы Вола и принялся истоиво сосать содержимое.

Пустая посуда навела Вола на кое-какие мысли. Он расслабился, обрюзг лицом и с мрачным многозначительным выражением уставился на товарища. Того уговаривать не надо было. Он усек, в чем дело. Встал, шатаясь, побрел в угол. Там чернела куча старых заношенных ватников и дерюжек. Ворча, как голодный

барсук, принялся разбрасывать ногами замащенное тряпье, пока не обнаружился квадратный люк. Поддев край монтировкой, поднял крышку. Открылся черный зияющий вход в подвал. Шакал отсутствовал минут пять. За это время Вол извелся в ожидании, обрушивая на товарища шквал отборных ругательств. Наконец показался Шакал с заветной бутылью в руках. Новая порция зелья привела верзилу в чувство. Успокоившись, он выказал намерение пофилософствовать.

– Слухай, Шака. Вот что я думаю, – Вол откинулся на лежанке, подперев правой ладонью голову. – Все равно нам хана. Я же все вижу, мозгую себе потихоньку, соображаю. Вижу, к чему все катится.

Шакал недоверчиво хмыкнул что-то неопределенное.

– Вот именно... Прогнило все у нас. Начальство – сплошное ворье. Жиганы втихаря гребут под себя запасы, затыривают заначки на черный день. Если бы ты знал, какие у них схороны под землей в подвалах, чего только там в кладовых у них нет. Не подвалы у них, а атомные бункеры. Чтобы лет сто можно было сидеть, если что... Мы вкалываем наверху, горбимся, добываем ресурсы, надрываемся. Я, например, хожу на пост через каждую ночь. Из ушей сорняк лезет, устал вытаскивать слизняков. Совсем соевой стал. Скоро дуба дам или охренею нафиг. А они жируют в бункерах, жрут сало и баб наших щупают, как хотят.

– Баб? – переспросил тощий, зловеще замерцав блеклыми глазами.

– Вот именно... – подтвердил смачным голосом Вол. – Всех перетрахали. Одна только не далась. Гордая и дикая, словно волчица. Отбилась и ушла в нахаловку к изгоям и бродягам. Так они специальную команду охотников снарядили, чтобы изловить ее. Сволочи!

Шакал ощутимо скрипнул зубами, перевернувшись на живот.

– С жиру бесятся бугры. Продажные шкуры. Кто им больше платит, тому они зад и лижут. Сегодня федератам, завтра – имперцам. Послезавтра – эмирам. А среди рабочих и солдат назревает бунт. Рабочим надоело жрать баланду с червями. Солдаты мечтают о девках. Без баб они звереют на глазах. Вчера одного доходягу запинали до потери сознания. Я тоже не подарок, но до такого еще не докатился. Каждый живет за себя, работают по принуждению. До общего интереса никому дела нет. Короче говоря, думаю, что скоро нашему острову хана. Не надо быть мозгляком, чтобы понять это. И этот Летун из джугары тоже не случайно объявился. Старики поговаривали, что когда из лесу грядет Летун, джубуйный, горлопан окаянный с серыми крыльями, миру придет конец. Светопреставление на нашем пороге. Все сходится один к одному. Надо уносить ноги отседова.

Шакал как-то недоверчиво хлопнул носом.

– План у меня созрел давно, – жарко зашептал ему на ухо Вол. – Здесь во дворе в кустах скрыт проход в подземелье. Забытый, древний. Решеткой закрыт, но замок дохлый, гнилой. Так что откроем без проблем и смоемся незамеченными. Уйдем в катакомбы. В джугару, конечно, страшновато – там зверья полно. Схавают гиены нас в два счета. К имперцам и федератам лучше в лапы не попадаться. Найдем этого самого Летуна. Я кое-что о нем слышал на стене. Солдаты говорят, что это Спаситель...

Шакал привстал на локтях и прошипел что-то удивленно-недоверчивое.

– Наставник в истинной вере – Спаситель наш, – оглядываясь по сторонам, твердил Вол. – Он – единственная наша надежда. Вот почему те охотятся за ним. Наши теперь только о нем и шепчутся. Шептуны объявились по всему острову.

Никто больше не хочет работать на офицеров и особистов. Солдаты – гнать и бить рабочих, доходяги – собирать и палить проклятые ростки, сыщики – выслеживать мутантов и саботажников, провокаторов. Дисциплина упала как никогда. Мы катимся в чертову яму. Ей-богу, начался кризис. Да еще какой! А начальство и не чешется. Они нахапали свое, им все побоку. Если что – закроются в своих атомных бункерах за шлюзами, мол, подышайте, раз так получилось.

– Сволочи! – обронил Шакал.

– Хуже – гиены! – сплюнул на пол Вол.

– Ну, так как? Могу я рассчитывать на тебя? – спросил Вол после длительного, сочувственного молчания Шакала.

– Обмозговать все надо. Драпануть всегда можно. А что там нас ждет? Да и схрон мой бросать жалко. Как-никак старался, копил. Крысы что ли будут жрать наши запасы? – спросил Шакал, подавшись вперед. Вопрос, по-видимому, был серьезным, неотразимым. Вол, покусывая соломинку, сосредоточенно молчал. Между тем и эта бутылка вскоре была успешно опорожнена. Как только она откатилась в сторону, товарищи – стражник и рабочий погрузились в сон. Дружный храп поднялся над переливами мерцающей пыльной завесы в мастерской.

Тем временем план действий созрел и в твоей голове. Ничем не примечательный кустарный цех затерялся в море заброшенных развалин. Этот забытый и заросший пыльным бурьяном двор, видимо, никем, кроме этих забулдыг, не посещается. Да и проход в подземелье со временем очень даже может пригодиться. Так что тайник надо оборудовать именно здесь. Тщательно замаскировав рюкзак и оружие под кучей мусора в зарослях, ты проник в мастерскую и, не обращая внимания на мертвецки пьяные тела, заходившиеся в густом храпе, выбрал из кучи заношенную, заляпанную известкой спецовку, дырявую кепку и облачился во все это. Теперь ты ничем не отличался от затрюханного окаянной жизнью старика-доходяги, готового вот-вот отдать концы. Взял из хлама ветхое ведро с засохшей краской, стараясь выразительно ковылять, побрел к выходу. Вот так и шел по улицам, прихрамывая, кондыля на недужных ревматических ногах. С виду – пожилой маляр, невзрачный человечиска, никому не нужный и жалкий, на которого лишний раз и плетку поднять – грешно.

Заунывно завывла сирена – то был сигнал отбоя боевой тревоги. Дочиста ободранные метлами и скребками мостовые и тротуары тотчас покрылись толпами идущих солдат и резервистов-рабочих. И те и другие шагали серыми колоннами по тридцать-сорок человек. Колонны солдат сопровождали рослые сержанты свирепой наружности. Как правило, это были бритоголовые верзилы, вооруженные дубинками. Они бросали по сторонам злые взгляды, зычно выкрикивая команды. Рядовые дружным хором повторяли клич командира, стараясь шагать в ногу. Среди солдатских физиономий встречались худосочные, синюшные. Отряд за отрядом проходили войска, возвращаясь с заградительной линии. Улицы громыхали, мерно гудели от топота тысячи ног. Истошные вопли сержантов отражались от бетонных стен, рассыпаясь звуковыми осколками, чтобы кануть в ямы и колдобины мертвого асфальта.

Рабочие продвигались в основном по тротуарам. Сутулые, усталые, они шли с безразличным сонным видом. Однако военная выправка ощущалась и в их движении, в том, как дружно вскидывали они руками, мерно топали ногами, обутыми в

кирзовые сапоги. Стараясь держать строй, они то и дело поправляли сбившийся шаг. Рабочих сопровождали дюжие стражи с плетками или дубинками в руках. Они были одеты как гладиаторы, на них были кольчуги или пластиковые доспехи. Среди рабочих преобладали люди пожилого возраста. Это были в основном грузные бородачи или колченогие инвалиды, среди них нередко попадались и самые настоящие бродяги, испытые, сивые, дрожащие на ветру доходяги. С покорными тяжелыми спинами, они молчаливо тянулись и тянулись темными вереницами. Эти немые и согбенные спины говорили о полной забитости и безропотности этих несчастных, с утра до вечера вынужденных за тарелку жидкого супа скрести асфальт, площадки дворов, собирая джугарные споры и семена. Самые выносливые из них забирались на крыши домов и плоские покрытия корпусов и цехов, чтобы делать там то же самое. Смертность среди трудяг была, по всей видимости, высокой. По сути, это была гарантированная очередь на тот свет в результате тяжелой, рабской повинности и полуголодного существования. Тщедушные старики еле тащили ноги, стараясь не отстать от товарищей. От грозного окрика надсмотрщика и свистящего удара плетки вздрагивала вся колонна, люди втягивали головы и ускоряли шаг, стараясь не смотреть по сторонам. Это был уже рефлекс каторжников, воспитанных кнутом и дубинкой. И, вспоминая слова Вола, ты понял, как была точна его оценка сущности режима, поддерживаемого жестокой силой и страхом.

«На нашем острове все было по-другому. Мы были сплочены, хотели выжить вместе в общей борьбе против стихии джугары. Тем не менее, наш мир погиб. Теперь я понимаю отчего. От вероломства и козней империи», – подумал ты, поразившись своей догадке. Невольно замедлил шаг, даже на мгновение остановился. И этого было достаточно, чтобы ближний страж – мордастый детина ринулся к тебе с воплем:

– Эй, ты, хмырь паршивый! Почему остановился? Или яйца зачесались? Ну-ка в строй! – свистнула плеть, охаживая спину. Кевлар, спрятанный под спецовкой, спас тебя от боли. Иначе плохо пришлось бы твоему горбу, по которому пришелся удар восьмиплетки из свиной кожи – рассеченная плоть так и брызнула бы свежей кровью. Не дожидаясь второго удара, ты затесался в последний ряд удаляющегося отряда. Скаля желтые зубы, страж громыхал сапогами рядом. Обнаженные волосатые ручищи в лиловой татуировке. Судя по лексикону и характерному рисунку на руке – надсмотрщик из бывших громил-зэков. Что ж, это еще один из признаков деградации режима на острове № 5.

Колонна за колонной, отряд за отрядом масса солдат и рабочих втягивалась на плац, вымощенный камнями, разлинованный белыми и желтыми линиями. Каждое подразделение, каждая группа занимала отведенное ей место, обозначенное на брусчатке цифрами. На западной стороне площади перед невысоким серым зданием, похожим на саркофаг, возвышалась трибуна.

Зычная команда, усиленная громкоговорителями, раскатилась над плацем, запруженным массой людей: «Смирно!» Затем более спокойно: «Вольно!» На трибуну поднялась группа людей, одетых в военную форму образца сороковых годов прошлого века, фуражки с кокардами, френчи, штаны-галифе, хромовые сапоги. Над головами солдат загромыхали раскаты властного голоса, принадлежащего, судя по тембру, человеку волевому, с неординарной внутренней силой.

– Солдаты, сержанты, офицеры, а также служащие строевых батальонов! Вы сегодня выстояли очередную вахту, многие из вас достойно потрудились во имя славной Родины. Прошел еще один день трудового, воинского энтузиазма нашего сплоченного народа. Да, мы организованы и слажены, как никогда. Мы уверенно смотрим в будущее. Нас поддерживают вооруженные силы федеративной республики. Мы не одни! Не сомневайтесь, что победа будет за нами. Однако враги – коварные имперские агенты и провокаторы тоже не дремлют. Гнусные интриги и инсинуации наймитов империи направлены на то, чтобы смутить души политически нестойких, психологически слабых солдат и рабочих. Практически каждый день наши оперативники вылавливают вражеских агентов, изошренно действующих в армейских рядах с раскольническими целями. Особенно активно действуют они в среде молодежи, разлагая их сознание вредными идеями и учениями. Появились так называемые шептуны. Будьте бдительны как никогда! Сообщайте в органы о первых же признаках деятельности вражеских пропагандистов, диверсантов. Разговор с ними у нас короткий. Сегодня вы все стали свидетелями ожесточенного сражения федеральных и императорских войск. Это происходило у самых стен нашего острова. Вы не все знаете. Мы рады сообщить вам, что танки и боевые роботы федеративной республики в пух и прах разнесли вражескую группировку. Остатки имперцев бежали в панике. И поделом им! Однако, как нам стало известно, среди трудовых батальонов и солдат появились смутьяны, распространяющие слухи о некоем Летуне – спасителе и наставнике пути. Некоторые поверили, дрогнули, позволив опутать себя ложью. Таким образом, появилась опасность идейного раскола и брожения в наших рядах. Так вот, доводим до вас результаты оперативного расследования. Так называемый Летун – никакой не чудотворец, тем более не Спаситель. Напротив, это опаснейший мутант, джугарный пришелец, связанный с чужими из черной башни. Этот плащеносец – самый злейший враг нашего острова. Вы все обязаны тотчас сообщить в компетентные органы при первом же появлении Летуна. Он должен быть задержан и препровожден в назначенное место. При невозможности этого он должен быть уничтожен без всякого сожаления.

Вновь прозвучала зычная команда, повторенная громкоговорителями и эхо. Уже в потемках последний отряд стройбата покинул площадь. Когда колонна втянулась в густую тень какого-то здания, ты шмыгнул в сторону, залег в бетонном лотке арыка.

* * *

Завернувшись в плащ, ты стоял в тени внушительного здания с массивным гранитным парапетом. Накидка, обладавшая маскировочными свойствами, делала тебя почти невидимым для нетренированного взора. Со временем, покинув просторы палеонтологического музея, пробираясь на остров, ты обнаружил ранее неизвестные тебе свойства плаща. Подобно коже хамелеона, ткань накидки принимала не только расцветку господствующей поверхности или фона, но и изменялась в соответствии с фактурой рельефа. Так, например, рядом с грудой камней ты мог выглядеть гранитной глыбой. Решив, что мимикрия входит в программу процессора, вплетенного силиконовыми нитями в ткань, ты задумался, а все ли ты изучил из способностей экзоплаща – феноменального изобретения инженеров

империи. Твой ИК, внедренный в мозг, сам по себе давно вступил в контакт с чипом накидки, демонстрируя удивительные качества новой технологии, однако, судя по всему, все это входило в планы военного командования, уверенного, что ты не выйдешь из-под контроля стратегов.

Глухо громыхая сотнями подошв, последний батальон выходил из пределов необозримого плаца, тщательно вымощенного и разлинованного для парадов и всеобщих смотров. На длинных черных лимузинах, изрыгающих пары этилового горючего, проехали мимо главнокомандующий и высшие офицеры армии.

Ты таился в тени гранитного парапета, ни один солдат или сержант или офицер ни разу не оглянулся на странный выступ рукотворной каменной стены. Некоторые вояки, в том числе в черных формах ССН, промаршировали совсем рядом, едва не задев тебя, и никто из них даже не оглянулся, чтобы посмотреть в твою сторону. «Ай да накидка!» – радовался ты, дивясь изобретательности военных технологов империи. Одновременно с помощью ИК ты продолжал анализировать увиденное. Имплантант по сети с большой скоростью передавал на радары империи результаты твоего анализа. Из гарнизонных войск, штурмовых, десантных, специальных, мотопехотных, по площади прошло тысяч пять-шесть. Обычно на смотр выводят не более трети гарнизонных частей. Это значит, что остров содержит армию численностью не более 12-15 тысяч солдат. Строительные батальоны не в счет. Эти бедолаги – старики и инвалиды, силой загнанные в трудовую армию, измученные голодом и жестокостью стражей, разбегутся при первых же признаках штурма стен. В умах простых солдат, плохо одетых, полуголодных, преобладает глухое и давнее недовольство. Возможно, в армии зреет нешуточный бунт. Хотя офицеры преданы командованию, сержанты и инструкторы свирепствуют, раздавая тумачи, похоже, что дни этого острова сочтены. Заметны несколько признаков разложения, которые многое скажут наблюдательному человеку с военной закваской. Офицеры слишком сыты и откормлены – это говорит о коррупции. Нижние чины и рядовые запуганы, дисциплина поддерживается только насилием и страхом наказания. В их среде работают пропагандисты вражеской стороны и довольно успешно. Такая разительная дистанция между командным эшелонам и массами свидетельствует об отсутствии стратегии и ясного понимания перспективы. Население острова забито, озлобленно насилием, арестами и поборами, физически оно ослаблено продолжительным голодом. Ясно, что народ не поддерживает армию, тем более – военную хунту. По всему видно, что остров не имеет серьезных пищевых ресурсов, также незаметны следы инфраструктуры экономического воспроизводства. Среди солдат и резервистов мало молодежи. Следовательно, эта армия содержится только за счет поставок федерации и является по сути наемной. Никаких признаков демократии, положительной, консолидирующей идеологии. Да, этот остров, в сущности, – огромный концентрационный лагерь. Неудивительно, что здесь процветают громилы, рецидивисты и бандиты, обряженные в армейский камуфляж. Этот военный остров, истекающий кровью угнетенных, поработенных людей, где утверждена железная диктатура насильников, почему-то нужен федерации. Но почему?

Прошло еще несколько дней. Ночевал ты на пустырях под звездами или в заброшенных домах среди куч мусора. Эта жизнь, напоминающая скитания бомжа, выброшенного из рядов обывателей, дружно марширующих к мифическому светлому будущему, начинала нравиться тебе. Ты был свободен, волен

наблюдать жизнь, мутным потоком текущую перед глазами, делать выводы, строить прогнозы. В тебе вновь оживал аналитик-стратег. Днем, с головой закутавшись в плащ, укрытый магией паучьеи ткани, изучал жизнедеятельность основных кланов и слоев общества. Питался галетами, шоколадом, остатками сушеного мяса из рюкзака. Энергетика экзоплаща, видимо, подавляла чувство голода и направляла ресурсы организма в интеллектуальную, мыслительную сферу. Ты чувствовал себя собранным, сконцентрированным. Ум, проникая в скрытые стороны действительности, стремился к обобщениям, пытаешься выявить тенденции развития социального строя острова. По ночам, когда облака закрывали свет звезд и луны, ты учился летать, совершая длинные броски от крыши к крыше. И это романтическое существование, полное тревог и опасности, все более захватывало тебя. В часы отдыха диктовал на файлы своего ИК результаты увиденного.

Остров № 5, на твой взгляд, был своего рода анклавом федерации, выдвинутым глубоко в зону контроля вражеского лагеря, то есть империи. Политическое и технологическое влияние федератов на островитян было фактором, на котором основывался главный жизненный интерес военного и полувоенного населения. Никто не скрывал заветной мечты когда-нибудь оказаться под сводами мегабашен объединенной республики. Этой мечтой особенно были заражены офицеры и прапорщики. Они выслуживались перед начальством, из кожи вон лезли ради достижения желанной цели. Немногочисленная молодежь, похоже, была увлечена движением лесных рейнджеров, независимых бродяг, робин гудов, охотников и отшельников. Почему души именно молодых людей горели идеями джугарной робинзонады – объяснить было нетрудно, хотя мало кто пытался это сделать. Таково, видимо, было влияние густого леса, плотной зеленой массой подступившего к стенам острова. Сбиваясь в вооруженные отряды или бродя разбойничьими шайками по десять-пятнадцать человек, парни и девушки затевали по ночам стычки у стены, стремясь вырваться за пределы заградительных линий. Оказавшись в джунглях, в итоге мытарств и скитаний лишь немногие из них становились бывальыми охотниками на зубуйволов и зуленей. Некоторые пополняли ряды жутких мутантов, другие погибали в лапах свирепых хищников. Немало ребят попадало в засады имперских разведчиков. Большинство же ждала жестокая участь скорых жертв лихорадки, неодолимых и неизвестных болезней, которые принесла с собой в этот мир джугара.

Некоторым из них было суждено вернуться на остров в облике мутанта-ликантропа. Появление на улицах ночного острова устрашающего монстра – человека-леопарда, человека-гиены или еще какого-нибудь редкого оборотня – было одним из интригующих событий в жизни людей, запертых за жестяными стенами и подчиненных железной дисциплине хунты. В охоте на мутанта принимало участие все население: военное, полувоенное и гражданское. Кварталы, уставшие от осадной жизни, полуголодного прозябания, охватывала лихорадка преследования несчастного обреченного зверя. В обвальном охоте на мутанта принимали участие все. Военная полиция, облаченные в черную униформу силы специального назначения (ССН), чрезвычайщики, добровольные дружинники (ДНД). В пылу жаркой погони они переворачивали тихие кварталы вверх дном, особенно рьяно потроша трущобы, подвалы и чердаки брошенных зданий, глухие дворы и обширные пустыри и развалины. Пыль столбом, шум и гам, злобный

лай псов-ищеек вихрем катились в такие дни по острову, выдавая направление ожесточенной погони. И мало кому в голову приходило, что этот самый мутант – чей-то сын или чья-то дочь, некогда ушедшие в лес по зову джугарной робинзонады. Пойманный оборотень без промедления подвергался скорой расправе: его линчевала разъяренная толпа, или на глазах людей зверя терзали специально обученные псы-убийцы. Так через действие общей охоты и расправы над заклётым ликантропом командование острова выпускало пар гнева, накопленного закабаленным населением.

Но иногда загнанного оборотня забирали агенты федерации, без лишних слов умыкая добычу на бронированных десантных машинах или летательных платформах. Несмотря на все эти уроки, ясно демонстрируемые диктатурой, лесное бродяжничество с неодолимой силой влекло души островной молодежи. Парни и девушки своим повальным бегством в лес недвусмысленно давали знать, что скитания и отшельничество в джугаре для них гораздо привлекательнее, чем унылая служба в рядах кондовой наемной армии, где властвовали кнут и пряник продажности и насилия. Такой протест молодежи тоже был одной из причин неуклонной деградации социальной системы острова. Армия старела с каждым годом, она была поражена коррупцией офицеров и дезертирским, пораженческим настроением рядового состава. Дальнейший анализ показал, что военное командование федерации, прекрасно понимая неизбежность гибели острова № 5, использовало его как опытный полигон для секретных операций и диверсионных маневров против сил империи. Одним из результатов, достигаемых таким испытанным путем, был набор лучших офицеров и прапорщиков для дальнейшей службы в рядах армии федерации. Это была шумная рекламная компания, которая проходила на виду всего народа. В итоге годичной акции на глазах восхищенной воющей толпы десятки счастливчиков на новеньких вертолетах торжественно отбывали в лучшую жизнь к сияющим поднебесным башням: оранжевой, желтой и коричневой.

Так в звездном блеске отчаливали они к облакам на украшенные ярусы небесного города, вожделенного рая, подобно ветхозаветному Еноху, уносимому ангелами на седьмое небо. Возносились они под рев и стон завистливой толпы, обреченной на иной финал и знающей про это. Они, эти бравые крепыши с недюжинным боевым опытом, прошедшие огонь и воду, закаленные тьмой и стужей, лихими ветрами, умеющие выживать, но самое главное – преданно служить начальству, беспрекословно выполняя любое поручение, взлетали вверх в прозрачных шарах, чтобы, словно богоподобным избранныкам, приобщиться к блаженству на Олимпе. Это была феерическая картина, которая проходила на глазах молодых парней и девушек, обстреливающих ненавистными и презрительными взглядами везунчиков. Но почему они сами так упорно и сознательно отказывались от такой соблазнительной карьеры, почему ввергали себя в пучину неверной свободы в диком поле, – этот вопрос также интриговал тебя.

Желая выслужиться перед вышестоящим руководством федеративной республики, генералами, министрами, сенаторами, офицеры и службисты ССН, а также многочисленные активисты-агенты держали народ острова в железном кулаке. Они гнобили недовольных, безжалостно обирали слабых и беззащитных, разрушая их лачуги, без малейших сомнений загоняя в гроб противников диктаторского режима. Наблюдая за поведением ушедших майоров,

подполковников и полковников, за их буйными утехами в тайных резиденциях и розовых кварталах, ты понял, что имеешь дело с особой породой людей-псов, коварных, расчетливых, жестоких. Каждый из них вел свою хитрую игру, имел свою проверенную боевую группу, опирался на тот или иной сплоченный клан. В этой мути действовал свой естественный отбор, вытаскивая особую породу борзых, неумолимых людей, для чего-то нужную военному командованию федерации. Эти бульдоги следили друг за другом с бдительностью стервятников. При малейшей возможности они были готовы потопить оступившегося, недавнего товарища, и все для того, чтобы попасть в списки претендентов на небожителство.

Так что в среде высшего и старшего начальства военного лагеря процветали страх, вероломство, взаимная слежка, параноидальное недоверие друг к другу, и это было вынужденное братство людей-гиен, шакалов, по трупам карабкающихся к вожделенному Олимпу. Махровая коррупция, затаенная ненависть к себе подобным, двуличие, стяжательство, превращенное в культ, презрение к любым признакам духовности и идеализма – вот те черты, которые бросались в глаза при изучении психологии командования острова. И ты еще раз сделал вывод для себя, что находишься в гуще агонизирующего концентрационного лагеря, пораженно-го вирусом разгула, насилия и морального разложения. На одной стороне этого человеческого муравейника находилась масса солдат, отупленных казарменной муштрой, оболваненных пропагандой светлого будущего в кибернетическом рае, контролируемых оборотистыми шустряками-командирами, а на другой стороне – забитая и одуроченная толпа простолюдинов, голытьба, в лучшем случае пополняющая ряды стариковского стройбата.

Переходя от квартала к кварталу, используя маскировочные свойства экзоплаца, ты проникал вглубь роскошных особняков, резиденций и вилл. Нетрудно было убедиться в предварительном выводе: далеко зашедшая болезнь островитян, по сути, вырождение популяции – это процесс необратимый. В человеческих ли силах остановить это стремительное падение на дно, скотство человекоподобных изуверов, – не раз задавался ты риторическим вопросом, потрясенный увиденным в особняках. Отнюдь не бравые бойцы в угаре азартной охоты носились на квадроциклах по зачуханным улочкам и переулкам одуревшего лагеря в погоне за очередным мутантом, а настоящие монстры, жаждущие не столько крови жертвы, сколько самой сцены жестокой расправы над неудачником. Под покровом ночи в чернильно-черной темноте, вооруженные автоматами и приборами ночного видения, выходили на охоту команды обученных, вышколенных вояк, ведомых прапорщиками и сержантами, мастерами заплочных дел. Под шумок законной охоты они могли расправиться с любым жителем острова, если он чем-либо не угодил им. В любую темень жители острова затаивались в своих убогих домах, укрывались в подвалах, со страхом прислушиваясь к шуму погони и обыска, громяющего где-то в соседнем квартале.

«А ведь жизнь этих людей можно устроить иначе, не глумясь над ними, не загоняя во тьму адского состояния, – не раз думал ты в душевной муке. – Кому нужно, чтобы эти люди так страдали, теряя человеческое достоинство, чтобы они опускались ниже животного состояния? Высшим офицерам? Но они только наемники и платные ставленники федерации. Они изгаляются над народом,

выполняя чужую волю. Или в этой жестокости, потоках крови, несчастиях и отчаянии островитян заинтересованы стратеги республики? Им-то это зачем? Но в таком случае их система – это не республика, не демократия, возможно, олигархия, хитрый маскарад, предназначенный для привлечения умов и мускул со всех территорий бывшего мегаполиса. Вооруженные силы республики успешно противостоят армии императора, а это было бы невозможно без консолидации сил и талантов десятков тысяч людей. Как они такого добились? Одно ясно: ни многотысячной банде, ни легионам рабов, подгоняемых кнутами, не под силу создание таких мегаконструкций, как эти три боевые башни. Такого примера человеческая история не знает. Мегастроения, технические или социальные, возможны только в результате объединения творческого усилия множества людей, да и то в условиях либо высочайшего энтузиазма, либо неукоснительной дисциплины. Чтобы возвести эти небоскребы, пожалуй, более масштабные, чем башни империи, понадобились усилия сотен тысяч специалистов: инженеров и техников, монтажников и рабочих, машин и роботов. Им всем нужно было платить, кормить, одевать, обувать, дать им жилье. В чем тут дело? Что такое республика?» С этими рассуждениями выяснилось и другое – на какое губительное дело толкнуло тебя военное командование империи. Проповедовать невесть что несчастным, запуганным островитянам, звать их к высоким идеалам джугарной религии, тащить их из привычной рутины к свету, соперничая с агентами, провокаторами, доносчиками, постоянно оглядываясь на агентов ССН – это разве не безумие? Это прямой путь к новой Голгофе. Тяжелые, а то и депрессивные мысли одолевали тебя всякий раз, когда ты начинал думать о своей миссии. И каждый новый день, проходивший под грохот марширующих армейских колонн, вопли сержантов, крики истязаемых, опускался на твое сердце витком саднящей смертельной плети.

Сторожевые вышки вдоль высокой железной стены, бетонные саркофаги наглухо закрытых домов с зарешеченными окнами, враждебно глядящие бойницы подвалов, скрывающих подземный мир катакомб и темниц, зинданов и бункеров, атомных убежищ; ржавые жестяные крыши, громоздящиеся бурными каскадами и торосами, с чашами локаторов и антенн, глядящих в небо; противотанковые ежи и бетонные блокпосты на узловых перекрестках, массивные надолбы и преграды возле всех административных зданий, орудийные жерла, стволы зенитных пулеметов, следящие за небосводом, часовые, вышагивающие свой пост – вот облик военного лагеря, погружающегося в багровые огни заката. И этот унылый серый народ, склонивший голову перед тронном беспощадного правителя с его бесчисленными слугами-псами, намерен призвать ты к свободе словами нового мифа? Уж не безумец ли ты? Поистине тернистый путь приготовил тебе Совет десяти, строя расчет на твоей верности сказанному слову.

И вот в минуту, когда ты приготовился проникнуть в особняк шефа тайной полиции, полковника ССН, по слухам, личности весьма зловещей, тебя остановил неожиданный голос:

– Наставник, вы не туда идете!

– Что? – ошеломленно повернулся ты.

Как это может быть? Неужели кто-то из них узрел твои манипуляции с плащом? Если это свой, как он посмел выйти на контакт в нарушение всех правил? Ты, конечно, знал, что остров кишит шпионами империи, но чтобы нарушить

конспирацию так, прямо на улице! Черт знает что! Ты резко обернулся, готовый ко всему. На тебя в упор смотрел серыми волчьими зрачками высокий капитан в черной форме ССН. Офицер поигрывал стальным стеклом, буравя тебя своими невыносимыми зрачками. Где ты видел эти тяжелые серые глаза?

– Вы слишком долго думаете, – улыбнулся глазами он.

– Понимаю, – кивнул головой ты. – Если бы ты был из ССН, дело было бы уже сделано.

– Разумеется. Вы догадливы. Мы из одной команды. Форма тут ни при чем. Мы давно наблюдаем за вами. Адаптация прошла успешно. Не могу сказать, что все ваши выводы справедливы и потому нам понравились. Однако дело не в этом. Карты раскрывать еще рано. Также вы не попали в точку, когда заключили, что данный остров полностью контролируется силами федератов. Это далеко не так.

– Что?

– Вот именно. Но на досуге вы поразмышляете над этой щекотливой темой. Вы, как обычное человеческое существо, мыслите шаблонно и неизменно делаете фатальные выводы. Не ощущаете ли, что прокрустово ложе жмет кое-где? Вы, к примеру, могли бы давно понять, что остров и его ресурсы в равной мере принадлежат и империи, и федерации. На этот счет существует строгий статус-кво.

Ты был растерян. Такой атаки на свое сознание ты не ожидал. Капитан же продолжал бить в ту же точку своим жестким безапелляционным голосом:

– Вы кое о чем забыли. Например, о системных нарушениях в Программе. О договоре... Эти нарушения были вызваны вашими непродуманными действиями, а также некоего субъекта, условно называемого человеком-сурикатом.

Тебя словно ожгло внезапным ударом кнута.

– Человек-сурикат... Договор?.. – пробормотал ты, пытаясь нащупать ускользающую почву. Не слишком ли ты открылся для коварного удара?

– Да, именно. Человек-сурикат. Мы внедрили в его тело маячок. Он работает в режиме вашего ИК. Его метка на дисплее – красная. Взглянув на след, вы поймете, что ваш партнер в большой опасности. Агенты ССН заманили его в ловушку. Он идет прямо в расставленные сети. Из наших опытных сталкеров наиболее близкий по территории – это вы. Вы должны немедленно направиться в район действий и сделать все, чтобы вытащить человека-суриката из ловушки.

– Это приказ?

– Разумеется, мой господин. И обсуждению не подлежит.

«Когда и где я слышал этот голос, отчего эти глаза так знакомы мне?» – с досады пробормотал ты, включая пространственный канал.

* * *

Ты еще помнил, для чего пришел сюда, какая цель вела тебя в самый глухой угол острова № 5. Все эти дни надежда не оставляла тебя, а интуиция суриката упорно нашептывала, что Она находится здесь, в этой части погибшего города. Ночи ты проводил в развалинах или подвалах, примкнув к какой-нибудь группе отдыхающих стариков-стройбатовцев. Утром с ними же спешил к месту построения и развода батальона. Конечно, ты порой дико уставал, но работа в отряде давала редкую возможность перемещаться по территории всего острова. Именно это тебе и было нужно: дотошно обшаривать дворы, заброшенные

бараки, жалкие лачуги, трущобы, убогие общежития в поисках хоть каких-нибудь следов женщины-оленихи. Дорога к домам среднего класса, особнякам офицеров, гостиницам в желтом квартале была для тебя закрыта. Однако рано или поздно ты должен был побывать и там. Поэтому, обыскивая кварталы бедняков, ты лихорадочно разрабатывал планы проникновения в резиденции и виллы. Обдумывал варианты, отбрасывая их один за другим. Поскольку ты был физически здоровым и исполнительным рабочим, не увивался от тяжелого труда, тебя кормили более или менее сносно, плетка надсмотрщика не слишком часто прогуливалась по твоей спине. В кармане спецовки покоился блокнот, где отгрызком карандаша был набросан план острова, крестиком помечены осмотренные кварталы и дома. Не раз ловил на себе странный, пристально-недоверчивый взгляд стража, когда отрывался от своего блокнота где-нибудь на привале или перекуре. Считая все же надсмотрщика туповатым, недалеким детиной, лишенным интеллекта, ты без опаски продолжал свои исследования, тщательно отмечая маршрут на карте. Так несколько сот мужчин, в основном людей пожилых, инвалидов и доходяг, комиссованных со строевой службы, влеклись, тащились по дворам и улицам острова. Бетонные заборы, гранитные парапеты, бесконечное кружение жестяных ограждений, жесткий ноздреватый асфальт, тысячи раз выскобленный и продраенный руками рабочих, – все это и днем и ночью стояло перед глазами, витало в сознании даже во сне. И в жару, и в дождь с утра до позднего вечера вы делали одно и то же: скребли метлами землю, сметали семена джугарных растений в совки, потом в ведра, чтобы затем сжечь в раскаленных печах котельной. Круглые, дышащие пеклом камни Тышкан-реки мерещились тебе в этом тумане, одинокие обиженные камни, приготовившиеся к гибельному полету в бездну человеческой души. Именно там они могли обрести свою подлинную сущность. И не раз тебе казалось, что вот-вот из зернистого кварцевого песка выкатится к твоим ногам заветный камень, опоясанный белой жилкой с женским лицом на одной стороне и великим символом Инь-Ян на другой. Выкатится не из песка, а из кишения времени и калачакры, из праха и тлена несметных поколений, из бреда миллионов канувших в Лету мудрецов, блеснет на свету, словно глаз мгновения, даря тебе просветление. Однако дни шли за днями, словно усталые верблюды бесконечного каравана, ничего не происходило, добровольное рабство стало понемногу превращаться в привычку. Порой тебе думалось, что реальность на самом деле всегда была именно такой. Она всегда была рутинным, ишачьим трудом под окрики надзирателя: болью в пояснице, шорохом песка и веянием пыли перед глазами – все остальное пригрезилось на обочине дороги в бреду истомы в минуты краткой передышки. Слепы и безнадежны эти бедолаги, вкальвающие рядом с тобой, продающие свой труд за тарелку супа, а то из страха перед ночным налетом эскадрона смерти. Влачат свои последние дни, ни на что не надеясь, тупо ожидая неминуемой кончины от болезни или от дубинки здоровяка-надзирателя. Эти люди-волы не живут – они находятся в глубокой спячке, увлекаемые к краю пропасти одной упряжкой. И невдомек им, что возможна иная судьба, что в другую вселенную можно войти по-другому. Однако вправе ли ты судить их? И чем лучше твоя жизнь? Ведь ты тоже находишься в марширующей колонне, пусть она вышагивает с энергией, но движется же в ту же сторону. Ты тоже ищешь удобную нишу, где можно будет расслабиться и

навсегда довериться товарищу, более сильному водителю, в данном случае – Ей. Если бы не мечта найти ее, ты стал бы таким же, как и они, серым, бесцветным плоским существом, червем, ползущим к пучине.

Инстинктом суриката ты знал, провидел неизбежную победу вселенской джугары. Она непобедима, потому что ей миллиарды лет. Она является всегда, когда разумный вид начинает вырождаться по причинам глубоко внутренним. Она просто эффектно ставит точку в конце истории, и все. Несмотря на то, что остро-витяне прикрывали землю фанерой, тентами, жестью, все же отдельные споры умудрялись добраться до почвы. Там, в питательной темноте, они спали, ожидая своего часа. И не раз во время передышки, задремав на минуту, ты видел один и тот же сон: громадный густой лес колыхался, тучно шатался, веял насекомыми и перекликался птичьими голосами на том самом месте, где сейчас колобродил, маялся человеческий остров. Надо признаться, в глубине души ты был не против такой перспективы. Гигантские джугабры, увешанные увесистыми орехами, фиговые деревья, пучками плодов кружащие голову туканам и джубезьянам, бамбуковые рощи, поющие свою ветровую узорчатую песню – все это было лишь малой толикой того, что украшало лес. Тебя живо увлекали пальмовые деревья с пышными развесистыми верхушками, и совсем не зря. Сок некоторых пальм был самым настоящим бальзамом, других – вином, третьих – прохладной насыщенной водой. Сердцевина других пальм при небольшой обработке на горячих камнях превращалась во вкусный хлеб. Зная тайны пальмовых деревьев, в джугаре можно было жить припеваючи. В древесине других сорговых растений, рыхлых, податливых, всегда можно найти личинки, желто-розовые, жирные, с мучнисто-сладким вкусом. А искус многих цветов, особенно тех, которых люди называют страстоцветами, лилий огромных, с чувственными тычинками и пестиками, с бархатной пыльцой, густой, томной, пряной, как его выразить и описать? Это не для человеческого языка. Это то, что ведомо навсегда опьяненным пчелам и муравьям, а также махоньким птичкам – зулибри. А также джупоссуму – хранителю джугабровых орехов. Что ты мог бы сказать про ощущения серого древесного летуна, поющего тонким голосом песню любви и собирающего нектар цветов инжира? Деревя огромного, ростом с гору, желто-розовую цветущую тучу, густым слоистым ароматом кружащего голову не только пчелам, джумурам, но даже и громадным зулонам. Ах, инжир, великан, веселящий сердце своим видом, наряженный в багряное пышное платье, ворожащий лес магией тайны и любви. Летун наедается досыта нектаром шафрановых соцветий и в истомной неге начинает петь и кликать подругу, и тонкий медовый голос его каплет не только через лесные чащи, но и сквозь время, достигая сердца печального суриката. И мнилось ему, что в другой эре народился вновь он глазастым, бархатно-серым опоссумом, хранителем орехов, вассалом великого рыцаря-джугабра, богатыря леса. Ты был спокоен, ничем не обеспокоен, любовно рыл и углублял свою разветвленную норку, орошал вход и траву своим известным мускусом, зная, что она не устоит, придет, влекомая неборимым инстинктом. Ибо мускус, настоящий на питательной белковине джугабрового ореха, это то, что наполняет небесной силой не только опоссумов, но и зулонов, зуленей, джумуров, сонмы других существ, которым нет числа. Не только наполняет, но и заставляет радоваться, веселиться весельем древ и трав пряных, танцевать оленьи танцы, петь гортанным голосом густого желания, вызывать на битву ради самки не только соперника своего вида,

но и буйволов, даже тучу, даже сам лес. Съев орех, ты без усталости рыхлишь свою норку, ощущая в себе мощь бизона. Кто скажет о тебе, что ты жалкое норковое существо, просто большой крот и все? Нет, все наоборот. Настоящий лес – внизу в корнях, и его дары глубоко скрыты под почвой. Тот, кто знает это, кто питается скрытыми плодами земли – он и есть обладатель истинной силы. Так что нужно просто съесть джугабровый орех, вырыть удобную норку и безмятежно ждать, пока Она не появится и не фыркнет возле входа, выказывая любовное нетерпение. Разве такой джупоссум не победитель? И ты согласился с голосом леса, покорно влекся, тащился, как в тумане, руки что-то делали с землей, скребли как будто, на самом деле оставляли в почве немало семян, утаивая даже джубуйные споры. Наверное, не только с тобой магия земли совершала подобное, но и с другими квелыми стройбатовцами, мужиками-сурками. Вы уже в значительной мере были не батальоном чистильщиков, а стаей джугарных сеятелей. Про то не ведал дремный, сонный телохранитель, ибо мыслями он вихрился в другой вселенной, где на пасеке деда гулял-погуливал он с медовыми бабочками-махаонами, весьма веселыми и беззаботными девицами желтого квартала.

Так ты думал и ощущал, подчиняясь скорее не программе, а чему-то более глубокому, нутряному, сочившемуся из недр естества голосом желания. Ты должен найти ее, матриаршу, соединиться с ней, своей истинной половинкой, завершить свою ущербность и недостаточность ее совершенством. Стать целым, чтобы породить чревное продолжение в семенах и спорах, чтобы народиться в другом цикле джугарным опоссумом. Вот великая и простая цель. И ты ее сам наговариваешь.

Этот неустанный сочащийся голос однажды привел тебя в тихий неприметный переулочек. И ты узрел в ажурной дымке тупика неприметный пятиэтажный дом, притулившийся под обширной кроной старого каштана. Каштан улыбнулся тебе, как бы махнув приветливо ветвями. Боже помилуй! Это же тот самый дом! Бочком, неприметно, мало-помалу ты отделился, оттерся от отряда и юркнул под тень дерева.

Это был особенный дом, до деталей повторявший тот, который остался на острове № 3, захваченном джугарой. Но ведь Госплан в памятные времена по всему городу строил однотипные здания. А каштан? Их было полным-полно по городу, «Зеленстрой» когда-то возлюбил их и завез из Европы в несметном количестве плодов. А надпись на старой задубевшей коре, сизой, словно ноготь? Корявые буквы, вырезанные на коре мальчишескими руками и кричащие на весь мир об отчаянной любви? Такую фразу повторить невозможно! Именно эта надпись убедила тебя в том, что ты стоишь у порога ее дома. Вот крыльцо, разрисованное маркерами, подъезд, остро пахнущий мышами. Он всегда источал миазмы мышей и крыс. По этому запаху даже с закрытыми глазами ты смог бы отличить свой подъезд от тысячи других. Выщербленные ступени лестничного марша отстукивают твоё сердцебиение. Оно, конечно, выше нормы. Прошла минута, а может быть, вечность... И вот ты стоишь перед дверью собственной квартиры, коммунального чуда-юда, квелого от многолетней грусти, замаявшегося без тебя. Смущенная и недоверчивая желтизна двери – это выражение ты узнал бы среди тысячи других, оно в точности отражало ту личину, которую обычно ты созерцал в зеркале. Ручка легко поддалась, и ты оказался на пороге своего дома.

Твоя квартира!.. Она ждала тебя тысячу лет, истомилась и устала от невыносимого одиночества, серого бетоностояния в ливне рушения времени. И дождалась-таки, сердечная, тянулась к тебе, словно любящая женщина, истосковавшаяся по ласке. Ты бережно трогал стены, гладил шероховатые обои, ветхие, под цвет осеннего листопада, увядающие от взгляда, источенного ржавчиной времени, осыпающиеся под твоими ладонями. Контрольные приборы были отключены, молчали часы, стрелки хранили то мгновение, когда ты покинул этот порог, полуистлевший, покоробленный чернотой. Безмолвствовали стены, хранители твоих снов и теней прошлого, на кровати, застланной атласным одеялом, отпечатался силуэт женского тела, когда-то оно возлежало на этом самом месте, и все нежные и теплые линии дома струились к нему, переплетаясь в районе сердечного плексуса. А теперь здесь холодной глыбой стояла пустота, и у тебя защемило в груди – ты был незащищен от столь выразительного символа неприкаянности. Как было хорошо и уютно вам вдвоем на этой кровати, особенно по субботним и воскресным утрам. Прелесть этих часов описать невозможно. Кровать эта служила вам челном, перевозящим через бурные и мутные воды бытия на тот берег, где было много солнца, смеха, безмятежной игры, ребяческого, бездумного счастья. Но самое главное было в поле невыразимости. По утрам, выспавшись, вы поворачивались друг к другу, и ваши глаза встречались в сиянии. «Это ты? – немо спрашивал ее взгляд. – Где ты был так долго?» И ты пытался ответить, и тоже не словами, а как-то иначе, перетекая душой в безмолвие и глубину взгляда. И это душевное единение было самым драгоценным, самым чистым, сокровенным плодом вашей совместной жизни. Где все это?

Слезы текли по твоим щекам, изъеденным муравьями и термитами. Вот ты и вернулся один домой. На вешалке покоился, утопал в тусклоте ее плащ из кожи благородной, заморской выделки. Он еще хранил ее запах, аромат ее смеха, въевшегося в ткань, когда она весело шагала по лужам, борясь с ветром и дождем, защищенная добротным плащом и японским зонтиком. В шкафу на полке рядом стояли ее туфли, они еще не выцвели в потоке времени, еще лоснились карминовым цветом. Она вытирала пыль с обуви бархатной тряпицей каждый день, смахивала пыль легко и небрежно, шепча таинственные женские заговоры, одним движением пальцев отправляла в небытие пыль и прах, налет магии моли и мотыльков, грибков и плесени, принуждая омытую кожу сверкать и петь, ликовать. Может ли быть что-нибудь более чудесным, чем прикосновение нежнейших женских пальчиков, поющих и щебечущих по буграм застарелой боли, способных разом уничтожить долгую тьму прозябания и забвения?

«Бог ты мой», – бормотал ты, плакал и улыбался сквозь слезы. Серой промозглостью тянулось мое одиночество, зияло стужей тысячелетнего ледникового периода. От сумеречного холода этой пустоши обмерзал и опадал лоскутками даже воздух. Что и говорить о бедном человеческом сердце! Но вот ожидание подошло к концу. Рано или поздно даже пучина безвременья подходит к пределу. Сейчас... Вот-вот тренькнет звонок, улыбнется дверной глазок, отплывет в сторону разлинованная плоскость, и она войдет, как всегда, как обычно, сияя своей смущенной улыбкой, внося с собой букет ароматов весеннего дня. Розовая, посвежевшая от ранней прогулки, неся запахи кондитерской и булочной, как бы поскрипывая и шелестя прозрачной оболочкой уличных звуков: шепота, звона, гула, рокота и воркования. А пока это чудо явления грядет, он неспешно осмо-

трет квартиру, кухню, заглянет в холодильник, нет ли запасов пива, проверит, надежно ли закручены краны в ванной, потом направит стопы в спальную, где, наверное, задержится. Вот их заветная берлога, украшенная атласом, бархатом, шелком и муслином, со взбитым пухом подушек и миллионом ортопедических пружин толстого матраца, обширным одеялом, таким теплым, добротным, дружеским. Он такой надежный и верный, испытанный друг, понимающий душу сонного человека, обладающий способностью уничтожить рутину, вереницу унылых служебных дней с их бесчисленными тревогами одним своим широким объятием, одним только прикосновением своих крыльев *Ие* дремы. О, эти ночи вдвоем на кровати-ладье, скрипучем, пружинном плоту, ковчеге завета, несущем через море ненадежности и тревог к берегу сердечной зари и счастья! Лодка, умеющая превращать бурные волны бытия в трепет неги и проникновенной нежности. Вот она, спальная! Ты едва не задохнулся от волнения. Тихонько отворил резную дверь с двумя парящими амурами (их наклеила она сама). И в самом деле, здесь все было так, как ты представлял, будто вы покинули свое жилище всего час назад, причем субботним утром, встав только с постели.

Эта кровать лепечет своим неслышным бесплотным языком нечто, понятное страницами сокровенного повествования только тебе, больше никому. Оторвав взгляд от нее, ты подошел к большому плательному шкафу, не задержался перед прямоугольником зеркала – истина была бы слишком жестока в эту минуту. Открыл дверку, что слева, и с бьющимся сердцем уставился на потоки тканей, льющихся с вешалок. Это были в основном ее платья, летние, неизменно шелковые. Она очень любила природный, естественный шелк, и чтобы достать ткань нужной расцветки, не жалела ни времени, ни денег. Тебе же тогда доставляло лишнее удовольствие потрафить ей в этой слабости. О, эти невесомые, нежнейшие, словно дуновение губ, шелка, превращенные искусством в изгибы и очертания женского тела! Рисунки на платьях, это – плененные в пространстве нитей свежий весенний ветер, бабочки, кружащие над луговыми цветами, осенние листья, медленно плывущие в багряном воздухе, лилии, качающиеся над темной водной гладью, лепестки цветущей вишни, осыпающиеся прямо в сердце бело-розовым пухом цветка мгновения. Это блики жизни, когда-то подмеченные женщиной с прихотливой душой, уловленные ею и запечатленные на шелке. Каждое из этих платьев – особое воспоминание, страницы неповторимых минут: вот она наряжается перед зеркалом, бросает на мужа вопросительный взгляд, мол, ну, как я, хороша? Или прогулка по летним аллеям, залитым ярким солнцем, поющим и щебечущим древесными птахами. В новом платье у нее особенная походка, она не идет, а танцует, вычерчивает символы на невидимом подиуме. Кто станет осуждать утонченную даму за торжество в малиновом звоне ее жизни? Вот платье цвета гречишного поля. Она приобрела ткань после загородной прогулки на гречишном поле. От сочных соцветий, валом круживших вокруг, пьянило голову, земля уходила из-под ног. Жужжали пчелки и шмели, шумели на весь мир о своем пиршестве, в синем воздухе, кувыркая и крения небо, носились веселые, звонкие ласточки и стрижи. Где-то на гребнях пересвистывались суслики. Безбрежной, бесконечной рекой, теплой, согретой солнцем и растениями, плыл летний воздух, щедрый, размашистый, плавно изогнутый склонами холмов. Зачарованные небом, вы шли краем поля, взявшись за руки. Огромное солнце созревало прямо над головой. Ветерок переливался цветным шелком, холода щеки. Калачакра обещала

что-то очень хорошее, не скупилась, ты ощущал это. От красоты белокипенных холмов и золотистых долин стоял ком в горле. До самого вечера вы бродили и бредили, послушные, как дети, безмолвно ощущая, как глубоко творятся перемены во всем, заходя в недра клеток.

Вот яркая многоцветная ткань, кусок поля летних, зрелых подсолнухов. И ты, улыбнувшись, вспомнил тот давний, взбалмошный карусельный день, вернувший им обоим сказку далекого детства. Был яркий солнечный разлив, сверху вовсю лупили трелями жаворонки, в самозабвении заливался хор цикад и кузнечиков, немо вторя им, ходили ходуном растения, – оратория жизни была в самом разгаре. Светило безмятежно плыло в самом зените синей безбрежности. Поле казалось бесконечным, оно источало ароматы зрелого сока и масла, томилось от своей накопленной силы. Жизнь обещала вам много радости. И вы поверили этим ощущениям силы, света, размаха. Каждый подсолнух улыбался широким радушным лицом щедрого крестьянина, очастливленного всенародным карнавалом, широко и размашисто шагающего к свету. И лучился желтым смехом, кланялся, двигался в общем круге танца и пытался дотронуться до ваших плеч. Миллиарды круглых, жизнерадостных, спелых физиономий улыбались вам, источая любовь, приветливость. Вы поверили, что вас зовут, вам радуются, что это ваш мир: обетованный рай, беспредельно распахнутый, звенящий птицами и цикадами, потрескивающий электрическими разрядами неумной мощи. Вы бросили рюкзаки на землю, взялись за руки, рассмеялись и побежали навстречу полю, забежали, ахнули и потерялись. Вы стали подсолнухами, частью оранжевой солнечности, зрелости и яркости, пылающего багряного моря, поющего несметными бесплотными голосами. Вы стояли, качались, пели и бредили, созревали, как злаки, как дети природы, любящие отроки солнца и земли, забывшие некогда, что непременно надо встречаться с себе подобными и забываться в единении, переживании всесущности. А когда пришли в себя, открыли глаза, увидели: кругом стоят не растения, а глазастые *Ие*, увенчанные венками и перьями. Взявшись за руки, они стояли плотным кругом, неисчислимым воинством, настроенным дружелюбно. Они стояли, смотрели, они хотели чего-то, струя в душу токи сокровенности, благожелательности. И вы поняли призрачный язык желтоголовых увальней – они желали увидеть любовь человека. Голубое око неба, искристые потоки синевы, пурпурное полыхание за спиной и самозабвенное, растворяющееся в трансе лицо любимой женщины... Это было счастье, пронзительное, подобное замедленной молнии. То поле не забыть никогда, оно кружится, мается в твоей груди, клопочет спазмами и требует, умоляет вернуть назад тот день, ту минуту, особенно – лицо той женщины в центре бескрайнего оранжевого букета неба и земли. И понимая это, ты клонишь голову на грудь, мнешь в руках желтый шелк, слезы катятся по твоим худым щекам, изъеденным солью и терниями.

Вот шелк цвета пестрого кукурузного поля, немереных глубей жутковатой, неисчерпаемой энергии жизни, штрихи грозных и захватывающих течений и токов. Ты всегда с детства побаивался вида кукурузного поля, ибо не раз слышал, что в нем запросто можно заблудиться и потеряться, что наваждение джугарного *Ие* неотразимо, оно проникает глубоко, как гарпун, цепляясь заусеницами силы за волокна души, и извлечь его обратно невозможно. Оно может быть и замедленным, подробным, незаметным и ненавязчивым, словно туман иного мира, который проникает в твое жилище, когда ты еще спишь, когда ты в бреду

бесчисленных сновидений. Вот ты выходишь спросонок на порог своего дома и, не оглядываясь больше на деревню, населенную людьми-сурками, входишь в джугару, необъятную, густую, словно грезы древних людей, живших на Земле еще до эры драконов, плотную и высокую, будто строй вечных и бессмертных гвардейцев непобедимого императора. Вливаешься в зеленую Амазонию, чтобы раствориться и исчезнуть в немыслимом, чтобы далее плыть и колыхаться в океане всеобщего. Таково было влияние лукавых волков и волкопсов, которые до самого утра увивались возле окон дедовской мазанки, не теряя надежды выманить отрока в ночной туман, чтобы увести по своей тропе, последней, непроглядной, заговоренной совами и филинами. Молчание зелено-желтых пряных шерстистых *Ие* кукурузного поля с глазами, кишашими калачаками, совсем иное, оно заряжено громами и молниями, овеяно полетом сычей и неясителей, охаяно криком воронов и кречетов; силы в нем много, избыточно, так что мощь сама по себе бродит по звериным тропам ворохами густо-зеленой тьмы, а то и невообразимо огромными перепелками, куропатками и дрофами с глазами камышовой лани и тонкими ножками озорного детства, бегущими краем поля. И ты никогда не признался бы себе, что почти каждую ночь потерянным отроком-лунатиком выходил из призрачного дома, перешагивал через несуществующий порог беспробудно спящего и заблудившегося жилища, окунался в теплый, настоящий, словно молоко, туман. И джугара без лишних слов принимала тебя, своего отбившегося *Ие*, чтобы водить, бродить и бредить немыслимыми, невыразимыми грезами.

Вот платье цвета осеннего пшеничного поля. Мягкое, слегка потяжелевшее золото спелых растений и начавшегося увядания, тихой удовлетворенности. Это цвет зрелости, утомленно клонящейся к земле, к тишине и покою. Однако неутомонный ветер не хочет отпускать такие налитые, такие спелые, багряные волны, он хочет играть с ними, теревить и окунается в них, с размаха ударять по ним, чтобы неслись они в потоках струения и шального кружения по склонам и балкам бескрайней, щедрой душевной долины. Поэтому он то и дело налетает, толкает, теревит, щекочет, непоседа, шаловливый амур – *Ие* любви, все лето качавший снопы и колосья, лелеявший их трепетными кипящими перстами, не знающими покоя. Поле то и дело поддается давлению ветра, кидается в длинный и долгий бег, поднимаясь протяжными оранжево-темными валами, с гулом и несметным шелестом зачиная сказ о странствии к далеким горам. И все же оно слишком отягощено вековыми накоплениями – так много заключено в спелых зернах пшеницы. Поэтому в красках осеннего поля как бы сквозит проседь грусти, льется кровавый оттенок расставания. И все-таки ты больше всего любил пшеничные просторы. За запах хлеба, пробуждающего воспоминания о ладонях матери, протягивающих тебе, постреленку, истомившему тропы бегом, ломоть пахучего, ноздреватого хлеба, сытного, густо смазанного сметаной, необыкновенно вкусного, увлекающего затем в дрему, а то и в беспробудный сон. Многозначность пшеничного поля, невыразимость многих чувств, теснящихся в сердце и кружащих не только душу, но и весь окоем! Мужчина и женщина, взявшись за руки, стоят посреди долины, они в самом зените своей жизни, обуреваемые тревогой, пронизанные ощущением неизбежных перемен. Громада прохладного неба, беспощадный зигзаг горизонта, запах земли, политой кровью и потом крестьян. Поле, засеянное костями и давшее урожай хлеба и соли. Сколько раз так было и сколько еще будет? Дикие волчьи сны на краю хлебного поля, заряженного не

тучами и туманами, а судьбами людей-сурков. И ты, трогая тонкий шелк, шептал почти неслышно: *«Взлети, обвей, коснись и обними чабана, одинокого, продроглого, под небом сизым коке с глазами Последнего срока согрей, озябшее сердце потрогай крылышками махаона».*

Ты был у себя дома, и был вправе плакать и молить четыре стены о незабвенном, канувшем в прошлое, или просто молчать, надрываясь душой, или лечь на диван и ринуться в безвестность сна. Однако судьба так не считала.

...Кто-то тронул тебя за плечо. Ты, похолодев, резко обернулся. На какую-то минуту сознание отключилось, ты не верил своим глазам: Странник стоял на пороге твоей спальни. В смятении время отпрыгнуло назад. И ты оказался в том самом дне, в ситуации, когда в гостиной перед вами возникла фигура сутулого человека в дорожном плаще с сумой в руках. Тогда он кинул суму на пол и исчез в мгновение ока. Но сейчас он не думал исчезать. Он стоял и утюжил тебя странным кричащим взглядом, и ты понял, что Странник повторяет одно и то же: *«Беги! Это не твой дом – это ловушка, имитация. Они идут за тобой. Беги!»*

Ты не понимал. Ты был захвачен самым кошмарным сном своей жизни, и в каше застывших образов что-то немо орал призрак, показывая расширенными глазами на окно. Но ты еще глубже утопал в параличе бессмысленного состояния. Как муха, барахтающаяся в патоке. Он рванул занавеску, почти физически переместив волей твое внимание на то, что происходило за окном. И ты увидел толпы солдат и офицеров в черных униформах ССН, бегущих отовсюду к дверям твоего дома. *«Поздно! Слишком поздно!»* – проплыла в голове мысль, ты что-то хотел сделать, но заторможенное состояние не отпускало ноги, как бы вросшие в пол. И как на замедленной киноленте ты увидел сцену, потрясшую тебя. Левой рукой он схватил статуэтку Собеседника, сунул в карман плаща, затем ногой нанес сокрушительный удар по раме, выбив не только окно, но и часть стены, схватил тебя и прыгнул в проем через дождь падающих осколков. Странник почему-то не рухнул вниз на толпу, а взмыл вверх. И уже высоко в воздухе, скрипя зубами от острой рези в животе, ты понял: с гулом расправились черные крылья Летуна, невероятные перепончатые паруса заскользили по подушкам свистящего воздуха, стремительно унося вас куда-то в сторону. Мелькнул черный горб крыши, потом другой. Сзади глухо ударила автоматная очередь. А потом тьма ринулась на тебя и отняла сознание.

* * *

...Ты поднял голову. Время сочилось струйкой песка, и ты никак не мог осмысленно установить восприятие. Наконец тебя вырвало. Затем зрение вернулось, и ты понял, что стоишь на коленях перед лужицей жижи. Вновь стошнило. Из ушей словно выпали ватные пробки – звуки ворвались в сознание, затем кусками собралось и зрение. И тогда ты увидел, что находишься в центре небольшого амфитеатра. Сквозь полумрак различались ряды кресел, заросших мхом и плесенью. Ряды побежали по серпантину куда-то вглубь, вызывая головокружение. Сквозь разбитое окно в зал лился красноватый поток сумеречного света. От карминово-темных оттенков пространство выглядело нереальным, фантастическим.

Одно из кресел имело плечи и голову. И от этого тебя опять замутило. Ты дрожащими ладонями схватился за виски: пол, кресла, купол, световые про-

моины, клубы тьмы – все плыло перед глазами. Кресло шевельнулось, выросло вертикально, приняв форму высокого человека в накидке.

– Кто ты? – прохрипел ты, пошатнувшись.

– А ты что думаешь? – спросил голос.

– А что я могу думать?

– Понимаю. Ты решил, что я черт. Взял твою душу и полетел. Но в дьявола не стреляют, а в меня попали две пули, – он показал край плаща с продольными царапинами. – Если бы не эта летающая штука, тебе пришел бы конец. Гнобили бы тебя сейчас агенты ССН за милую душу. А пытать они умеют, уж поверь.

– Почему они за мной охотятся, Странник? – спросил ты, встав на ноги и шагнув в сторону от лужицы. Восприятие мало-помалу вернулось в нормальный режим, и ты уже мог контролировать свои мысли.

– Интересный вопрос, – фигура человека шагнула к тебе, и ты увидел знакомые, твердые, как дробинки, зрачки Снежного воина. – Я также пытаюсь понять это. Дело в том, что на тебя, именно на тебя ведут охоту секретные службы и Империи, и Федерации.

– Что?

– Вот именно. Ты представляешь заклый стратегический интерес для армий последних лагерей человечества. Я долго не мог понять этого, так сказать, нащупать основную интригу происходящих событий.

– И чем же скромный человек-сурикат так заинтересовал господ-стратегов? – вскинул подбородок ты.

– Это интересный вопрос, бегемот. И я долго размышлял над этим, пока не наткнулся на один секретный файл в одном суперкомпьютере. Не скрою, я взломал его хакерским способом, или мне помогли сделать это.

– И что?

– Любопытные вещи открылись мне. Оказывается, за твоим домом велось наблюдение еще до великой катастрофы. Следили за тобой ушлые кнбэшники.

– Что?

– Да, да. По двум причинам. Во-первых, выяснилась наша связь через жену. Я же тогда был секретным агентом КНБ.

– Черт возьми! Как я не догадался!

– А я и сам не догадывался. Мой мозг был обработан и запрограммирован военными специалистами-психологами и сволочами-гипнотизерами. Короче говоря, центр моего сознания, то есть «я», был заблокирован внушением и внедрением специальных психоделиков. Мое сознание оказалось расщепленным на несколько «я». В этом состоянии я работал на них, сам не ведая того.

– Вот это да! А я при чем?

– За тобой следили на всякий случай. Наша жена работала в секретных лабораториях специалистом-микробиологом. Тогда за посвященными бактериологами строго следили.

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь! По-настоящему стали наблюдать за твоим домом, когда там объявился Собеседник.

– Что? Ты что, белены объелся? Собеседник – это просто чучело. Карикатура на тебя, кукла, одетая в старый свитер и потертые джинсы. Издеваешься?

– Они тоже так думали. Но дело в том, что с появлением Собеседника вокруг дома возникло парадоксальное энергетическое поле неизвестной природы. Поначалу оно флуктуировало только вокруг дома, потом расширилось и охватило весь город. Затем оно охватило весь континент. Усиление поля до максимальной амплитуды колебаний почему-то совпало с началом масштабных джугарных мутаций в природе. Короче говоря, соответствующие службы установили источник бета-излучений, со временем накрывших всю планету. Это – Собеседник!

– Ни хрена себе! Это уже слишком! Это бред свинячий! Я сплю, или брежу, или спятил малость.

– А я думал, что ты мужик.

– То есть? Что ты этим хочешь сказать?

– Успокойся. Это не месть. Просто ты давно должен был понять, что в этом мире ничего невероятного нет. Особенно после трансмутации джугарного поля.

– Что такое джугарное поле?

– Хотел бы я сам знать, что это такое! Господа-имперцы мне кое-что объяснили. Короче говоря, ландшафт нашей планеты, или ее природа, в особо мощных проявлениях, как джугара, – это далеко не пейзаж, а энергетическое поле, накрывающее данное пространство и имеющее живую форму. Оно настраивает наше восприятие особым образом, принуждая нас видеть то, что ей нужно. В данном случае – лес, который нас окружает. Это на самом деле не лес, а что-то другое вроде пространственной голограммы, которую мы принимаем за реальность.

– Ничего себе! – Ты вытер платком мокрый лоб. – Ты хочешь сказать, что мы находимся внутри голограммы масштабом на весь континент или планету? То есть что мы блуждаем в дебрях наведенных видений?

– Да. Еще в семидесятых годах в мировой прессе, в военных журналах появились статьи о возможности голографического оружия. Хотя первые проекторы были примитивными и маломощными, все же проницательные теоретики, военные мыслители предсказали этой технологии захватывающее будущее. Короче говоря, мощные голографические проекторы, искажающие реальность, вносящие на нужный участок адекватные образы, на вид ничем не отличающиеся от объектов, были бы в чем-то совершенным оружием.

– Абсолютным оружием, – уточнил ты, оценив глубину мысли Странника.

– В потенциале – да. При чрезвычайной мощности тотального излучателя субъект воздействия, оказавшийся в поле влияния, не в состоянии будет отличить истинную реальность от ложной. Он примет за реальный любой фантом, любой феномен, тем более если достаточно подготовить его сознание. Такой человек или народ, даже человечество, попав во власть тотальной иллюзии, будет представлять собой игрушку в чужих руках. Понимаешь?

– Уму непостижимо! Значит, по-твоему, мы бродим в чьих-то наведенных видениях, бредим, колобродим, делаем то, что кому-то на руку, кому-то очень выгодно.

– Да, мы в нынешнем положении – марионетки в чьем-то кукольном театре.

Подозрение вдруг закралось в твою душу. Ты даже не успел его обдумать, оно прорвалось потоком клокочущего гнева:

– Да кто ты такой?! – завопил ты, едва не теряя рассудок. – Ты втираешь мне мозги, бес хреновый! Я же вижу твои уловки, агент треклятый! Совсем заморочил мне голову! Голограммы, Поле, мутации, проектор, глобальный иллюзион –

почему я должен верить во всю эту херню? И как мне после всего этого тебе доверять? Вдруг ты и есть опасный гипнотизер, сводящий с ума всех? Летаешь же ты, а не я!

– А кто ты сам есть такой? – тихим голосом спросил Странник, блеснув змеиными зрачками.

– Как кто? Человек-сурикат, – запнувшись, пробормотал ты. – Нет, постой, человек-бегемот... Тьфу ты!

Странник вынул из кармана плаща какую-то вещь, судя по виду – фигурку, и поставил на сидение ближнего кресла. И ты увидел коричневого терракотового Собеседника, улыбающегося тебе слюдяными глазами.

– Как ты вырос, однако, – прошептал ты.

– Кто это такой? – спросил Странник. Наступило долгое тягостное молчание. – Как ты можешь знать, кто я такой, если не знаешь, кто ты есть на самом деле или кто Он есть такой? В твоей памяти зияют провалы. Я же помогаю восстановить твою целостность. Разве лукавый враг станет делать это?

Ты по-прежнему обиженно молчал. Действительно, ты на самом деле не знал и не помнил, кто ты есть такой. В памяти зона прошлого зияла сплошной тьмой и бесформенностью.

– Итак, слушай. Всего несколько человек, имевших доступ к сверхкомпьютерам, анализируя данные ядерных испытаний на полигонах планеты, в том числе информацию с военных спутников, одновременно отметили цепочку странных, алогичных явлений. Аномальное пятно под поверхностью Семипалатинского ядерного полигона начало двигаться в сторону востока, в мегаполисе одной южной республики под землей сформировался цилиндр из неизвестного вещества и начал расти вверх. И над аномальной зоной, и в районе цилиндра появилось излучение непонятной природы. Именно в это время, а это конец восьмидесятых и начало девяностых годов, учеными-биологами были зафиксированы факты мутации в мире вирусов, простейших организмов, грибов. По странному стечению обстоятельств именно в этот период генетики разных стран открыли головокружительные секреты молекулярной, геной инженерии, то есть клонирование. Как из волшебного рога изобилия на землю посыпались разнообразные клоны: растения, животные, наконец, люди. Одновременно началась полоса взрывных революций в кибернетике, в результате эпоха нанотехнологий привела к созданию голографических проекторов большой мощности. Что касается твоей роли, агенты, следившие за твоим домом, заметили, что с появлением в твоём доме Собеседника вокруг здания возникла зона излучения, аналогичная той, которая с самого начала установилась над аномальным пятном, тростниковыми зарослями, тем самым цилиндром, который уже стал расти над землей, приобретая форму небоскреба. Агенты попытались выкрасть Собеседника для исследований, но не смогли.

– Что?!

– Да они просто не смогли приблизиться к нему. Всякий раз возникали психические феномены, которые приводили физически крепких, специально подготовленных людей к полному безумию.

– Как же я не заметил их?

– О, ты многое не заметил. Ты был уже во власти Собеседника и делал то, что он нашептывал, видел только то, что соответствовало его текстам.

– Ты хочешь сказать, что Собеседник – проектор?

– А что еще? Он только исполнительный посредник между Истинно чужим и тобой. Истинно чужой заманил тебя и нашу жену на подсолнуховое поле, где вы соблазнились несчастным видом Собеседника, водруженного на столб, и в порыве альтруизма унесли его с собой домой. А там голос Истинно чужого через Собеседника был уже постоянно с тобой. В подземных странствиях ты встретился с полномочным представителем Истинно чужого. Только неизвестно, успели они инициировать тебя или нет.

– Стрекальный призрак! – вспышка догадки ошеломила тебя, и в мгновенном озарении ты вновь увидел сутулую тень, склонившуюся над тобой в темноте бункера. – Значит, это был не сон?

– Что значит не сон? – Странник недовольно посмотрел на тебя. – Пора бы научиться отличать сон от сновидения.

– Что?!

– Прости. Я хотел сказать: отличать обычный физиологический сон от наведенного, гипнотического.

– Я этого не умею.

– Да, вижу, что ты – святая наивность. Но пойдем по порядку дальше. В бункере состоялся контакт между тобой и посредником. Таким образом, на данное время ты единственный из землян, кто вступил в контакт с сознанием Истинно чужого.

– Кто такой Истинно чужой?! – заорал ты, теряя терпение. Методичный, протокольный голос Странника начал выводить из себя.

– Минуточку. Не все сразу. Если бы мы знали, кто такой Истинно чужой... Все сразу бы стало на свои места. Чтобы бороться с врагом, надо сначала точно установить, кто он такой, какова его природа. Короче говоря, стратеги, руководители секретных служб и разведок империи пришли к выводу, что центральным источником глобальных, наведенных на Землю излучений является именно Истинно чужой. Все остальное – энергетические поля, голограммы, искусственные ландшафты, мутанты, клоны, киборги – дело его рук. Установив это, аналитики зашли в тупик. Дело в том, что кроме мифов в их распоряжении никакой стоящей информации не оказалось. А как доверять мифам?

– Что за мифы?

– Некое архаическое племя догонов в Африке сохранило любопытный сюжет. Он был расшифрован компьютером и переведен на наш язык. Как будто много миллионов лет назад между Марсом и Юпитером существовала достаточно большая планета.

– Сейчас там пояс астероидов, – выпалил ты и тотчас устыдился своей запальчивости.

– Да, пояс каменных останков той планеты. На ней была жизнь, высокоорганизованная, разумные существа, подошедшие к черте глобальных открытий в области высоких энергий. И вот в это самое время из дальнего межгалактического космоса появляется флот чужих и приступает к действиям, чтобы захватить планету. Но им дают решительный отпор боги нашей системы. Догоны назвали их небесными Летунами. Все же чужие начали брать верх. И тогда Летуны устроили большой взрыв, уничтоживший флот чужих. Их корабли раскидало по мирам нашей системы. Один из воинов чужих оказался заброшенным на нашу Землю.

– И это Истинно чужой?

– Если верить мифам догонов, расшифрованных суперкомпьютером. По всей видимости, воин из другой галактики, спавший в земной коре, сейчас пришел в движение.

– Почему?

– Ядерные взрывы землян разбудили его, а подземные испытания атомного оружия накачали его тело энергией. Аналитики полагают, что исполинская черная башня, выросшая из цилиндра, скорее всего не только проектор суггестивных голограмм, но и его звездолет.

– Ого! – ты возбужденно заходил туда и сюда по сцене амфитеатра. – Логично. По крайней мере, эта версия все объясняет и ставит на свои места. Однако все слишком странно и загадочно и даже невероятно. При чем здесь я? Ну и что, – я встретился с посланником Истинно чужого? Почему эсээновцы, как бешеные псы, гоняются за мной?

– Дело в том, что... – Странник внимательно, на максимуме концентрации посмотрел на тебя. – После той встречи в бункере ты уже не являешься ни человеком, ни бегемотом, ни сурикатом. Твоя природа глубоко изменена, а в подсознании ты несешь закодированное сообщение Истинно чужого. И чтобы прочесть это послание первыми, имперцы и федераты носятся за тобой как угорелые. Не сомневайся: ты несешь послание Истинно чужого. С этой точки зрения ты – личинка, которая завтра трансформируется неизвестно во что. И это, клянусь волчицей, тяжкая ноша.

Ты молчал, поникший, словно невидимые отсель бетонные своды того бункера надавили на твои плечи, а затхлый воздух подземелья собрался в горле.

– Я не могу поверить в это до конца, – наконец сказал ты тусклым голосом и искоса взглянул на Снежного воина.

– А это и не нужно. Просто мы будем охранять тебя от эсээновцев, и от имперцев, и от всяких других.

При этих словах несколько кресел пришли в движение, и ты увидел рослого офицера в черной форме капитана ССН, рядом с ним мордастого детину – стража с дубинкой в руках, чуть сзади – тщедушного стройбатовца с острым шакальим лицом.

– Они! – взвизгнул ты, теряя самообладание. – Они уже здесь!

– Спокойно, – сказал Странник, сверля тебя снисходительным взглядом. – Позволь познакомиться – мои друзья. Капитан ССН – не так уж давно прозывался Следопыт.

– Что? Что? Какой следопыт? – пробормотал ты, пытаясь нащупать равновесие в изменившейся ситуации.

– Ну, это ты еще вспомнишь. А вот и новые друзья, они примкнули к нашим рядам сравнительно недавно. Они будут защищать и охранять человека-суриката. Теперь дополнительный ответ на твой давний вопрос, кто такой я. Я есть ты, ты есть я. Разница между нами только в том, что я вспомнил, кто я такой, ты же не помнишь. И еще разница между нами заключается в том, что я давно покинул свой дом и вышел в поле. Ты же носишь свой дом на своем горбу и никак не можешь покинуть его. Пойми: вспомнить свое истинное «я» можно, только оставив свой дом. Ты же никак не решаешься. К тому же вольно или невольно стал арендодателем Истинно чужого. Вот в чем проблема.

– Как это арендодателем? – возмутился ты.

– Ты сдал ему в аренду свое тело и еще подсознание, для чего, мы еще не знаем. Это и должны выяснить.

– Поклеп, Снежный воин, да еще какой, – завопил ты. – Ты просто ловко оговорил меня, без всяких доказательств на основе сомнительных данных. Да ты просто мстишь мне за жену! А что еще? Ты такой же человек, как и другие, не можешь простить, что другой мужчина занял твое место. Вот в этом то и все дело! Что касается дома, – я тоже давно скитаюсь, оставив свою хату. Ты не прав, ты ловкач и софист!

Ты бормотал, качал головой, кипятился, стараясь не встречаться взглядом со старичком-бражником, который явно ерничал над тобой, намеренно повторяя твои жесты и мимику. Ну и скользкий же тип, так и лезет в опекуны.

– Ты до сих пор не понял, о каком доме идет речь, – грустно улыбнулся Странник. Его глаза мягко и влажно потемнели. – Ты изо всех сил стремишься найти свою идеальную женщину, чтобы соединиться с ней, потом закрыться от всех бурь и тревог в надежно оборудованном логове. Это твоя генеральная цель. Дом суриката – это истинная крепость, кладовые которой забиты до отказа всякой всячиной. Она оснащена запорами, замками, защитными механизмами, может дать отпор непрошеному гостю даже без хозяина. Дом суриката – поразительный пример выживания, образец доброхотства. Не случайно он скопирован до мельчайших деталей и выставлен как мемориал в зале второго блока имперской мегабашни. В этом виде он сейчас служит моделью выживания человека в экстремальных обстоятельствах. Сотни людей ежедневно приходят вместе с детьми на второй блок, чтобы посмотреть на дом Суриката. Я хочу сказать, что именно этот железобетонный комплекс ты бессознательно таскаешь на своем горбу, заряженный навязчивой идеей загнать туда сурикатку. Вполне возможно, что именно вдвоем вы должны вдохнуть жизнь в означенную личинку. Я склонен подозревать, что именно так ты должен выполнить программу, внушенную тебе Истинно чужим. По крайней мере, чья-то скрытая воля помогает тебе выполнить это намерение. Ты едва не добрался до цели. Я только теперь осознал, что все время помогал тебе именно в этом.

– Что?! Цель? Ты хочешь сказать, что она здесь, где-то рядом? Что мы едва не встретились? Значит, она где-то тут, на этом острове! Я так и знал, мои расчеты были правильными. Странник, скажи, что это так! Что она здесь! – ты подбежал к Снежному воину, схватил его за рукав плаща и возбужденно затеребил его, пытаясь заглянуть в глаза.

Он внимательно следил за твоими маневрами, словно проверяя какую-то недооформленную мысль.

– Да, она была здесь. Но ее вовремя увели...

– Кто?! Зачем?! – взвизгнул ты, теряя самообладание.

Еще одно кресло поднялось с места, и на сцену вышла отвратительная старуха в рванье, похожая на бабу-ягу. Кривляясь и ухмыляясь, словно бесноватая, она принялась шнырять туда и сюда, нелепыми, уродливыми ужимками повторяя жесты твоего отчаяния.

– Кто это?! Уберите эту чертовку от меня! – истерично заорал ты, отпрянув в сторону от жутко оскаленной мегеры.

– Уберите хрыча от меня! – истошно завопила старуха и с поразительной ловкостью отпрыгнула в сторону. Скалясь, словно гиена, она обжигала тебя не-

навистным взглядом, повторяя одно и то же: – Уберите его от меня поскорей! Что это за обормот? Сейчас меня стошнит от него!

Странник и его спутники весело рассмеялись. Закат был в полном разгаре, густые красные потоки лились сквозь разбитые окна в амфитеатр, усиливая сюрреалистический эффект происходящего.

– Я почти уверен в том, что Истинно чужой планировал во что бы то ни стало встретить тебя с женщиной-оленихой. Почему это входит в его стратегические замыслы, мы пока не в силах понять. Одно нам ясно. Истинно чужой – самое древнее сознательное существо на этой планете. Кроме Летунов из Пси-поля. По некоторым сведениям, он в виде рассеянных антипротонов пребывает глубоко в земной коре. Его роль в эволюции земных тварей несомненна. Наш анализ привел нас к выводу, что он принял самое активное участие в эволюции и человеческого вида.

– Каким образом? – хором сказали мы и дружно шагнули к Страннику.

– Это существо, миллионы лет дремлющее в латентном состоянии в гранитных толщах континента, опосредованным образом влияло на развитие разума землян. Этот его особенный аспект влияния мы называем шепотом Истинно чужого. Через посредство этого шепота, осязаемого в сфере подсознания, Истинно чужой и его посредники – стрекальные существа формируют темную сторону природы людей.

– Наставник, вы хотите сказать, что Истинно чужой отвечает за программу зла в природе и истории людей? – спросил Следопыт. Его серые глаза осязаемо вспыхнули зеленоватым светом.

– Когда-то я вступил в полемику с группой крысиных ученых, больших интеллектуалов, – ответил Странник, мерцая светом зрачков. – Мы спорили долго, приводили разные доводы. Особенно много и доходчиво говорили они о злой природе человеческого вида, приводя яркие примеры из разных веков и тысячелетий. Оказывается, крысы наблюдали за нашим видом с самого начала его появления. Потом в своем анализе я использовал именно крысиный взгляд на историю человека. И вот что любопытно. Зло действует в истории землян как основной фактор, подталкивающий к войне. За ним скрывается программа взаимного истребления и гонки вооружений, которая неизменно включается тогда, когда количественный рост человечества и его дифференциация на популяции на планете достигает некоей критической величины.

– Какой? – спросили мы хором, еще ближе подойдя к Наставнику.

– Какой? – взъерепенилась ведьма и, смешно растопырив кулачки, подбежала к говорившему.

– Это большой секрет из Реестра Малыша-утенка, не подлежащий устному разглашению. Не забудьте – и у стен есть уши, – спокойно ответил наставник, завораживая нас силой взгляда.

– У стен есть глаза и уши? Мать моя, едрени-фени! – ужаснулась карга и в страхе оглянулась назад.

– Короче говоря, обобщив все, что мне сообщили ученые-крысы, представляющие коллективное мнение своего вида, а также сведения землян, чаще всего мистико-мифологические, о демонах, полудемонах, бестиалиях, я пришел к выводу, что Зло есть шепот Истинно чужого, присутствующего в определенной зоне как синкретическое существо.

– Как синте... синкре... синхро?.. – запинаясь, переспросили старичок-бражник и страж с дубинкой.

– То есть стайное, коллективное сознание. Мы должны понять, что зло есть энергия сознания и на полевом уровне объединяет Истинно чужого со всеми носителями зла: демонами, полудемонами, сатанами, черными магами, вурдалаками, оборотнями, лярвами-паразитами и множеством других сущностей в великую стаю, имя которой Тьма тьмущая.

– То есть Истинно чужой в состоянии стаи, – вставил Следопыт, бледный, озаренный каким-то внутренним холодом.

– Так вот кто уговорил Рыжика окрыситься и выступить на борьбу с нами, – из бархатной тени кресел выступил на сцену до невозможности курьезный, гротескного вида человечешка с огромным выпирающим животом.

– А я не знала! Какая я дура! Тьфу мне! Тьфу! – расплевалась во все стороны старуха, дико сверкая зверскими зрачками.

– Теперь вы должны понимать, в чем состояла стратегическая цель Истинно чужого, когда он принял активное участие в истории и эволюции человеческого вида.

– Подвести людей к черте, настроаляя их злом, войной, ненавистью и страхом, когда неизбежно появится абсолютное оружие, – твердо сформулировал офицер СНН.

– Вот именно! – подтвердил наставник. – Абсолютное оружие. Энергия зла в безграничных размерах. Он подвел людей к испытаниям термоядерного оружия прямо в земной коре, в зоне, где рассеяно его антипротонное тело. Тем самым он руками людей добился прямой накачки энергии в свою сеть и начал трансформацию тела на активном поле. Одновременно из земной толщи начал выдвигаться его космический зонд, он же – голографический проектор невиданной мощности, он же – звездолет. Истинно чужой начал быстро менять биосферу и цивилизацию людей в своих целях, чтобы довершить трансформацию. Но что-то помешало ему, возникли спонтанные нарушения в программе. Не хватило всего десяти-пятнадцати взрывов в земной коре, чтобы довершить транс-эволюцию Истинно чужого и его превращение в галактического воина. Люди одумались и остановили испытания ядерного оружия. И тогда, ища источник нарушений в Программе, он начал гонку мутаций в природе и человеческой популяции, чтобы создать новую расу воинственных людей, которые продолжили бы совершенствование абсолютного оружия. Чтобы в конечном итоге они начали тотальную энергетическую войну. Именно на этом этапе в зоне контактов появилось множество стрекальных призраков, один из которых пришел с поручением к человеку-сурикуату. Спрашивается, зачем?

– Зачем? – из тьмы выступила группа весьма заинтригованных существ, кентавров, волколаков, грифонов, других полулюдей-полуживотных. У тебя закружилась голова, в глазах потемнело. А люди-быки, лошаки, волы, мулы, дромадеры, грифы, коты, всевозможные химеры подходили к тебе, подступали вплотную с одним единственным вопросом: зачем человек-сурикуат встречался со стрекальным существом?

– Зачем, мать твою? – на сцену вновь выскочила ведьма, виляя тощим задом, свирепо щеря редкие желтые зубы.

– Я не знаю. Я не договаривался, не предавал вас, – пятился ты назад, отступая к креслам от толпы жутких уродов, нечеловеческих отродий, готовых растоптать и растерзать тебя.

– Стойте! – хлестко ударил голос Наставника. – Скоро мы выясним, в чем тут дело. Ваша задача людей и мутантов – бдительно охранять суриката, чтобы он не попал в руки ни эсээновцев, ни имперцев, ни федеральных агентов. Вы должны беречь его как зеницу ока.

– Какая жалость! А я хотела его захрумкать, то есть скушать! – уморительно захныкала ведьма.

– Будем беречь как зеницу ока! – дружно повторила толпа мутантов, сверля тебя подозрительными алчными взглядами.

– Джупиры! Джупиры! – донесся истошный крик. Ты в испуге оглянулся. В разбитые окна, обогранные потоками закатного света, один за другим влетали кошмарные твари – мшистые крыланы с ощеренными песьими пастями. Ворвавшись в помещение, они с визгом и лаем принялись носиться туда и сюда, взрывая воздух свистом и скрежетом. Они были похожи на доисторических птеродактилей, они потрясали воображение выразительностью оскаленных красноглазых морд.

– Спокойно! – учитель поднял правую руку и энергично свистнул джупирам. Те мгновенно ринулись к окнам и быстро исчезли в сумерках. – Это мои разведчики! Они сообщили, что в нашу сторону продвигается отряд солдат. Вы должны срочно войти в зону проектора голограмм, то есть сесть в кресла и не подавать никаких признаков жизни, пока отряд не минет эту улочку.

– Так это проектор? – ты потрясенно следил за тем, как люди и мутанты один за другим сливались с креслами и исчезали с глаз долой. Последней сгинула дьявольская старуха.

Наставник, выжидая, смотрел на тебя. Он приготовился к прыжку, расправив края перепончатого кожистого плаща. Ты, запинаясь, смущаясь одновременно, пробормотал что-то весьма невразумительное. И он без слов понял тебя. С улыбкой, уже в воздухе, с шумом расправив крылья, сказал тебе прямо в мозг бесплотными словами:

– Неужели ты до сих пор не понял очевидного? Я же Летун.

– Летун? Ну и что? Я вижу, что ты тоже мутант и можешь летать. Разве это ответ?.. – чертыхаясь, ты уселся в кресло. И когда тебя осенило, было уже поздно. Сцена зияла пустотой. Проектор был мощный, работал без перебоя. Ничего, кроме кресел, ты не видел, не мог найти визуально даже самого себя. Это был поразительный голографический эффект: твоими глазами смотрела и оценивала пустота, но она не была пучинной, она была субъектной. Тебе захотелось взглянуть на собственные глаза, но это было невозможно, ты быстро это понял. А затем ты осознал то, что было сказано в одной сутре: «Вспомни, что было до твоего рождения».

* * *

В вечерних сумерках громадной тенью скользнул ты над марширующим взводом. Солдаты и глазом моргнуть не успели, как ты уже несся над крышами другого квартала. Джупиры реяли вокруг тебя, носились суматошно, оголтело хлопая своими сильными крыльями. Огромная шумная стая то осыпалась разом хлопьями, как туча взметенной сажки, то дружно взмывала косо вверх, будто управляемая невидимой дирижерской рукой. Летучие псы вновь затеяли суматошный воздушный танец, стремительно рея, совершая неуловимые кульбиты

и пируэты, демонстрируя поразительное мастерство полета. Во всем этом был смысл: громадная, все время пересыпающаяся внутри себя стая создавала поток направленного воздуха, движение которого поднимало тебя все выше и выше. Этот мельгешащий черно-серый вихрь из множества крыльев защищал тебя от меткого взора стрелка снизу, если бы он попытался сбить тебя из оптической винтовки или очередью автомата. Тысячи джупиров своими телами закрывали Летуна, размеренно машущего перепончатыми полотнищами в центре стаи. Своим неустанным танцем они создавали что-то вроде дымовой завесы.

С джупирами – летучими лисами и собаками ты сдружился сравнительно недавно, несколько ночей назад. Это было время, когда ты учился летать, паря вечерами в потоках нагретого воздуха, столбами поднимающегося над остывающими жестяными крышами, накаленными еще днем. Каждый такой ночной полет доставлял тебе невыразимое удовольствие, наяву все глубже погружая в транс сна. Тебе всю жизнь снились сны, в которых ты все время летал, витая то над деревней, то над цветущими полями, то над темными холмами, то над кварталами спящего города. В подсознание глубоко врезалось ощущение неопишемого блаженства таких полетов, затяжных, эйфорических. Тебе нравились такие видения, когда ты на глазах потрясенной толпы взмывал высоко в воздух, недостижимый для неизвестных преследователей. Ты был легок в полете, даже невесом, а все, что находилось внизу, особенно дома, машины, люди, звери, – отягощено невидимой тяжестью. Люди и вещи утопали в объятиях всевластной всепроникающей гравитации. Те сны, наверное, были предощущением нынешних полетов. И вот, когда ты научился реально летать, то самое блаженство вернулось, оно стало переживаться еще глубже и полнее. Чем дольше длились перелеты, тем более пронизывающим и упоительным становилось чувство парения, удивительной свободы, вознесенной над муторным и чадным миром, задыхающимся в тревоге и страхе, в пыли и прахе ежедневной погони за призрачными целями.

Поздними ночами на острове, стараясь не привлекать внимания часовых и стражей, а также зенитчиков, дежуривших на вышках и крышах, ты тренировался в прыжках от чердака к чердаку. Со временем ты заметил, что большинство караульных к своим обязанностям относится довольно-таки прохладно. Как только потемки пологом обволакивали землю, часовые забирались в укромные места подальше от злобного лая сержанта, чтобы соснуть часок-другой. Эта уловка стала чем-то вроде неписаного правила для военнослужащих острова. Офицеры, конечно, знали об этой солдатской хитрости, но относились к этому с презрительной снисходительностью. Дисциплина в армии ветшала день ото дня. Упадок, пораженческое настроение разъедали войска острова изнутри, и это было явным признаком растущей деморализации военных. Неряшливость и нерадивость солдат были тебе только на руку. Через несколько ночей тренировок ты почувствовал, как крепнет уверенность в себе, как тает страх высоты во время затяжных прыжков. Возникла осязаемая психическая связь между нервной системой, силиконовыми нитями и жилами экзоплаща. Потом ты понял, что тебе помогает твой ИК, внедренный глубоко в мозг. Миниатюрный суперкомпьютер брал управление полетом на себя, неустанно и исподволь перекодируя подсознание, превращая тебя в новое существо – в Летуна. Он предоставил тебе полную власть над новыми импульсами, странными и поразительными ощу-

щениями, возникающими при перелете над ночным островом. Мозг неустанно обрабатывал огромное количество информации, часть которой непрерывно передавалась на радары имперской сети. Ты получал суммированные ощущения. Так тебе казалось, что твои кости становятся пористыми, приобретая легкость, что они продольно вытягиваются вдоль меридиальных жил, повторяя структуру птичьего скелета. Менялись и свойства мускулов, они привыкали к постоянной работе легких, рук, торса, срачиваясь в целостную систему с силиконовыми нитями перепонки. Постоянная дрожь крыльев наполняла сознание ощущением перманентной готовности к мощной вибрации, когда начинал работать ритм слаженных вдохов и взмахов, пульсации нервов внутри твоего позвоночника. Глубинные трансмутации на глубоком молекулярном уровне требовали все новых и новых порций адреналина. Гормон силы мог дать только полет в ночном небе. И ты много часов кряду летал над спящим островом, запоминая каждый нервный импульс, заучивая гравитационные особенности движения в воздухе, где было много скрытых потоков и течений. Отсыпался днем под прикрытием генератора голограмм.

И вот наступило время, когда ты почувствовал полную власть над своими крыльями. Подобно андскому кондору, ты взмыл в воздух с самого высокого здания и до самого утра парил на головокружительной высоте под тлеющими искрами звезд. Перепонки плаща с обеих сторон, повинаясь твоей психической воле, удлинились, распростершись до маха в четыре метра. Ты мог двигаться как планер, переходя с потока на поток, почти не тратя усилий рук.

Человеческий муравейник внизу под валами тьмы томился, сонно маялся в предощущении тревог, а то и бед, которые нес с собой рассвет нового дня. Каменными глыбами меркли здания, утопая в собственных тенях, непроглядных, похожих на бездонные провалы. Изредка смуту улиц пересекали вереницы – это караульная смена шагала на пост. Между островами разлитым морем колыхалась, кипенью курчавилась джугара. Заводи буйной растительности струили вверх вихри невидимой энергии, и ты старался приноровиться к ее движению, чтобы использовать токи живой силы. Сверху ты видел, как медленно бредут стада зубуйволов, зуленей, зулоны неторопливо вышагивают к водопою. Хищники крались к стадам в густых тростниковых зарослях. Между рощами на полянах кругами носились, нервно фыркали антилопы и серны, чувствуя приближение зверей. Будоража лесную глушь, рывкал и рыкал джугур, предупреждая весь мир о начале своей охоты. И над всем этим тварным копошением, коловращением жизни и смерти броневыми утесами рвались вверх мегабашни, усеянные огнями, подсвеченные прожекторами.

Пролетая мимо небоскребов, ты заметил, что здесь ветер заметно сильнее, он бушует турбулентными потоками, обтекающими закругленные поверхности зданий. Это бурление вызывали сами башни, ставшие преградой на пути океана воздуха. С ветром было трудно бороться, но его силу можно было использовать, ты так и делал, отдаваясь давлению воздушных течений. Силиконовые нити плаща гудели, напрягаясь, черпая подпитку из внутренних резервов тела. Проносясь мимо остекленных вертикалей, берущих разбег в пучине, ты опьянялся особым состоянием горделивости. Там, за стенами, множество людей, погруженных либо в сон, либо в рутину быта, они ничего не знают и не ведают о торжестве человека-кондора, пирующего свою духовную победу над стихиями неба и земли.

И если бы эти люди вдруг увидели тебя, масштабного крылана, свободно и мощно кружащего вокруг их небесного жилища, что подумали бы они, схватились бы за оружие или восхитились чудом?

И вот однажды, выписывая круги в нескольких километрах от башен империи, ты увидел вихрем бурлящую черную тучу, стремительно растущую на глазах. Ты приготовился к отпору. Но тысячи небольших крыланов-джупиров и не думали атаковать тебя. Они летели наперерез необъятной стае бражников-мотыльков. Сблизившись с ними, они принялись носиться туда и сюда, с молниеносной скоростью хватая добычу. Они перемещались так быстро, что за отдельным джупиром было трудно уследить: в целом глаз угадывал движение только стаи, которая веером то рассыпалась вширь, то вновь собиралась в шарообразную кучу кормящихся животных. Стая все время меняла строй, то прядая во все стороны, то скручиваясь в спираль, то свиваясь в пляшущий цилиндр, то расплетаясь бескрайней лентой.

Наблюдая за этой впечатляющей картиной, ты заметил стаю больших сов и филинов. Они поднялись небесной флотилией с крон баньянов и джугабров, растягивая фланги, помчались к джупирам. И тогда ты услышал пронзительный сигнал тревоги, скоро перешедший в тонкий вопль: «Большой брат, джупир, великий крылан, помоги! Большой брат, спеши нам на помощь!»

Сердитые совы и филины, нахохленные даже во время боевого вылета, пернатым воинством вздымались все выше и выше, окружая свою добычу, считая ее своей исконной пищей, ибо испокон веков охотились на летучих мышей и лис. В последние годы щедрый и размашистый бог неба Тангара, непостижимый и таинственный, вездесущий крылан – Симург калачакры, одарил их доброй и обильной пищей – крупными крыланами-джупирами. Почти каждую ночь перед муссонными дождями совы и филины наедались досыта. Ведомые инстинктом, они поднимались всей стаей над лесом и сшибались с армадой летучих лис. Славная охота начиналась в мутном, заволоченном небе. Непроглядный воздух над джугарой вспенивался бесчисленными крылами: великие совы и филины, истомившиеся в долгом ожидании в кронах и дуплах, мшистых расщелинах и пещерах, маневрировали, нанося безжалостные удары по джупирам. Бойцовые, хмарные совы и филины, разбойники-горлопаны налетали, хватали, душили, рвали когтями перепончатокрылых увертливых лис и собак, упивались своей мощью. Маленькие крыланы крутили пируэты, метались, закручивали вихри, мгновенно исчезая из виду и также внезапно возникая. Скрип, шорох, визг и крики на ультразвуковом диапазоне переполняли пространство, пронзали сознание тех, кто мог воспринимать эту невиданную и небывалую битву бесчисленных джугарных стай. Множество джупиров погибали на твоих глазах, продолжая звать на помощь. И это неравное побоище донельзя возмутило тебя. Мрачный, разгневанный, сильно хлопая огромными полотнищами, крылан-великан поспешил на выручку своим меньшим сородичам. Без тени сомнения врезался в самую гущу битвы и там, окруженный врагами-птицами, напрягся и завопил во всю мощь отнюдь не птичьей глотки – эта была гортань небесного джугура. Ты издал рык, громовой, сотрясающий тучи, шквальный, ужасный, закручивающий торнадо. И этот нечеловеческий рев-тайфун поверг в смятение несметную стаю сов и филинов. Ринулись мягкокрылые, легковейные, пушисто-вспушенные крючкотворы вниз, кто куда. Посыпались в глуби

и чащи древесные, спасительные, как осенние листья, брошенные наотмашь лапой свирепого вихря.

С тех пор джупиры стали твоими друзьями, служа почетным эскортом Летуну всякий раз, когда он совершал перелет. Заметив человека-кондора, они поднимались тучей, угадывая его намерение на уровне интуиции. Когда бы это ни происходило, где бы ты ни совершал свой прыжок, они прилетали из дальних далей, клубясь копотным вихрем, окружали тебя, чтобы сопровождать большого брата. Иногда в этой черной туче даже днем ты следовал мимо отвесов мегабашен, надеясь на надежную маскировку. Со временем ты научился понимать язык меньших товарищей. До самого утра витал с ними в поднебесье, сторожа их кормежку. С рассветом вместе с ними медленно снижался к дремлющим кронам, чтобы в зыби и маете передохнуть под защитой свода баньяна или джугабра. Повисали они вниз головой, цепляясь лапками за ветки, – сплошные грозди из сонных, мшистых тел. У тебя не было способности висеть вниз головой часы подряд, поэтому ты устраивался на развилке больших ветвей, чтобы перекусить сочным плодом, или раскидывался в брошенном гнезде джубезьяны-ориллы, чтобы соснуть.

Под сенью баньяновых и фиговых кущ в гнезде ориллы возлюбил ты спать, дремать, кипенно бродить и бредить образами-ликами прошлого и будущего. До самого утра качала и нянчила тебя, джуипирного летуна стоеросового, древесная маетная колыбель, шелестела, шуришала, плыла над землей, над теньями, колыхалась и реяла тучей листьев, дождем веток и стеблей... На Запад несло тебя теми взглядами, струящимися, словно реки, обагренными даже не закатом, а кровью и потом мародеров опоздания. Относило неумолимо с каждым ударом весел оробелого сердца от самого берега желтой реки Хуанхэ, седого Иртыша к плесам ледяного Рейна, к дубравам друидов, арийским и кельтским Стоунхенджам. Не потоком гольфстримским несло и качало, а судьбой номадов, брошенной наотмашь калачакрой великой к ногам волколаков-викингов, в гнездо ориллы в перекрестие обратного солнцеворота. Кто скажет тебе, объяснит простую истину столетней войны, бесконечной битвы, великого похода то с оружием в руках во главе когорты, то с цепями раба на стертых ногах, со струпьями смертельной долины, иссеченной мечами великой сечи и засеянной костями несметных легионов сынов благородных? Мужей, не успевших родиться, распрямиться благословенным ростом и истлевших тотчас по приказу не Цезаря, не Аттилы, не Чингисхана или фюрера с глазами, кишащими прахом и тленом, но куропатки, бегущей краем поля на цыплячьих ножках позднего лета... А потому еще качаться ему, еще бродить и бредить, трухляветь, как пеня муравьиный, заселенный густо личинками человека-суриката, секретными кодами невероятного, небывалого абсолютно-го оружия. Спорами и семенами, грибами джугарной брани, свары, какой еще мир не видывал, которая, быть может, положила конец предыдущему циклу, связующему между галактическими эрами, записав программу Истинно чужого... В сретении неба и земли, в переплетениях фикуса он ревет и стонет как камень заветный, брошенный наотмашь прямо в сердце малыша с жилами, исколотыми колючей проволокой... Он – человек-медведь, благословенный шерстистыми пауками, под восхищенными взглядами дев-бромелий, стыдливых и нежнейших орхидей, вдохновленный взглядами пышных и великолепных

страстоцветов в муслиновых и шелковых платьях балльных, собирается на войну, заучивая великую клятву древесного ориллы. Кто осудит и приговорит к последнему сроку на глазах эры жестокой, громыхающей строем во главе когорты, влекущей ноги с цепями кандалными, с подошвами, иссеченными долинной битвой? Все знают и помнят, как волок на ремнях корыто с имперским народом, шагающим по шахтам и просекам к известковым лучам глиняного солнца. Когда перхающие и харкающие кровью камни видели твоего беспримерный, подвиг по спасению Зоны жизни и смерти, по обточке и формированию невиданной и небывалой, черной броневой башни, не имеющей ни начала, ни конца, ни середины, ни края? Когда облаянный нещадно и густо февральскими овчарками, вьюжными, одинокий как перст, бежал он на вышки стрекальные, чтобы оборонять страну Уку-филина и Кояна окаянного от зулонов, зуленей, джумуров, зугиен проклятых, от магии Джуягура с медными когтями и глазами лютыми, с животом пучинной и неизбывной боли? По приказу золотых очков, рвущихся с цепей арматурных, бункерных, он бежал, бродил и бредил. Колобродил в туманах века, в хитросплетениях мускусных генералов и шерстистых стратегов термитной империи, пытаясь понять тайну нефритового камня со знаками Инь-Ян и лицом поющей и плачущей женщины, с шафранной, шелковой оранжереей, которую не пройти и не прожить.

И напуганный всем этим, все еще простирая во сне тростниковые, щебечущие пальцы к лунатической, отрешенной, витающей Майе, потонувшей в волнах дивной волчьей музыки, гортанной, горловой мелодии, восставшей среди ночи черносиреневыми каскадами истовой мольбы к Тангаре, богу неба, к *Ие*, который еще в прошлом цикле забыл про эту грешную землю, ты всхлипнул, как ребенок, ты зашевелился в гнезде Ориллы, ища то ли спички, то ли лампу керосиновую, то ли нотную тетрадь, приготовленную Апке. И никак не мог понять, где ты находишься: то ли крючишься в три погибели в бункере сыром, ожидая приказа стрекальных призраков, то ли маешься в ночной мотыльковой камерке, изъеденный тучей слов-термитов. Слов всеядных, распотрошивших в клочья, прах и пепел не только стол, писаницу, стопу снулых бумаг, ветхих, но и всю историю людей, без того уже изгрызенную учеными – крысиными критиками. Или ты безвозвратно заблудился в подземном лабиринте войсковых складов, брошенных военными еще до эры драконов и облюбованных общиной детей-мутантов? Или ты все еще бродишь в бескрайних, снежных тростниковых зарослях, то ли удирая от невероятной женщины-луны, то ли сломя голову стремясь к ее стопам-лотосам, замороженный магией и бредом тучных зарослей, бегущих без оглядки сквозь завалы времени? А может быть, ты все еще ищешь тропу обратно домой, заблудившись в окаянных, снежных хребтах, искривленных и изборожденных надрывным, волчьим воем, бесконечно одиноким и голодным? В волчьих горах ледяных, поставленных по стойке смирно воем волкопсов лютых, лунных, может быть, все еще ты бродишь, охотясь то ли на призраков, то ли на сурков ленных. Ленивцев шерстистых, необоримых в спячке, упорно в бездонной дреме пучинной, переживающих в долгой спячке все напасти века, все бури и тленные тщеты существ прихотливых, дюже хитрых. Особенно человека. В этой охоте, чаще всего бесплодной, саднящей сердце, даже когда в руках оказывалась добыча – жирный зимний сурок с кротким ликом и перистыми глазами коровы Майи, ты каялся и думал, зачем

все это? К чему все это, и чем оправдать убийства существ весьма скромных, безобидных и безропотных, ниже травы и тише воды обретающихся с начала века? Только тем, что должны выжить именно мы – отпрыски женщины-волчицы, густопсовыи твари двуногие, заросшие по уши нервной тканью, изнемогающие от воя желудка, ненасытной алчной утробы? Полмира с тех пор провалилось во тьму тьмущую, аки пасть Цербера окаянного. А мы все еще бродим по свету, бредим и колобродим все с теми же вопросами неразрешимыми, вечными. В чем вина несметных кротких созданий с жиром сочным и нежной кожей, баловней природы, обретающихся рядом с нами то под слоем глины, то в дупле дуба или в роще инжира или в камышах, а то в тугаях серебристой ивы? Не был доволен ты собой и раздумывал часто: не бросить ли все эти затеи тороватой утробы, не удалиться ли тебе в горы, в пещеру, на худой конец в лесной домик, брошенный хозяином? Уйти, чтобы не вернуться, забыться в позе со скрещенными ногами, дышать в ритме пранаямы, таять в пустоте, у которой нет ни названия, ни начала, ни середины, ни конца, ни края. Чтобы вернуться на родину изначальную, откуда все мы родом, все существа, просеянные и навеянные калачакрой этой эры. С глазами, кишашими окаянными вопросами, невероятными желаниями лютыми, ты приходил, садился, дышал. Ты погружался и находил самого себя, неизменного, неутоленного, жаждущего мести, черного от воспаленной совести и неоплаченного по счетам долга. И с тем же вставал, уходил, отравленный горечью, провожаемый печальным свистом сурков, куниц, горностаев, уханьем и оханьем осенних сов и филинов, ставших свидетелями твоего поражения в очередной битве с внутренним врагом, самим собой, изнемогающим от шепота Истинно чужого. И тащился ты обратно в город, шатался, шастал среди пивных ларьков, по желтым кварталам скитался, с цветными зрачками наркоты-хренотени катался по садам и огородам баб шальных, ушных, с махровыми тенями под испитыми очами. Выпивох, кондовых, башляющих и ставящих на кон по три бабла за мужика, кондового Сыча, забубенного пропойцы, партнера и испытанного кулачного воина. Сколько раз так было?..

В гнезде ориллы утопал, бродил и бредил ты. Тянулся к пределу, молил и маялся, просил и плакал, стонал безутешно: «Хлеба мне, ради бога, хлеба, махонький кусочек печного, пахучего, пряного хлеба! Ломоть ничтожный ржаного поля, родимого, политого сизыми кукушкиными слезами, словами льняной Майи, осыпающейся тычинками и пестиками муссонных мгновений. Хлеба незабвенного, деревенского детства мне дайте, милосердного бога ради!»

Тебе не поверили, одернули жестко, ушатом воды ледяной, шрапнелью остудили. Атеисты просветили, с маху поставили на место, затем осудили сурово и во лжи обличили: «Никакого голода не было, забудьте про это! Утешьтесь вестью, сим и успокойтесь! Вот вам будущее, отмеренное щедро безмерным, несметным гипсовым полем. Да еще известковые лучи, охристое солнце, вылепленное на славу, изваянные из гипса сытые дети, крестьяне и крестьянки с широкими, спелыми лицами, и кумачовое счастье, широкое, предельное, пылающее идеями от зари до заката. Приснилось вам проклятое феодальное прошлое, чумные, неистовые, волчьи сны вас одолели. Грезы густых, шерстистых верблюдов, дромадеров поlynных, изъеденных солью и ветрами источенных, вам приснились... Все же мнится тебе гул пробуж-

денной тверди, барабанно-копытная дробь, брызжащая искрами вулканическими Рораймы древней, кремнистой тверди... Потому зову Тембелькока, кувыркаюсь средь листьев и стеблей джугары, поющей буйную запредельную песню свободы. В теснине ухающей и ахающей, катающей шары шипящей надтреснутой горловой расщелины теряюсь, истончаюсь нитью кобыза. В волнах перекасти-поля, дышащего осенним, ненастным вечером, овевающим взглядом необъятным осеннего стога теряюсь и забываюсь. Тону и забываюсь печалью смурного, сизо-черного истукана, ворона, Старого и вечно одинокого, кишащего метелями и буранами собачьей окаянной зоны. «Тембелькок, Тайбурыл мой, заветный! Ай да тулпар, гулливый, заблудший, пьяный, в толчее чеканного галона летящий! Медным аллюром, серебристой рысью озаренный танцем среди дев упоенных, брамелий и страстоцветов, с глазами неизбывной пучинной боли, с губами-розами, лепестками-ресницами, целующими ветер!». Так скакал, неся вихрем Тембелькок, опрокидывая скалы, города и годы, бурля пыльным шлейфом, дробя в щебень кремнистые косогоры, в пыль обращая хребты и выси, на зов сердца моего звездой летя с небесных, крутых склонов истинной силы. «Коке, где ты? Коке, я слышу тебя! Коке, не уходи, я вижу тебя!.. Коке, мы всего лишь птицы, пенно-белые, перистые со свистом в крыльях, беспечальные мы свиристели. Коке, давай вспорхнем, полетим над лугом тем бархатным, ресничным щебечущим Дома моего. Над влюбленным, последним, несметным, глядящим в небо, поющим, божеским, отчим. Коке, всего лишь птицы мы, вольные, белые чибисы, спующие в волнах времени».

Никому не поверил ты, особенно шепоту этому, густо-расслоенному, витающему тучей шороха. Измаялся ты, укачанный муссоном и ветром в гнезде ориллы, убаяканный баньяном мохнатым, мшистым, с пещерами-дуплами разверстыми, обвитыми лианами и золотистым фикусом, обильно украшенным вьющимися стеблями, раскидистыми соцветьями брамелий. Джупиры реяли тучей черно-коричневой, хлопотной, веяли крыльями, звали в полет кружевной над лесом, скалами зубчатыми, рядом со стенами отвесными башен сверкающих, уходящих прямо в небо. Не поверил ты также крику оголтелому джумуров и джубезьян, разгневанных захватом родного гнезда, свитого меланхолично одиноким печальным Ориллой.

То ли проснулся ты не в том веке и не в том месте, то ли был брошен в сон другой, последний или предыдущий. Нет, не в кровати кондовой бабы среди барачных стен ты находился, не в плену ясеней и карагачей среди разросшейся рощи. А пребывал, обретался в плетеном гнезде между небом и землей. На великом дереве, готовящемся к цветению небывалому, случающемуся раз в сто лет. Ничему ты не верил, а просто лежал в ивовой колыбели, покоился тихо и ждал своего срока.

Лунная, бездонная, сокровенная тишина объяла лес, проникла глубоко в твое сердце, и ты улыбнулся, потянулся через парту, поболтал ножками беззаботной университетской переменки и сказал капризно: «Аю-ай!» Женщина-луна склонилась над тобой, одарила дитя свое безмерным взглядом неизбывной любви, и ты засмеялся счастью своему, протянул гипсовые ручонки, сказал: «Хлеба мне, дай мне хлеба кусочек махонький, господа бога ради!» И тотчас соцветия хлебного дерева, окутанные млечным, призрачным шлейфом, дрогнули, словно от порыва ветра, они закачались, запели тонкими голосами ночных блаженных джумуров,

зовущих друг друга медово-протяжными руладами. Ночной, смутно-задумчивый Орилла, возвращающийся после лунатического похода к апельсиновому дереву, замер, повис на ветке, ухватившись за лиану своими сильными и длинными руками. И немудрено было дивиться, ибо из каждой лазоревой цветочной чашечки выплывали мерцающие сгустки зелено-желтого света, этакие крохотные пульсирующие огоньки. Их становилось все больше и больше, неисчислимыми миллионами искорок вылетали, выпархивали век дремавшие в древесине светосвиристели и светожурчалки, светоплескалки. Некоторые из них выглядели точками изумрудного свечения, другие были похожи на стержни с крылышками, но больше было созданий, напоминающих то ли сдвоенные лепестки, то ли малюсеньких мотыльков, озаренных мигающим внутренним жаром. Вскоре лесная чаща украсилась волшебным неземным свечением, живым, трепетным, кружащим феерическим облаком. И вся лесная глубина, каждое дерево сделались неузнаваемыми, они выглядели так, словно были изваяны из молчаливой, древней, мшисто-махровой тайны. А светляки поднимались все выше и выше, в упоенном хороводе они лили на поникшую траву, листву невыразимый бриллиантовый звон духовного восхищения-вознесения к невидимым небесам. Вскоре стало очевидно, что вся джугара поет, тянется вверх стебельками, листьями, метелками, стволами, ветками, на глазах растет: вслед за струями света и пения движется туда, где в вышине из ниспадающей облезлой волчьей шкуры выпростался, освобождался ослепительный световой торс женщины-луны. Весь мир смотрел на диво преобразования, очаровывался, вовлекался в кружение карминового света, цепенел и осыпался в том неописуемом малиновом звоне, омывающем душу леса. Безмолвие чаш, молчание тростниковых зарослей, бесконечная любовь, струящаяся из глаз женщины-луны, качнули ножки трепета в твоей душе, и ты улыбнулся, поняв, что никогда и нигде кроме света в этом и другом мире не существовало. И ты прошептал с запоздалым раскаянием: «Хлеба всем, ради бога, хлеба и мира, каждому по кусочку».

Чистейший, переливающийся хрусталем звон светожурчалок и светоплескалок звучал отдаленным детским смехом, беззаботным весельем беспечных детишек, играющих на цветущем лугу. Мальчиков и девочек, кувыркающихся на радужном травостое, плывущем синими волнами ранних ирисов. И деревья-великаны зачарованно смотрели на игру светлячков, вздымающихся все выше и выше к яркой лучистой колонне, растущей над лесом. Несся этот переливчатый смех не в глубину леса, а в недра души, и все вокруг затаенно улыбалось, озаренное весельем джугарных малышей, витающих и кувыркающихся в золотисто-зеленом воздухе.

И тогда ты встал с гнезда ориллы, подчиняясь ее зову, шагнул к краю переплетения, остановился над пропастью, заволоченной движением кишашего света и мелодично вибрирующих нитей и стержней. Бездна была между тобой и Той, которая все знает, которая смотрела на тебя с любовью, и ее взгляд влек с неодолимой силой. И вдруг перед глазами вспыхнуло далекое невероятное видение, ворвавшееся в твое сердце как бы из другого цикла другой галактики. Ты был тогда молодым йогом, успешно подвизался в трудных практиках на склонах высоченных снежных гор, обильно поросших хвойным лесом. После месячной практики пранаямы ты достиг невыразимого и глубочайшего самадхи, блаженства, глубина которого была непередаваема. Все вокруг тебя полыхнуло ало-оранжевым

светом, и все твоё существо моментально загорелось снопом благоухающего озарения. В этом звенящем пламени и осязаемой левитации ты открыл глаза и сразу увидел её, дакиню, фею и вспомнил, что всегда знал её по особым снам, которые называл райскими, нирваническими. Это удивительное существо – воплощение самой красоты, тончайшей, духовной прелести, состояло из лучистого света, необыкновенно приятного, источающего непередаваемый аромат. Четыре крыла попарно с обеих сторон спины трепетали, навевая истому, осыпая молекулами твоё тело. Ещё более глубокий с неопишуемой синевой взгляд излучал бездонную силу и прозрачность. Это была дакиня, фея, подруга по небесным садам и долгим полетам, и ты поразился тому, что забыл её, что так долго – целую вечность не помнил её. Как это могло случиться? Она улыбалась и поощряла взглядом твоё самадхи, говоря без слов, силой мысли, что ты можешь видеть меня ровно столько, сколько продлится твоё восхищение в йоге.

А теперь ты узнал её взгляд ещё потому, что эти же самые искорки нежности и чистоты видел когда-то в глазах Апке, потом – женщины-волчицы, женщины-оленихи, девушки-воительницы из имперской башни, серой летуни – подруги плащеносца. Неужели она – небесная подруга все время была с тобой рядом, а ты просто не видел этого, не узнавал её? А когда вдруг обнаружил себя в древесной пещере, уютном гроте – убежище летунов-плащеносцев, ты несколько не удивился этому. Вы были высоко над землей, над лесом, заколдованным оранжевым наваждением светляков, все ещё хороводящих вокруг озаренного ореолом дерева. Вознесены над томлением и смутой бесчисленных джугарных существ, спящих кто где, больше в норах и расщелинах, и даже во сне убегающих от атак хищников. Ты и она вместе в гроте, оберегаемые листьями золотистого фикуса, сливающиеся взглядами под малиновый перелив светожурчалок, божественную ораторию несметного хора цикад, кузнечиков и сверчков, давших клятву дакини сыграть сегодня лучшую симфонию жизни. «Это ты? Где ты была так долго?» – спросил ты взглядом, обмирая душой. «Это ты? Почему ты не видел меня?» – спросила она зрачками-озерами синего мрака. И далее не нужно было никаких слов, чтобы понять друг друга после бездны лет разлуки, коловращения событий, отдалявших и отчуждавших вас. Только беспредельная чистота и сила любви могла соединить вас, чтобы вы могли стать одним существом, звенящим крылами в упоении единения и обретения потерянного. В эту минуту все, что тревожило, смущало, а то и обуревало тебя в прошлом мутью и страхом, вечной гонкой за призраками, тотчас исчезло, как туман. Нежность прошла через вас медленной молнией, сердца слились, и тотчас со всех сторон тысячи светожурчалок, светоплескалок, светосвиристелей полетели к вам, брызгая на вас благоуханной пылью проникающего счастья. И чем больше росла пыльца сугробами нектара, тем глубже становились глаза феи, тем осязаемей упоительная зыбь, растворяющая душу в неопишуемом рахате. Вдруг ты понял, что всегда был просто ступком света, и рассмеялся смехом малыша незабвенного, лугового, перепелиного, и джугара со вздохом отпустила тебя.

* * *

Тьма исчезла, она взорвалась с первыми лучами солнца. И утром ты ясно понял, что перепончатопалый глазастый Наш дом, малыш, смеющийся серебристым ветром, лопочущий дождевым листопадом, щебечущий стаей летящих чибисов,

стоеросовый кургузый ушастик навсегда остался с тобой. В эту ночь он возник из ниоткуда, приник к твоей груди, глядя тебе в душу своими огромными, смородинами сверкающими глазищами и остался с тобой. Он, влюбленный в джугабровый орех, удивительно доверчивый, наивный малец, побывавший на руках небесной феи, запомнивший ее взгляд и лунные слова, каким-то образом обосновался в твоей груди где-то под сердцем. Время от времени он давал себя знать то журчащим смехом, то капризным хныканьем, то зеленым кукурузным плачем. Ты с удивлением прислушивался к себе, пытаясь понять тайну этого нового преобразования своей сущности. Эта ночь что-то с тобой сделала, она промыла омуты твоей души и одарила чем-то необъяснимым, легким, порхающим и почему-то сильным. Что это за дар джугары?

Ты стоял на развилке двух ветвей огромного баньяна. Одна ветвь отходила радиально от основного ствола материнского растения и почти касалась соседнего хлебного дерева. Там кто-то стоял и из-под ладони пристально смотрел на тебя, он был сутулый, смурной, сомневающийся. И ты улыбнулся. Это был не дядя Ваня, ругательный бомж, ревнующий свой мусорный контейнер к каждой собаке, а Орилла, вернувшийся домой.

Тучно-зеленый, парной, отдохнувший лес бесконечными купами и шатрами простирался вдаль. Он шумел, порывался за горизонт, ему было невтерпез, он хотел завоевать все пространство, все степи и пустыни, заселить все развалины. Он томился, требовал, касался щупальцами своей силы твоей груди. И ты понял, что он хотел от тебя – помощи. И ты поразился его богатству. Его воины – стометровые деревья, неодолимые лианы и другие паразитические растения, бессмертные семена и споры, сеятели – животные и птицы, санитары – армии насекомых. Но самые главные его легионы скрыты под землей – это корни и грибки. А непобедимая и испытанная разведка – вирусы и бактерии. Многоликая джугара простиралась перед тобой, полыхая идеями от горизонта до горизонта, гремела зеленой силой, лоснилась, лучилась живым золотом и серебром, орала и лопотала голосами джумуров и джубезьян, она звала то солнце, то муссонные тучи. Она хотела властвовать еще миллионы лет на лице этой планеты. И ты, удивленный, спросил себя, глядя на эту неодолимую пространственную мощь: «Поражение это человека или великая победа природы и ее новое рождение?» Ярко украшенные с длинными перьями райские зугаи и туканы с длинными носами летели по диагонали над лесом. И вдруг их глазами ты узрел медленный разворот курчавого необъятного туловища джугарной чащи, поразился новому восприятию и улыбнулся от души. Ай да Наш дом! Затем его же слухом ты услышал пение деревьев, оно звучало в другом диапазоне, конечно же, неразличимом для обычного человеческого уха. Гораздо ниже уровня инфразвука издавали протяжный мелодичный рев лесные великаны – джугабры, баньяны, на этом же регистре, только ощутимо нежнее, перекликались инжиры и фиги. Шквальными воплями обменивались хлебные и колбасные деревья, увешанные огромными сочными плодами. Нечто похожее на пение кобыза издавали рощи бамбука, качаясь на ветру, играя длинными зелено-серебристыми листьями, они издавали свой темный надрывный плач, хватающий за душу. И что так мучило эти сильные, неодолимо гибкие растения? Изящные акации пели женскими хоровыми капеллами. Они были уверены в себе, в своей дружбе, а также в жизнестойкости – их защищали длинные острые иглы. Старые раскидистые, неохватные зуобабы издавали рыкающие рулады, похожие то на

рокот падающего ручья, то на рык ветра в каменистых расщелинах. Это была подлинная горловая песня природы, голос тысячелетий, ревущий в пещерах, гротах и дуплах, катающий в горле времени колючие шары мгновений. Сифонили высоким поднебесным гобоем пальмы, их звуки были наиболее выразительными и брали за душу какой-то неуловимо чистой, женской ноткой. Со змеиным шорохом ползли лианы, гундосили и гуторили меж собой хвощи и папоротники, они жаловались на то, что из растений они были самыми древними существами, но их не ценили и они все время оставались в тени. Впрочем, тень они любили, как и грибы, которые перекликались странными, неземными свистящими голосами. Голоса трав создавали постоянный звуковой фон, подобный шуму прибоя на берегу океана. Это был то ровный, то прерывистый, то накатывающийся гул, хорошо передающий структуру ветра в реальном времени. Этот живой, постоянный звуковой лик леса поразил тебя, оказывается, все время, в любую минуту вокруг тебя гремела то бурей, то раскатывалась потоком, то расстилалась шелком симфония, самая захватывающая из всех. Самая драматическая, ибо она отражала борьбу жизни и смерти, напряжение всех существ на особом, сокровенном диапазоне, скрытом от восприятия человека.

Ты прислушивался, вникал, осознавал. Жизнь открылась тебе с новой и неожиданной стороны. Голоса растений обнажили прежде скрытую глубину, где жидились отношения деревьев и трав. Они тоже любили жизнь, особенно свет, тянулись к их теплым питательным волокнам, оранжевым перстям солнца, величайшего отца и одновременно матери, совершенного существа, дарящего силу и ничего не требующего взамен. Они любили золотые нити светила и хотели раскрыться во всей красе расцвета – это было главное желание деревьев и трав. Они тоже часто болели, погибали, между ними шла борьба за место под солнцем, но они не знали ни зла, ни жестокости, ни чрезмерности, ибо были плодотворением. Поняв это, ты открыл для себя и иное. Деревья и травы, а также все животные были только ликами единой жизни, солнцеворота, обретающегося в постоянном движении от корней к верхушкам миллиардами световых сгустков. Ты улыбнулся, поняв кое-что. Всюду жизнью был именно свет, и только свет, он струился, прорастал, осыпался, обретал плоть и душу, непрерывно усложнялся, меняя формы, чтобы стать человеком. Как просто быть на миру, поняв, что ты часть солнца, плоть от плоти, даже душа твоя – это просто тончайший свет. А когда ты осознал это, природа показала тебе еще кое-что – увиденные световые сгустки и нити сливались над лесом в мощные вертящиеся столбы, вершины которых терялись в недостижимой выси. Повсюду над землей стояли, качались, вращались, двигаясь вверх, вихри зелено-золотистого света.

Не имеющее ни начала, ни конца движение сущностного света потоком струилось и полыхало и над землей, и в почве, и в воде, и в гранитах, и в слоях воздуха. Глазами малыша – Нашего дома ты видел оранжево поющие, звучащие нити солнца, самые тонкие и сокровенные из которых болтали ножками прямо в твоём сердце, и с этим ничего нельзя было поделать. Ты существовал, потому что было солнце, причиной твоего бытия был свет, особый, невидимый. Не нужно было теперь мудрить, ломать голову над загадками творения, твоего собственного существования. Будь в потоках солнца просто светосвиристелью, на худой конец – светоплескалкой или светожурчалкой. А смерть – это просто трансформация. И ты улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой сорванца, попавшего впервые

на кукурузное поле и обалдевшего от бескрайней мощи жизни. Ты раскинул руки, от души обнимая этот мир, подаривший тебе откровение. Ты рассмеялся, потому что ощутил, что ты часть малинового звона и журчания светляков, возвращающихся в океан света. Твой собственный огонек в груди плескался неудержимо и свиристал, заливаясь пеночкой над густым, щедрым, спелым полем.

Усталый Орилла, утомленный ночным походом и жарким свиданием, тихо и неспешно возвращался в свое гнездо. Ленивец медленно перебирал лапами, на ходу окунаясь в темноту сна. Он прополз мимо тебя, никак не отреагировав на твое близкое пребывание. Он был матерый, теплый, шерстистый, густопсовый, а еще – донельзя меланхоличный и сумрачный. Ты улыбнулся, поняв его. В прошлой жизни ленивец был волком, все время носился по степям и косогорам, дрался, грызся, алкал. От волчьей, собачьей озленной жизни устало не его тело, а существо. Поэтому эта сонная жизнь была для него просто подарком.

– Спасибо, друг, – сказал ты ему прямо в мозг бесплотными словами и без колебаний пошел к краю длинной ветви. Отряхнул плащ от росы и прыгнул в пропасть.

Солнце было уже в силе, оно ярилось в высоте, поэтому ты быстро нашел восходящий поток достаточной мощи, который необъятным вихрем закручивался над желтой песчаной поляной. Поднимаясь на нужную высоту, нужно было как следует поработать крыльями. Хлопая полотнищами, ты долго настраивал силиконовые нити, радиально идущие от продольной, упругой планки, протянувшейся вдоль позвоночника к краям плаща и к рулевому вееру между ног. Вскоре ИК взял на себя управление всем сложным и чутким механизмом силиконово-кевларового полотнища. Сложнейшая паутина нитей и жгутов ритмично завибрировала, подчиняясь импульсам кибернетического нервного центра. Еще несколько сильных взмахов, и ты вошел в основную струю восходящего согретого воздушного потока. Через минут десять ты был уже на километровой высоте. С этой движущейся точки ты начал планировать в восточном направлении, все время переходя с одного теплового вихря на другой. Так, минимально тратя мускульную энергию, ты быстро продвигался в воздушном океане.

Подобно гигантскому кондору, распластанному в поднебесье, ты плыл в тепловых течениях, а внимание было направлено вниз. С высоты птичьего полета недра джугары читались как страницы открытой книги. От горизонта до горизонта, от восточных хребтов до западных нагорий вся земля была покрыта буйным джугарным половодьем. В сторону остатков города, туда, где упрямо и гордо высились цветные утесы мегабашен, под кронами и завесами деревьев медленно продвигались стада зулонов, зубров, бизонов, кабанов. С дерева на дерево перелетали стаи джубезьян, участвуя в общем кочевье. Даже твои друзья – черные джупиры роились и копошились в воздухе копотными тучами, летя все-таки к окраинам острова № 5. С этой огромной высоты, охватывая взглядом все видимое пространство, ты различал нечто общее в движении джугарных животных. Эти несметные стаи мощных и неукротимых тварей явно держали путь к какому-то острову. Но к какому? Неужели к пятому? Следовательно, готовится очередной шторм. Тебе надо еще до атаки успеть вернуться на остров, где под защитой голографического экрана укрываются твои друзья и подопечные. Атаку, конечно, тебе не остановить, но спасти своих людей и мутантов ты еще можешь.

Какая-то неосознанная сила импульсами подталкивала тебя лететь все дальше на восток. Через несколько часов непрерывного полета ты заметил в туманной дали пластающийся, льющщийся блеск. Это была река, полноводная, широкая, величественная, с густо заросшими берегами. Она была, пожалуй, раза в три больше прежней Или. Ее западный берег был полностью во власти непроходимых джунглей. Заросли незнакомых тебе водных растений далеко заходили в разливы, образуя нечто вроде мангровых лесков. Но зато за рекой другой пологий берег радовал глаза открытыми, обширными степными просторами, перемежающимися рощами и небольшими лощинными колками. Ты широко вздохнул всей грудью. Вот что тебе нужно было – земля, свободная для солнца и ветра, широкая травянистая саванна. Все-таки ты природный сын степи. С усилием работая крыльями – над водным потоком тепловых воздушных течений не было – ты перелетел через мутную гладь необычайно полноводной, мощной реки. Начал снижение.

Ты ликовал. Да, джунгли восхищали тебя буйством форм и цвета, необычайным разнообразием жизни. Но ты любил солнце, сухой пыльный воздух, картины льющихся плавных долин, зреющих травами под щедрым светилом. Только теперь ты понял, насколько был подсознательно привязан к обнаженной шире земли, пусть пустынной – но всегда приятной душе отпрыска номадов.

По отлогим склонам обширных балок передвигались многочисленные табуны тарпанов, серых куланов, диких верблюдов. Вся степь между рощами ярко-зеленой акации была усыпана стадами коров и буйволов, сайгаков и джейранов. Высокая, тучная, не знающая, что такое коса, трава достигала холки тарпанов. Зрелый, богатый травостой лоснился под летним солнцем, играл под ветром, переливался живым, сочным золотом. О, эта долина была просто восхитительным зрелищем.

И уже на земле, став твердо обеими ногами на почву, как следует отдышавшись, ты смог по достоинству оценить красоту этой лесостепи. Невысокие холмы, там и сям украшенные живописными рощами и кустарниками, были как бы затоплены рослой, пестрой травой, серебристо-трепетной, с ярко-желтыми, луговыми разливами. Эта трава выразительно говорила о питательной силе этой земли, видимо, богатой родниками и ручьями. Порывистый ветер, пряный, щедрый, гнал широкие травяные валы с синевато-зеленым или сиреневым отливом. Небольшие спонтанные вихри то и дело закручивали свои буруны, как бы заплетая заросли. От этого непрерывного, волнообразного движения густой травы цветущая степь напоминала бескрайнее море, испещренное рябью. Живой цветовой простор, играющий всеми оттенками сине-зеленых и золотых красок и плещущий пенной, вдохновенной силой. Словно каменистые острова, выступали гребни холмов, на скалистых выступах которых одинокими и суровыми стражами сидели нахохленные орлы и грифы. Быть может, им не понравилось появление большого брата – джугарного кондора?

Однако нелюдимый вид орлов и грифов несколько не смутил тебя. Эта равнина с ее пышным разнотравьем и плавным изгибом холмов все больше нравилась тебе. Она, как лик красивой девы, без всякого спроса врывается в душу то порывами пахучего, терпкого ветра, то необъятностью чистого синего неба, то прелестью серебристо-золотого колыхания зарослей. Ты забрался на небольшой холм, уселся на скалистый выступ и принялся наблюдать.

В этой бескрайней благодати привольно чувствовали себя благородные тарпаны и упитанные куланы с тугими загривками и крепкими жилистыми ногами. Ты невольно залюбовался цветущим видом крутобоких коней и диких ослов. Надменно подняв головы, верблюды озирали степные дали. Несметные стада антилоп спокойно бродили в высокой траве, их темные спины мелькали в чаще травы. Понаблюдав за поведением вожаков тарпанов и куланов, ты понял, что и эта благословенная земля не обделена своими хищниками. Скорее всего, за стадами и табунами крадутся волки, а то и тигры. Кто знает, быть может, здесь в зарослях тростника водятся и полосатые зулигры, охотники на буйволов и лошадей? С какими зубастыми разбойниками и мародерами предстоит здесь столкнуться небольшой человеческой общине, решившей обжиться на восточном берегу реки?

Ветер усиливался. Закутавшись в плащ, ты продолжал наблюдения, думал, примечал. Если острову суждено погибнуть, людей и мутантов придется увести сюда, на этот берег реки. Для переправы необходимо будет соорудить плот. Поход через лес и переправа займут не одну неделю. Не все, конечно, дойдут до этой цветущей палестины. Но те, которые доберутся до этого берега, конечно, оценят твой выбор – красоту, богатство, пригожесть этой земли, на которой можно будет потом прирастать выжившим людям. Скорее всего, гиенодоны здесь еще не появились, а джюягур тоже неизвестен обитателям лесостепи. Сухой воздух полезен для здоровья, москитов отгонит дым костра. Можно будет начать с приручения тарпанов и диких собак. Если понадобится, община построит укрепленный форт.

Хлесткие удары градом посыпались на плащ. Ты пригнулся к скале, напряженно вглядываясь в заросли слоновой травы. Так и есть – аборигены! На земле у твоих ног лежала горстка длинных стрел с обсидиановыми наконечниками. Тебя атаковали люди – воины степи. Их оружие было не опасно для тебя. Однако судьба могла преподнести и другие сюрпризы. Несколько минут прошли в ожидании, затем из колышущихся зарослей вышла группа невысоких смуглых мужчин с луками и короткими копьями в руках. Одеты были они в грубые кожаные куртки и штаны, сшитые бечевой. На ногах что-то вроде мокасинов. Волосы воинов, сплетенные в косички, болтающиеся по обоим вискам, блестели от масла.

Воины подошли к подножию холма и дружно опустили на колени. Они простерлись ниц. Затем старший из них, седовласый, грузный, выпрямился, по-прежнему сидя на коленях. Пронзительные черные глаза вождя нашли тебя.

– Большой орел, великий брат-летун да простит нас. Мы приняли тебя за лесного духа-дьявола, прилетевшего из адских дебрей. Но ты – поистине Большой орел. Наши заговоренные стрелы оказались бессильными против твоей мощи, великий брат. Мы надеемся на твою великодушие.

Пожилой воин говорил на диалекте древнего степного наречия, знакомого тебе по архивным файлам твоего ИК. Словарь и синтаксис этого языка мгновенно пронеслись по нейронным цепям твоего мозга. Ты выпрямился в полный рост, скрестил руки на груди и сказал громко:

– Большой орел не обижается на вас, доблестных охотников. Он долго летел, изучая ваш мир. Большой брат устал, жаждет отдыха и знаков внимания со стороны младших братьев.

Твоя речь, произнесенная на том же диалекте, озвученная твердо, внушительно, произвела на степных воинов большое впечатление. Вождь повернулся к своим людям, хлопнул в ладони и отрывисто скомандовал что-то. Тотчас молодые муж-

чины вскочили и побежали в заросли. Вскоре они вернулись с группой таких же смуглых невысоких женщин. Те сноровисто принялись устанавливать шалаши из жердей, палок и шкур. Мужчины разожгли костер, соорудили перекладину и принялись поджаривать тушу только что ободранной овцы. Стараясь ступать неспешно, подчеркивая силу шагов, ты спустился с холма. Вождь явно робел перед тобой. Он сопровождал тебя, склонив голову и искоса бросая на соплеменников грозные взгляды. У самого большого шалаша ты сел на расстеленные шкуры с прямой спиной, скрестив по-турецки ноги. Воины переглянулись. Женщины зачарованно уставились на тебя, откровенно разглядывая матово-черную, узорчатую ткань плаща, обнимающего твое тело. Одна из женщин постарше, опустив голову, стараясь не смотреть тебе в лицо, с поклоном поднесла большую деревянную чашу. В ней плескался белый напиток с едва уловимым терпким ароматом. «Молоко тарпанов – кумыс», – пронеслось в голове. Значит, они уже приручили диких лошадей. Ты выпил кумыс, необыкновенно вкусный, ароматный, одним духом, не отрывая губ от чаши, и это очень понравилось кочевникам. Их глаза заметно потептели – они почувствовали в тебе своего, их мистический страх перед человеком-летуном, явившимся с той жуткой стороны реки, начал таять. Смягчилось и жесткое, скованное внутренней напряженностью лицо вождя. Он вновь властно хлопнул в ладони. Та же женщина подошла с новой чашей кумыса. И опять она была легко опорожнена. Мужчины повеселели. Они сняли с перекладки испеченную овечью тушу и принялись ловко кромсать мясо обсидиановыми ножами прямо на замасленную бычью кожу. И этот обычай гостеприимства кочевников был знаком тебе по истории древней степи.

Ты брал мясо руками, ел неторопливо, обмакивая куски в рассоле. Одновременно внимательно наблюдал за людьми. По манере непринужденно сидеть и есть мясо так же, как они сами, кочевники, похоже, признали тебя за своего. Впрочем, тебе ничто не грозило. За трапезой, когда культ гостеприимства вступал в полную силу, степняки никогда, ни при каких обстоятельствах не допускали вероломства по отношению к гостю. И эти поздние кочевники были такими же, как их предки. Они основательно насыщались, запивая мясо кумысом, не забывая хвалить Большого брата, великого Орла, сделавшего им честь своим визитом, превозносили они также своего мудрого вождя. Все это было незыблемой традицией. Женщины обслуживали мужчин молча, без лишней суеты, они готовили себе трапезу в других шалашах, где весело возились и капризничали дети. Судя по всему, это был сплоченный, дружный коллектив степных людей, небольшой род, непонятно как выживший в бурное время джугарного катаклизма.

Ты молча выжидал. Насытился и вождь. Он громко рыгнул. Тотчас принесли чаши для омовения рук. Ополоснув рот и руки, вождь помолчал для приличия. Затем, решив, что все церемонии соблюдены, он вежливо спросил, откуда и куда направляется Большой орел.

Ты раздумывал в поисках слов. Вечерело. Кочевье, раскинувшее шатры и шалаши вокруг холма, затихало, готовясь к отдыху. Костры еще тлели. Во временных загонах возился скот: овцы, коровы, быки. Солнце опускалось к кромке леса за берегом неоглядной реки. Казалось, в этом мире ничего не произошло. Ты просто приехал на джайляу к далеким родичам и с каждой минутой все глубже погружаешься в идиллию степного мира. Действительно, кто ты и откуда, и куда направляешься? Знаешь ли это сам? Можешь ли сказать, сколько времени прошло

с тех пор, как некий журналист по заданию редакции выехал на стареньком уазике в горы в сторону полигона? И журналист ли он был на самом деле? Если верить редактору, то – агент специального отдела. И все, что с ним произошло, теперь кажется туманным и необычным сном, так что и журналист, и разведчик воспринимаются сейчас другими и далекими от тебя людьми. Потом ты вынырнул как бы из ничего, из темного пятна протяженностью в пятьдесят забытых лет, и оказалось, что тебя зовут Странник, Снежный воин. Но тебе нередко чудилось, что у тебя есть и другое имя, например, человек-сурикат. Затем тебя назвали рыцарь Ягур, а малые джупиры совсем недавно обращались к тебе так: Большой брат. Так кто ты на самом деле? И где твой дом? Эта ли планета? Ведь как-то тебе приснился сон, что на самом деле ты пришелец с другой галактики, и от твоей Родины здесь, на этом малом шаре, есть только один элемент – это твой звездолет, замаскированный под башню. Сможешь ли ты вернуться на Родину, если ты в Пути и не знаешь, где начало и где конец дороги? Слезы навернулись на твои глаза. Вождь ждал ответа на свой вопрос, и больше отмалчиваться было бы невежливо. Поэтому ты сказал:

– Большой орел кочует в поднебесье, как и вы, мои меньшие братья. Небо ему шатер, земля – одеяло, пока есть сила, он летит, куда велит великий Ие, когда он устает, он опускается и спит, вся степь для него – родное гнездо.

Ответ весьма понравился вождю. Он одобрительно хмыкнул, также понимающе засветились глаза воинов. Они приняли твои слова за истину.

Ты был один в шатре. В открытую прореху наверху заглядывали звезды. Это были те же звезды, их положение несколько не изменилось за тысячи лет. Тот же прохладный степной ветер ласкал твое лицо, осыпал тело молекулами, ненавязчиво уносил в страну дремы. Казалось бы, это тот же мир, но что-то в нем неуловимо другое, какой-то ускользающий штрих, намекающий на то, что ты где-то в инобытии. Где ты сейчас? Оказался на Земле, но в третичном периоде или в далеком будущем, в объятиях не процветания, а глобальной катастрофы цивилизации, потерявшей почти все. Одно ясно – это то, что ты никак не можешь найти дорогу домой.

Кочевники, укрепив изгородь вокруг скота сетью из толстых веревок, укладывались спать. Лишь караульные расхаживали в темноте, изредка подбрасывая в тлеющие костры сухой кизяк.

Ты лежал на мягких шкурах, глядя на вход, закрытый пологом. У входа в шател лежал большой серый пес, сторожа твой отдых. Но ты хорошо знал, что это не собака кочевников. Они ее даже не заметили. Это была лесная волчица, Она. В зеленых, лунных глазах волчицы роились искорки. Ее мерцающие зрачки излучали силу. Вдруг ты почувствовал, что этот долгий взгляд придавил тебя так, что ты не можешь даже пальцем шевельнуть. Искорки ярко вспыхнули, и ты услышал внутри своего мозга бесплотный голос:

– Ты же так мечтал увидеть жизнь твоих предков – кочевников. Даже пожить вместе с ними в их шатрах. Вот перед тобой община твоих пращуров. Если тебе нравится, ты можешь остаться здесь. Забудь о тех несчастных, что на острове. Останься здесь и будь счастлив, а я буду приходить к тебе по ночам. Останься. Но почему ты плачешь? Почему?

Волчица таяла, исчезала, как дымный призрак. Пологи распахнулись, и в шатер вбежал полуодетый человек. Это был вождь, напуганный, на грани смятения. Он упал на колени:

– Большой орел, беда! Враги напали на нас. Красные псы вышли на охоту. Они идут сюда, и их много. Это жестокий и сильный враг. Они выследили нас.

– Кто такие красные псы? – спросил ты, быстро одеваясь.

– Воины племени Кызыл ит вышли на тропу битвы. Они давно преследуют нас, серых волков, убивают мужчин и подростков, крадут наших женщин, забирают скот и еду. Нас осталось слишком мало, у нас недостаточно копий и стрел. Большой орел, помоги нам. Останови стрелы и ножи красных дьяволов! – вождь с мольбой смотрел на тебя, в его глазах кипело отчаяние. Он знал: гибель Серых волков близка, враги напали неожиданно, окружив стойбище.

– Вождь, я выступлю против твоих врагов. Я буду сражаться за женщин и детей Серых волков. Но за это великий вождь должен обещать, что примет моих людей в свой род, когда однажды Большой орел приведет их на эти земли.

– Твои люди могут ставить свои шатры рядом с нашими! – вождь прямо смотрел в твои глаза. Его зрачки не прыгали туда и сюда, не убегали от твоих зрачков. Некоторое время вы жестко и пристально смотрели друг другу в глаза. Договор состоялся.

Горстка воинов вывела тебя на вершину холма в километре от стойбища. Здесь гудел, свистел, змеился в траве ночной ветер. Камни были холодными и резали ладони, когда ты хватался за выступы скал. Ты включил экран пространственного обзора, настроил инфракрасное видение. И вскоре увидел красными пятнами крадущихся во тьме чужих воинов. Их было много, несколько сотен. Они со всех сторон окружили лагерь Серых волков. Еще несколько минут, и воздух взорвется ревом нападающих, визгом и стоном испуганных женщин и детей. Вождь вопрошающе взглянул на тебя. Ты жестом показал спутникам, чтобы они отошли от тебя в сторону. Вызвал волну внутреннего холода, вошел во тьму подсознания, послал мощный импульс в позвоночник. Послышался ощутимый хруст шейных позвонков, затем с треском начали раздвигаться кости предплечий – трансформировался весь скелет. На глазах пораженных людей ты превращался в чудовищного зверя – джюгура черных лесов. Когти неудержимо лезли из-под ногтей, челюсти вытягивались вперед, миллионы острых и терпких запахов хлынули в ноздри небывалого хищника – саблезуба с крутым хребтом и мощной грудью, в ярости бьющего по земле толстым хвостом. Преображение завершилось. Ты был властелином этой земли, великаном – хозяином леса, саванн, всех ее обитателей. Вся округность была помечена твоим пахучим мускусом. Но проклятые красные псы-гиенодоны посмели нарушить границы твоих владений. Они нагло вторглись в охотничьи угодья властелина, чтобы умыкнуть, отторгнуть его законную добычу. Но не это было причиной твоей ярости, хлынувшей в голову вулканической лавой, горячей, клокочущей, а голод. Неистовый многодневный голод свирепого хищника, завидевшего желанную добычу. Много теплого парного мяса и крови на немощных четырех ногах то ли буйвола, то ли бизона, или даже зулона с его большой тушей и жалкими бивнями. Ты выходишь на охоту, а враги пусть держатся подальше от твоей тропы. Пусть хихикающие гиены и воюющие шакалы запомнят эту охоту, ибо им ничего не достанется от стола властелина. И ты, выгнув хребет, разинув пасть, полную острыми зубами с клыками-саблями, что есть мочи рывкнул на всю степь. Шквальный грохот обрушился на ночные просторы, прокатившись жутким громом по луговинам, низинам, балкам, погнув деревья и кустарники и заставив дрогнуть замшелые скалы. Никогда еще эта

мирная степь не слышала такого неистового рыка. Казалось, земля разверзлась в светопреставлении, гранитные утесы разом рухнули с высоты и каменным обвалом неудержимо покатались вниз, дробясь на огромные осколки. Рычание тигра или даже зулигра рядом с этим ревом было бы разве что кошачьим мяуканьем. Бесновалось эхо, земля дрожала и исторгала глухой рокот, словно отпущенная струна гигантского кобыза. А затем началась небывалая паника и бегство всех тварей, слышавших этот колоссальной силы рык. Бесчисленные табуны тарпанов куланов, стада диких верблюдов, джейранов, сайгаков, оленей ринулись прочь, ища спасения в безумной скачке. От бешеной железной дробы несметных копыт разламывалась грудь степи. Среди этих толп животных неслись и кони Красных псов, сами вражеские воины бежали опрометью подалее от места, где на них разом неистово завопили миллионы дьяволов, рванув вверх и ударив по земле скалами.

Ночью прошел дождь, подарив земле и травам прохладу и освобождение от томительной сухости. Утром ты вышел из шатра, и, глядя на радужно сверкающую росой, заливающуюся птичьими голосами омытую степь, от души рассмеялся. Группа молодых женщин, доивших буйволиц, с улыбкой оглянулась на тебя. Их улыбки говорили: «Большой орел еще не стар, он сильный мужчина». Строгие обычаи племени запрещали женщинам легкое сближение с мужчинами высокого положения. Поэтому они молча приветствовали тебя с почтительного далека. Воины все еще стояли в карауле. Молодежь и пастухи отгоняли скот на водопой к берегу реки. Ты вздохнул всей грудью. Эти люди спасены, им надолго обеспечена мирная жизнь.

Дети сладко спали в шалашах на мягких шкурах. Дымились потухшие костры, разнося приятный запах кизяка. Понятная и до боли близкая твоему сердцу жизнь кочевников. Когда-то в городе, умученный чадом мегаполиса, но еще больше – мутью депрессии, возмечтал ты уехать навсегда куда-нибудь в отдаленный аул, чтобы закончить жизненный путь возле мазанок и мазаров под мычание коров и бляение овец. Неужели Всевышний услышал твои мысли и привел тебя к месту свершения мечты? Душе было светло и тепло от этих дум. Ты улыбнулся и широким шагом поднялся на ближний холм.

Как сияла и душевно пела многоцветная, разукрашенная солнцем степь после обильного дождя! Она была похожа на любящую женщину, раздетую в шелка и муслины, идущую на свидание к возлюбленному. Играли красками свежие цветы, порхали бабочки-махаоны, собирая нектар, довольно гудели пчелы и шмели, курчавились высокие, пышные заросли тамариска, таволги, жимолости. Сочные луговины вдоль ручьев лоснились, то и дело заходились живым трепетом и рябью. Степной ветер щедро дарил тебе ароматы трав и терпкие запахи дикого чеснока и лука. Ты распахнул плащ, ветер охлаждал грудь, он без обиняков хотел забраться прямо в сердце. Одинокие холмы со сторожевыми башнями скал причудливыми мегалитическими истуканами уходили вдаль, они манили к себе, хотелось идти к ним, чтобы заглянуть в каждую расщелину, каждую пещерку. Как ты любил это занятие! Привести сюда людей. Разбить стойбище. Пастись скот, сторожить по ночам отары. Спать под открытым небом, жечь костры, а вечерами есть мясо и пить кумыс из больших деревянных чаш. Ты должен найти и обрести здесь свое последнее кочевье. Вот она – твоя обетованная земля.

Сзади послышался шорох. Ты обернулся на звук. На холм поднимался вождь. С ним была группа воинов. Подойдя, они опустились на колени и приветствовали тебя.

– Большой орел – великий горлопан победил красных псов! Псы сильно напуганы, они откочевали далеко от этих мест.

– Хорошие новости. Большой брат радуется. Мир вам.

– Большой брат останется с нами?

– Он должен лететь обратно за своими людьми.

– Мы поставим ему большой шатер, самый лучший. Дадим жен, сколько пожелает, подарим кобылиц, буйволов, овец. Большой брат будет доволен.

– Летун вернется к вам. Он помнит договор и никогда его не нарушит. Он вернется со своими воинами и будет охранять ваш покой. Вы будете сильны, ваше племя станет многочисленным, как песок на берегу этой молочной реки. Вся степь будет принадлежать вам, скот, бесчисленный, как звезды на небе, будет одарять вас довольством щедро. Большой брат будет жить с вами, стоять рядом с вашими воинами плечом к плечу. Он отдаст вам свои знания, свою силу.

Вождь и его воины пали ниц.

* * *

В пучине стодневного шаманского сна под гулкой песней луной мчался, терялся, осыпался снегом и песком мальчик-пастушок, поэтому ты летел над джугарным лесом к ледяным башням – гробницам снулого человечества.

Заплутавший в кружевных петлях неустанных женских шагов, стучащих бухгалтерскими счетами несметных калачаек, маялся, изнывал бессонный Жан, мечтающий о выпренной, надменной улыбке из отличной немецкой стали, поэтому ты летел к людям, махал крылами, торопя ветер.

До самого утра, не веря обещаниям гипсового, мелового окна, плакал, канючил Малыш, распятый крестовиной собственной кровати. Вздыхала, никла головой Апке, массировала, теребила окаянный живот пучинной, неизбывной боли, а ты, человек-кондор, сновал в струях студеного потока-времени, надеясь успеть, вернуться к детям к обещанному сроку.

В гнезде Ориллы бродил и бредил, шатался ночной призрак, взяв на себя непосильную ношу – думать, воспаляться совестью за все человечество, а ты все летел и летел через завалы свинцово-темных туч, бередя память пустынного небосвода.

Словно эпический воин, закованный в хмурию и лед суровости, ты мчался, торопился изо всех сил. Черная джупирная туча хлопотала, вращалась и ворошилась над тобой, то и дело рушась копотным прахом и тленом, но ты не обращал внимания на старания малых братьев-летунов. Ты нес свою ношу, и никто не мог помочь тебе в этом деле.

Но мнился и мерещился тебе сухой, заговоренный шелест зимних тростниковых зарослей, обметенных колючим снегом, да еще, будто не ты, но кто-то другой видел, как стлался низами чащ стылый туман последнего забвения.

Вот выполз язык зари из серых остуженных глубей, коснулся он несмело верхушек леса. Потом пространство сглотнуло еще час сумрачной немоты, и ты увидел пожарище рассвета. Ярким золотом вспыхнули рощи бамбука, алыми прожилками обагрились купы баньянов и фиговых деревьев. И тотчас лес взорвался тысяча-

ми голосов птиц, джубезьян-ревунов, перекликающихся джумуров. И вспомнил ты, как, стоя на ветвях баньяна, был почти готов принять дар леса – осознание, что жизнь – это движение света к немыслимому. Ты должен двигаться со всеми вместе, как бы это ни было трудно и сложно!

Те стада, табуны и стаи джугарных животных, которые накануне пробирались через лес, были уже недалеко от стен острова № 5. Было понятно, что развязка приближается. Лес вокруг острова содрогался, трепетал, как бы в предчувствии небывалой бури. Из бетонных хранилищ, вмурованных в основания мегабашен империи и федерации, урча, выезжали танки, самоходки, боевые машины пехоты, тяжелые тягачи с ракетными установками. Они строились в боевые порядки, чтобы направиться к стенам острова, где должен был вспыхнуть огонь решительного сражения. Во имя чего готовятся сцепиться до зубов вооруженные люди – остатки канувшего человечества? Во имя чего они идут в бой? Ради узких интересов господствующего клана или глобальных приоритетов державы или зачатого секрета человека-суриката, тайну которого во что бы то ни стало надо перехватить? Одно ясно: роботы, танки, люди и киборги враждующих сторон готовы схватиться на территории острова в смертельной и безжалостной битве, ни во что не ставя главное – выживание всего человеческого вида. Тогда, быть может, это последняя война людей. И ты ничего не смог сделать для ее предотвращения. Напротив, каждый твой шаг, каждое слово ее приближали, активизируя Программу, исправляя те нарушения, которые раньше появились в ней. Значит ли это, что ты так и не смог решить парадокс твоего участия в мировой войне всех со всеми?

Остров кишел военными. Солдаты, полицейские, воины ССН, резервисты, – все мужское население было стянуто к оборонительным линиям. Жерла пулеметов и зенитных пушек чернели как-то обреченно, издали они были похожи на трещины в небе над зданиями.

Набрав высоту, ты спикировал на крышу купольного здания. Пулеметные очереди вспороли воздух справа и слева от тебя. Тотчас несметная стая малых джупиров затеяла бешеный перепляс вокруг тебя, сутолокой стремительных тел маскируя и прикрывая твой полет. Дождем сыпались на землю туши сраженных летучих лис и собак.

«Спасибо, братья!» – крикнул ты им на ультразвуке и стремглав нырнул в проем купола. Смутно отразилась в сознании серия отчаянных прыжков с крыши на крышу, и вот ты в нужном месте.

* * *

Затем ты обнаружил себя стоящим на сцене амфитеатра. Пророкотала инфразвуковая волна проектора. Невидимость слиняла, явив взору толпу людей и мутантов, сидящих в креслах. На этот раз людей стало больше. Плащ пока скрывал тебя от взора присутствующих. Ты сразу заметил, что молодежи прибавилось. Парни и девушки группировались вокруг Бори и Кабанбая. Причем облик воинственно настроенного, до зубов вооруженного Кабанбая им явно импонировал. Пожилые люди сидели рядом с дюжим стражем и тщедушным стройбатовцем. Воздух явно был накален напряженным противостоянием.

– Что бы сказал Наставник в такой ситуации? Идти на стены защищать город или торчать здесь, ожидая развязки? – спросил чернявый паренек, притулившийся рядом с Кояном.

– А сам ты как думаешь? – спросил он, снисходительно глянув на паренька.

– Не знаю, – замялся тот и вскоре опустил голову, не выдержав твоего взгляда.

– Мы должны уметь принимать решения самостоятельно, без Наставника. Грош нам цена, если мы без совета учителя и ногой ступить не можем. Мы должны действовать, искать выход в любой ситуации, – голос Бори был, наверное, излишне суров и назидателен.

– Учитель должен знать, – с ближнего кресла поднялся молодой сухопарый страж, чем-то напоминающий Тайбалу. – Пока его не было, мы основательно поработали среди солдат гарнизона. Некоторые из них присоединились к нам. Нас уже около ста человек. Генератор голограмм укрывает нас в зоне невидимости. Но он не может накормить и напоить столько людей. Рано или поздно наше укрытие будет обнаружено. Это только дело времени. Эсэновцы так и рыщут вокруг, переворачивая все, что попадется под руки. Они что-то почувствовали.

– Мы должны приготовиться к бою, – вставил угрюмый Кабанбай.

– Если надо, погибнуть в последнем бою, – твердо сказал Боря.

Тайбала, Апке, Уку-филин, Малыш-утенок, Коян один за другим поднялись с кресел и встали рядом с Борей. Все они были здесь, на сцене амфитеатра, твои ученики и друзья, большинство в живописных лохмотьях с упырями в руках. Даже старуха-ведьма, кряхтя и кляня все на свете, пробиравась к ребятам в проходе меж сидениями. И одновременно несколько десятков оборванцев в тряпье стройбата, напуганные призывом вступить в сражение с врагами, подались к выходу.

– Кто вы такие, что берете на себя право командовать? – исподлобья спросил дюжий страж. – Вы что, знаете, как дерутся эсэновцы? Вы их не видели в деле. Это настоящие черти, натренированные бульдоги. Вы их не остановите своими пульками и палками.

– Они в два счета раздерут нас на клочья, и это как пить дать, – подтвердил смачным голосом его тщедушный товарищ. – Мы должны сидеть и не высовываться, пока не объявится Наставник.

– А если они нападут раньше? В плен я не собираюсь. Кто хочет попасть в пыточный станок эсэновцев, пусть сдается на их милость. Мы же будем драться до последнего. Кто за войну, переходите к нам!

Еще несколько человек среднего возраста перешли в лагерь Кабанбая и Бори. Страж помрачнел. Его возмутил поступок этих людей. Возможно, он посчитал их предателями. Он выпрямился во весь рост и, сжимая свою дубинку, решительно шагнул к Кабанбаю. Тот, в свою очередь изготавив упырь, набычился, заняв боевую стойку. Вот-вот на сцене амфитеатра закипит схватка ожесточенных гладиаторов.

– Стойте! – остановил ты их громким возгласом. – Разве я говорил вам, что вы должны погибнуть? И ради какой идеи? Разве я учил вас неким идеям? Вижу, вы до сих пор не поняли того, что я говорил вам.

Свет внезапной радости озарил лица людей. Молодежь была готова рвануться к тебе, чтобы окружить, заглядывать в глаза, как тогда, как всегда.

– Учитель, вы наставляли нас в мудрости понимания настоящего момента, в искусстве выживания, но не любой ценой. Я помню каждое ваше слово, – издали поклонился пожилой человек в одежде рабочего.

– Да, это ближе к истине, – пристально взглянул ты на него.

– Вы проповедовали нам учение новой жизни. В нем не было никаких идей войны или не войны. Вы не обещали нам ни светлого, ни темного будущего. Насколько я помню, вы вообще ничего не проповедовали нам.

– Да, да, – улыбнулся ты.

– Вами не было произнесено ни единого слова. Однако вы не молчали. Вы собрали нас здесь и безмолвствовали, но не молча. Когда вы были здесь, вы отсутствовали, когда вас не было здесь, вы были в каждом моменте настоящего, – подчеркнул глуховатым голосом говорящий.

В эту минуту в поле твоего зрения выявилась фигурка Собеседника – темная глиняная статуэтка на сидении ближнего кресла. Ее заметил еще кое-кто из присутствующих.

– Собеседник? – ты услышал удивленный шепот Суриката.

– Старый и вечно одинокий? – ахнул Малыш-утенок. И тот и другой во все глаза глядели на одну и ту же статуэтку.

На сцену вышел другой рабочий, широкоплечий, грузный, с окладистой бородой. Он хотел что-то сказать, но ты остановил его знаком открытой ладони.

Цепляясь складками длинного черного платья за сидения и неловко освобождая себя, на площадку выбралась женщина в накидке с волнистым локоном, выбившимся из-под темной шали. Она намеревалась присоединиться к диалогу. Но и ее ты остановил тем же жестом. Ты с улыбкой смотрел на товарищей, показывая им нечто той же ладонью. Молчание затянулось. Люди недоумевали. Непонимание, растерянность были написаны на лицах большинства людей и мутантов. Некоторые улыбались, другие раздраженно сверкали глазами, третьи пожимали плечами и переглядывались. Кабанбай внезапно сердито взъерошился, и ты понял, что он в полном тупике. Семеро ребят внимательно наблюдали за тобой. Их осенило. Но они еще раздумывали, не решаясь перешагнуть за тонкую, едва уловимую черту. И тогда женщина в накидке вновь нарушила равновесие:

– Насколько я понимаю, Наставник ничего не говорил устным образом, но он показывал карту.

– Какую карту? – встrepенулся Малыш-утенок.

Женщина даже не взглянула на него, продолжая настойчиво пояснять:

– Он показывал, что судьба на поле жизни есть карта Пути к истинной Родине. Тернистый и долгий путь пролегает среди бесчисленных обманых призраков, стремящихся заманить идущих в гибельные топи, или к краю бездонных пропастей, или в дебри к опасным зверям, или в мутные, стремительные воды. Та тропа пролегает мимо манящих феноменов, которые суть есть призрачные города, призрачные оазисы с роскошью и увеселениями, призрачные дворцы с горами денег и драгоценностями, фимиамом наслаждений, призрачное кресло с полем мнимой власти, презентабельный портфель, скрывающий нити влияния, огни соблазнительных вертепов, притонов и азартных игрищ, призрачные ярмарки жгучего тщеславия, пышные венки ложной ученой или богословской славы. Нет числа маскам пустынных и обманых миражей, предназначенных заводить ищущих в зыбучие пески, откуда нет возврата до конца мирового цикла. И он помимо слов и теории показывал, как надо различать истинное от ложного.

– И каким же образом? – Малыш-утенок уже стоял рядом с ней.

– Все, что имеет форму времени и ложной пустоты, эффективно отражает «я» и есть призрачное. Остальное есть ты сам подлинный, – сухо сказала женщина в накидке.

– Я так и думал, – воскликнул Коян с торжеством.

– А я так не думаю, – в тон возразил Малыш-утенок. Он продолжал смотреть на тебя, не сводя глаз с твоей раскрытой цветком ладони: – Я так понимаю, что учитель все время показывает нам пальцами, что написано знаками пустоты на табличке рядом с камнем Инь-Ян. Слово из четырех пустых рамок, должное состоять из четырех ненаписанных и произнесенных букв. Разве вы не видите, что он нам показывает?

– Что? – крикнул возмущенным голосом Кабанбай.

...И тогда ты шагнул к терракотовой статуэтке, взял ее и с размаху бросил на пол. Осколки брызнули во все стороны. Из крошева выпала маленькая фигурка гротескного Ушастика. Ты поднял ее и тем же движением превратил в горстку пыли и обломков. Из нее выпала миниатюрная куколка, изображающая то ли суслика, то ли суриката. Недолго думая, кинул ее на бетонную поверхность. Из темной кучки песка и праха медленно выкатился шарик размером с перепелиное яйцо, он был аккуратно перепоясан белой линией. На одном боку окатыша улыбалось вдохновенное лицо женщины, на другом красовался знаменитый символ ИНЬ-ЯН. Рядом с круглой штуковинкой лежал прямоугольный осколок с четырьмя символами пустоты. Ты наклонился и поднял шарик. И затем уронил на пол. И вновь показал людям нечто правой ладонью.

– Что? – хором спросили шестеро ребят. Остальные люди с недоумением взирали на твою ладонь. Они ничего не понимали. ИК в твоём мозгу начал сиять и звенеть. Малыш-утенок смотрел прямо в твои глаза, а ты улыбался в ответ. Кишачие зрачки Малыша-утенка вдруг вспыхнули внутренним светом, он сложил ладони и низко поклонился.

– Объясните нам, Наставник, – женщина с мольбой взглянула тебя. И ты увидел, что она была в глубоком сомнении. Ее высокий белый лоб был прорезан морщинами, в глазах отложилась печать тяжелых переживаний, бесконечных дум и сожалений.

– Ты была права, когда говорила о Пути и истинной Родине. Путь всегда перед нами, Родина же рядом. Но из-за глухого неведения люди не различают ни Пути, не видят и Родины. Вы тоже заблудились среди кишачих призраков-слов и не видите, что находитесь внутри Реестра Малыша-утенка. Шепот Собеседника захватил вас полностью. Вы должны остановить его. Одно верно в данной ситуации – выживание. Вы должны выжить, чтобы получить время для дальнейших поисков. Помните: лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии. Этот остров обречен. Он погибнет, остались считанные часы. Нельзя медлить, теряя время в бесплодных дискуссиях. Улицы и оборонительные сооружения уже наводнены войсками. Скорее становитесь в колонну и под видом стройбата идите к восточной стене. Боря в форме офицера ССН поведет отряд. Ваша задача – найти автомастерскую с зелеными воротами, во дворе в зарослях замаскирован вход в катакомбы. Дальше в подземелье вас поведет человек-сурикат. За городом в лесу вы выйдете на свет божий в бамбуковой роще у большого баньяна. Дальше вас поведу я.

– Куда? – хором спросили Тайбала и Кабанбай.

– За лесом простирается река, а за ней начинается благословенная земля. Она свободна от джугары. Там обильная трава, пасется скот, тарпаны, куланы, джейраны, верблюды. Там вы обретете долгожданный отдых.

– Ура! – что есть мочи завопили Уку-филин и Коян.

– Наставник, – вперед выступили несколько рабочих и солдат преклонного возраста. – Джугарный лес весьма опасен. Мы боимся оказаться жертвами смертельных вирусов, грибков, добычей ужасных хищников. Многие из нас не дойдут.

– Кто боится трудного похода, может остаться здесь, – отрубил ты. – Я никого не принуждаю. У вас равные шансы уцелеть в пути. Но, оставшись здесь, вы не уцелеете. Это точно.

Больше никто не задавал вопросов.

Ты подошел к разбитому окну и, прикрываясь плащом, выглянул наружу. Отряд за отрядом, рота за ротой солдаты и резервисты шли к оборонительным стенам. Грохот сапог и ботинок то и дело разрывался истошными криками сержантов и офицеров. Те собачились не зря. То и дело на квадроциклах и бронированных лимузинах проезжало высокое военное начальство. Бесконечные серые, сутулые ряды, отмашка рук, рябь зеленых касок – картина движения войск производила сильное впечатление. Но что останется от этой грозной армии через несколько часов? Жалкие, вопящие толпы, бегущие куда глаза глядят. Ты уже видел такое.

Оглянувшись назад. Мутанты и люди выстраивались в длинную колонну. Возле кресел копошился человек-сурикат, собирая свои пожитки. Он явно был недоволен суетой множества людей, бросал в стороны ищущие взгляды. Похоже, он искал путь к бегству. Подозвав Борю и Кабанбая, ты показал на согбенную фигуру в одежде мышиного цвета:

– Глаз с него спускать. Вести его в середине колонны. Пусть рядом с ним идет Тайбала. Головой отвечаете за него.

Вдруг в ушах раздался характерный треск, затем электронный голос озабоченно сказал:

– У вас остался всего час. Затем Джугара пойдет в атаку. Воспользуйтесь суматохой и во что бы то ни стало выведите человека-суриката. Он не должен попасть в руки федератов или эсэновцев. Остальные ваши люди не в счет. Не думайте о них. Цель, связанная с ними, достигнута. Если вы увидите, что человек-сурикат может оказаться в руках врагов, немедленно устраните его. Без сожалений. Это приказ императора. Он не подлежит обсуждению.

– Нет, постойте, – сказал ты недовольно. – Это мне решать, уничтожать его или нет. Ответьте, почему так важен сурикат, что вы ставите его выше людей и мутантов? Почему мы должны идти на жертвы во имя его?

– Хорошо, Ягур, – после заминки ответил голос. – Дело в том, что человек-сурикат выполняет Программу Истинно чужого. Повинуясь голосу Собеседника, он все время шел по следу своей женщины. Он должен найти и соединиться с ней.

– Для чего? – спросил ты и тотчас спохватился, поражаясь своей наивности.

– Для чего мужчина ищет женщину? Он должен привести ее в свой дом-крепость и уединиться там с ней.

Ревность кольнула тебя в сердце.

– Понимаю, – сказал ты машинально, обдумывая какую-то мысль.

– Да, именно. Вы правильно поняли. Сам человек-сурикат Истинно чужого не интересует, как и она. Ему нужен Тот, кто родится от них. Это Тот, кто доведет начатое им дело до конца.

И тебя озарило, словно вспышкой близкой молнии.

– Значит, она где-то рядом? – спросил ты, сразу перескочив через сумятицу множества мыслей.

– Да, и она действует по Программе Истинно чужого. Человек-сурикат почувствовал, что она недалеко. Он попытается предпринять шаг, очень неприятный для вас и весьма опасный для нас. Остальную информацию нельзя озвучивать. Наша связь может быть перехвачена.

– Почему я должен вам верить? – напоследок спросил ты.

– Потому что мы вам верим! – отрезал голос. – Да, Совет просит вас, Ягур, потом повторить для нас тот знак ладонью, который вы показали Малышу-утенку. Из-за помех, создаваемых генератором, мы не успели записать этот кадр. Этот знак очень важен, вы знаете, как мы заинтересованы в нем. Вы должны повторить его. Вы слышите?

– Вот идиоты! – пробормотал ты в сердцах. – Не слышат, не видят, а еще отдают приказы.

Ты подбежал к человеку-сурикату, притаившемуся в тени кресел, схватил его за плечо, толкнул в центр отряда. Голова колонны уже вытягивалась из амфитеатра.

– Глаз с него не спускать! – крикнул Кабанбаю и Тайбале. И вдобавок послал мысленный приказ Малышу-утенку, Кояну, Уку-филину.

Человек-сурикат, потупив сердитый взгляд, топтался в гуще колонны. Кабанбай и Тайбала стиснули его с двух сторон, взяв под мышки. Отряд уже наполовину вытянулся из здания. На вид это была заурядная рота понурых резервистов и стройбатовцев, которую вели на убой пес-офицер и несколько гнобистых сержантов.

Отряд извивался по длинной улице мимо сумрачно-бетонных зданий, окна которых были наглухо заколочены жестью и досками. «Ать-два! Ать-два! Шире шаг! В ногу! В ногу!» – жестким голосом скомандовал Боря. «Хороший офицер получился бы из него», – с грустью подумал ты, приготовившись к прыжку. Но не успел сигануть в окно. Мощный рев проезжавшего квадроцикла оборвался рядом с идущей колонной. И ты услышал следующий диалог:

– Капитан!

– Да, майор!

– Куда направляется ваша рота?

– К восточной стене в районе автомастерской.

– Почему среди солдат находятся женщины, черт возьми? Да еще странные доходяги?

– Последний приказ коменданта, герр майор. Гнать на стену всех, кто может держать в руках оружие и совки.

– Разве? Был такой приказ?

– Так точно, герр майор. Можете проверить в штабе.

– А, некогда. Ведите роту, капитан. Только пошустрее. Такая каша заваривается, мало не покажется! – носатый офицер чертыхнулся злым голосом. Вновь взревел квадроцикл и канул в теснине переулков.

– Шагом марш! – зычно прогремел Боря. – Рота, шире шаг! Шире шаг!

Серия стремительных прыжков от крыши к крыше, от чердака к чердаку. Кувырки и пируэты в воздухе, раскромсанном пулеметными очередями. И вот ты во дворе автомастерской у самого края неряшливого и тусклого бурьяна. Отряд, если ничего непредвиденного не случится, выйдет к зеленым воротам через полчаса. Надо подготовить отход людей через подземелье. Найдя вход, ты ударом кулака сбил остаток ржавой дужки, потянул решетку на себя. Дверца открылась с трудом, основательно прогнившие петли скрипели и стонали. Но ты не сдавался, тянул и рвал железо. Еще раз осмотрел подступы к входу в подземелье, обшарил заросли. Однако растяжек от мин или гранат, сколько ни искал, не нашел. Зато в изобилии из мха и мусора торчали, тускло поблескивая, пустые бутылки, внутри затянутые сизой плесенью и порослями. Вся мусорная куча была нашпигована проросшими спорами джусои и джубуя. «То-то постарался старик-бражник», – подумал ты, пересчитывая взглядом бутылки. А в голове все звучал метрономом, звенел чеканный голос члена Совета: «При попытке захвата человека-суриката, если ситуация окажется критической, вы должны немедленно уничтожить подопечного». «Уничтожить? – спросил ты сам себя недоверчиво. – Неужели ты способен это сделать? На что они рассчитывают?» И опять с головой ушел в тяжелые, безответные вопросы.

Не идет ли эта команда Совета вразрез с программой Наставника, учителя? Кем только ни был ты в последние годы, Жаном, журналистом, Странником, Снежным воином, агентом спецслужб, рыцарем Ягуром, даже – Так приходящим. Но никогда, ни при каких обстоятельствах внутренний голос не требовал от тебя уничтожения другого человека. Без колебаний убить другого человека, далеко не чужого тебе, даже близкого, что это за приказ? К каким последствиям приведет тебя этот поступок? Он будет необратимым. Сломать шею несчастному, замороженному человеку-сурику, – на что они надеются? Они полагают, что тебя буквально съедает огонь ревности к сопернику? Что ты убьешь его за попытку соединиться с твоей женой, пусть бывшей, но любимой? Что ты сделаешь это, дабы не дать им возможности укрыться в доме суриката, чтобы сорвать планы Истинно чужого? Не слишком ли логический расчет по поводу твоей психики? Почему ты должен верить во всю эту галиматью? Только потому, что ты на осажденном острове, а вдали высятся спасительные башни империи? Однако ты там был, тебе сделали операцию на мозг, внедрили чип. Тебя предупредили: если ты не будешь четко выполнять приказы центра, твой мозг будет взорван изнутри электронным сигналом. Ты служил империи не только из страха, но и веры. Ты поверил, что империя с ее налаженной жизнью вдохновенного народа есть единственная альтернатива, что другого варианта нет. Далее все, что ты делал, было продиктовано вящим убеждением в реальность происходящего. А вдруг никакого ИК в твоей голове нет, а ты действовал по наущению Собеседника, голос которого действительно звучал в твоём сознании? Вдруг все, что привиделось в башне – это наваждение Собеседника? И тебе снился очередной сон, убедительный, несомненный. Кто такой Собеседник? Почему тебе его голос всегда казался таким знакомым? В ушах появился подвывающий свист. Он нарастал, пока не появилась боль в висках, затем перед глазами появилась красноватая дымка. Это что, ИК? В страхе ты сжал ладонями лоб. Сердце гулко застучало. Они услышали, поняли, что ты сомневаешься в главном. Это очень опасно для тебя. Ты не дол-

жен переходить эту черту. Им ничего не стоит нажать кнопку самоуничтожения ИК. В правый висок кололо что-то острое и холодное, будто там было крошево остуженного песка.

Верхушки тростника заплясали, заходили ходуном. Что-то мучительно знакомое, неуловимо ускользающее из памяти почудилось тебе в картине стеной стоявших чаш. «Ать-два! Ать-два!левой!левой!» – послышался голос издалека. Затем земля начала подрагивать от множества топающих ног. «Наконец-то дошли», – обрадовался ты и побежал к воротам мастерской. Налег на железо, толкнул. Действительно, это был твой отряд, целый, невредимый, успешно прошедший по всем улицам и переулкам проклятого острова, кишашего войсками и агентами. И они, люди и мутанты, были рады видеть тебя, своего Наставника. Они поверили в свое спасение, они ускорили шаг.

Их было всего-навсего сто человек и мутантов. Они шли сплоченной группой, мужчины и женщины, рабочие и солдаты, стражи, бродяги, изгои. Когда-то они собрались в брошенном амфитеатре вырубленного парка, они пришли не на твои проповеди (ты ничего не провозглашал), а только прослышав о появлении Серого летуна, спасителя. Ты прилетал, улетал, а когда был рядом с ними, то просто сидел, чаще погруженный в глубокое безмолвие. И они поверили именно голосу безмолвия, наверное, потому, что устали от кишения всевозможных слов. Им слишком часто обещали, угрожали, уещали, уговаривали, сулили золотые горы или устрашали адом. Поэтому они поверили твоему молчанию, ибо оно было спокойствием. А знание это или незнание, это их уже не волновало. И вот произошло чудо – полчаса марша по военному городу преобразило толпу, превратив ее в нечто целое. Ты ощущал импульсы уверенности, исходившие от них.словно малые дети, они радовались, завидев тебя. Улыбались, махали руками, в глазах светилась вера. Они видели, что Наставник не обманул их.

Ты стоял в глубине двора, люди шли мимо, с доверчивостью детей глядя на своего учителя, считая его несомненным спасителем. Но спаситель ли ты? Не завел ли ты этих простодушных людей и с ними семерых учеников в смертельную западню? А вдруг в туннеле их ждет коварная ловушка ушлых врагов? О существовании подземного прохода они знают не понаслышке, следили же и имперцы, и федераты за продвижением человека-суриката в катакомбах. Их рейнджеры, разведчики и сталкеры облазили все подземные лабиринты. По туннелям без проблем может пробираться гибкий, многочленный робот-червь. Этот титановый шустряк, окажись там, наделает делов – от отряда останутся одни клочки.

Сомнения терзали и томили твое сердце. Мрачный, ты молча следил за тем, как первые ряды приближаются к входу в подземелье. Боря с вопросом оглянулся на тебя. Подозвав его, ты приказал ему вместе с Кабанбаем идти впереди колонны в туннелях. Боря с готовностью кивнул головой. «Идите по желтым стрелкам. Они на стене по правую руку», – коротко сказал ты. Боря понимающе глянул тебя и побежал к людям.

Именно в эту минуту ужасающей силы удар сотряс всю окрестность. Новый шквальный удар. Скрежет жестяной стены. Хор испуганных голосов. Затем оглушающий стук автоматов и пулеметов, мертвенно бледные вспышки лазерных орудий. Со стороны башен послышалось густое жужжание вертолетов. Через несколько минут вертушки, потом танки, роботы будут уже здесь.

– Вперед! – изо всех сил заорал ты. Люди бегом устремились в туннель. Под канонаду пушечных выстрелов, хаос автоматных и пулеметных очередей отряд торопливо втягивался в зияющее отверстие. Вдруг ты заметил темную мешковатую фигуру в хвосте колонны. Человек-сурикат, вырвавшись из рук Тайбалы и Филина, жался к женщине в черной накидке. Ребята пытались схватить его, но тот не давался. Женщина прикрывала его своим телом. Ты что-то заподозрил, шагнул к нему.

– Сурикат! – все-таки твой крик был слышен в железном громе выстрелов. Тот сжался, воровато оглянулся на зов. – Стой!

– Чего тебе, Странник? – Сурикат сильно нервничал, пытаясь теперь прикрыть телом женщину в черном.

– Ты нашел ее? Это она? – спросил ты, пытаясь лучше разглядеть ее. Женщина остановилась, хотя уже последние ряды отряда исчезали во входе в туннель. Замерли Тайбала и Уку-филин. Ты махнул им рукой, чтобы они торопились, не ожидая человека-суриката.

– Где она? – спросил ты требовательно, шагнув к ним, двоим, неподвижно застывшим у входа в подземелье. Человек-сурикат молча кивнул на нее, не спуская с тебя холодных, настороженных глаз. Она же откинула капюшон, и ты сразу узнал свою жену, хотя волосы ее наполовину были окрашены сединой, а лицо, стянутое маской отчужденности, казалось запорошенным пылью. Неужели это она? Ведь она искала тебя столько лет. Вот отчего жжет на сердце, и пылает там тьма, которую ничем не утолить. Эти глаза, немо вопрошающие тебя, это же ее глаза, очи женщины-оленихи. Как ты ее не узнавал, ведь она была рядом с тобой?

Вы стояли молча, потрясенно глядя друг на друга. Долгожданная встреча, о которой вы думали годами, шли сквозь огонь и воду, тьму и холод, голод и войну. Канули несметные толпы людей, время линяло, меняя кожу, как гигантский питон Шеша, а вы выжили, чтобы встретиться. И вновь расстаться, но как? С кем она останется, кого она выберет? Отчаянная ситуация. Вот перед тобой самый дорогой тебе человек на свете, она, готовая уйти с другим, арендатором голоса Истинно чужого. Неужели она не понимает, кто рядом с ней?

– Пойдем, нам пора! – нарушил молчание Сурикат, потянув женщину за рукав.

Но куда он поведет ее? В свою бетонную берлогу, укрытую на заросшем джугарном островке, чтобы навсегда схорониться от всего мира и начать жизнь подлинных сурикатов? А что им заготовил Собеседник – полномочный представитель Истинно чужого? Или их перехватят солдаты империи, чтобы доставить в башню, где для них приготовлен идеальный дом, кибернетическое чудо-юдо под стеклянным куполом? Где они под присмотром телекамер на глазах населения всей империи начнут играть в спектакль под названием «державная идея». Где они, наконец, народят таинственный и долгожданный плод, то есть того, который закончит начатое дело? Или они хотят укрыться во дворе автомастерской, чтобы переждать бурю? Здесь тоже есть бункер под полом мастерской. Тогда это означает, что Сурикат предупрежден о ловушке в подземном лабиринте. Кем, Собеседником?

Ревность и сомнения разрывали твою душу. Она же с печальной улыбкой смотрела в твои глаза, все понимая своей женской интуицией. Кто ты сейчас для нее? Муж, вернувшийся слишком поздно? Странник, готовый начать свой оче-

редной долгий поход? Наставник в Пути, у которого не может быть жены? Или химера – Ягур, человек-сфинкс, страшный и неожиданный, имеющий разные личины? Кто ты сейчас для нее и почему дорогая тебе женщина на последнем повороте выбирает другого мужчину? Как развязать этот узел судьбы?

– Прости меня, – она нашла в себе силы говорить, она обращалась к тебе, адресуя именно твоей душе. – Прости, я была плохой женой и много лет жила с другим. Я не понимала тебя и не помогала тебе. А самое главное, я вижу, что если останусь с тобой, то помешаю тебе. К тому же ты уже обрел ЕЕ.

– Кого? – спросили твои глаза.

– Потом ты поймешь...

Ты понял, что она уже сделала свой выбор, и с этой печальной тьмой, опускающейся на душу, ты должен смириться.

Лицо Суриката заметно посветлело. Он понял, что взял верх в самом тяжелом и решающем для себя поединке. Он решительно потянул ее за собой. Но куда он ее поведет?

Гнев душил тебя. Внезапно ты увидел толпу рослых эсэновцев в бронежилетах, с автоматами в руках. Они вбежали во двор автомастерской. Впереди тяжело топал знакомый майор, взмокший от марш-броска.

– Взять их! – он махнул автоматом, показывая на человека-суриката и женщину.

И тогда в ушах ожил голос, и ты ясно услышал крик Члена Совета:

– Убей суриката! Немедленно!

Голоса Членов Совета вопили, надрывались в глубине твоего мозга, требуя убить человека. Десантники в черном бежали к сурику и женщине. Мгновение истончалось звенящей нитью.

Что-то хрустнуло в позвоночнике. Ты напрягся, затем одним прыжком преодолел огромное расстояние. Одной рукой толкнул онемевшего суриката и женщину в дыру подземелья, другой рукой выбросил лезвие упыря. Нападавшие отшатнулись в сторону. Штык сверкнул молнией. Но не блеск холодного оружия потряс эсэновцев, а чудовищный рев неистовой силы, вырвавшийся из глотки монстра-ягура, ярость, грохочущим камнепадом хлынувшая по скосу кренящейся земли. Солдаты побежали кто куда. Прижавшись к земле, они с ужасом следили за трансформацией мутанта, превращающегося в жуткого зверя. Однако майор остался невозмутимым. Он нацелил автомат прямо тебе в грудь и шагнул вперед.

– Теперь тебе не сдобровать, Ягур. Тебе надо было убить суриката. Весь смысл твоего путешествия заключался именно в этом. В нашем мире надо уметь убивать. Теперь ты умрешь сам.

И ты с тягостным изумлением узнал знакомые зрачки-дробинки, застывшие свинцовыми каплями неумолимой ненависти.

– Это ты? Не может быть? – повторял и повторял ты, донельзя ошеломленный.

– Да, это я, твоя смерть, – усмехался он, готовясь нажать на спусковой крючок.

– Но ты, мыший обормот, еще не понял того, что сейчас открылось мне, – лихорадочно бормотал ты, вглядываясь в нечто длинное и черное, болтающееся между ног ухмыляющегося майора.

– Что? Чего я еще не знаю? – орал тот, размахивая автоматом.

А ты вспомнил, что всегда не любил типов с бакенбардами. Просто не выносил. Так и есть – это был доподлинный крысиный хвост, торчавший из-под плаща майора. Эта противная плеть с торчащими волосиками елозила, моталась из стороны в сторону.

– Стреляй! Ну-ка пульни из своей кондовой пушки, – громко сказал ты и шагнул навстречу офицеру, странно скукоживающемуся и на глазах обрастающему шерстью. Он отчаянно изрыгал проклятия и ругательства, необъяснимым образом уменьшаясь в росте, оплывая носатой мордой. Майор вновь нацелился на тебя, но в его бегающих глазах мелькнула неуверенность, и эта суeta серых точек вдруг прыгнула на тебя и отбросила в сторону, в гущу зарослей. И эти косо падающие растения оказались не бурьяном, а минутами, часами, днями, годами, ликами и образами твоей жизни, вертящимися вокруг тебя линиями стремительного торнадо. Из полос и размытых штрихов этого вихря вырвалась невероятная сила, она смяла звуки беснующегося хаоса, летящего беспорядочно рассыпающимися зданиями, разламывающимися танками, роботами, тягачами, ракетами, кувыркающимися солдатами, джугарными тварями, расползающимися в полете чернильными кляксами. Затем в круговорот вползли небоскребы, вызывая тошноту и головокружение, они неслись по ускоряющимся кругам, взбалтывая кипящий суп из деревьев, лиан, бамбуков, трав, бесчисленных животных. Зугиены, джумуры, джубезьяны, зулоны, зугаи, джугур, джупиры, волки, волкопсы, кабаны, крысопауки, лжескорпионы мчались кувырком, рассыпаясь на фрагменты. Те же в свою очередь рушились тучами спор, бурвчиков, семян, шипов, вращающихся в свисте и вое необъятного смерча, несущего крошево сметенного мира прямо в черную глотку дыры, окаянной, адской Тьмутаракани.

* * *

...Сознание понемногу возвращалось к тебе. Ты не помнил, сколько времени пролежал здесь в утробе богом и людьми забытого места: на краю безбрежного тростниково-камышового поля – три часа, или три дня, или три года, а, может быть, все пятьдесят лет. Правую щеку и висок ломило от немилосердного, лютого холода. «Отлежал», – подумал ты, пытаясь поднять голову. Мозг был – чугунная, налитая темной и слепящей болью болванка. И все-таки с великим напряжением, ломая ногти на синих пальцах, оторвал торс от песка, со стоном приподнялся. Серо-расслоенный мир плыл перед глазами, иссиня-черные линии смешались с известковой, белесой мутью. Внезапно зрение установилось. Ты сел на колени. За спиной стеной стояло зимнее безмолвие тростниковых зарослей, размытых белыми овалами и завесами снега. Неподалеку чернела волчья доха, обнесенная по кругу горбинками снежного заноса. Еще дальше, в метрах тридцати, хребтом выброшенного на берег кита чернел перевернутый баркас. Ты встал на ноги и пошатнулся, пытаясь удержать равновесие. Земля плыла под ногами, и неодолимая сила вновь уносила сознание в омут. Удержаться на ногах, во что бы то ни стало удержаться. Черное отчаяние плескалось в груди. Сколько времени ты здесь пролежал, и что тебе приснилось? Нет, лучше ничего не вспоминать. Сознание не выдержит шквала видений. Наверное, ты сошел с ума. Надо идти, надо уйти отсюда, от этого страшного места как можно дальше.

Заросли наводили ужас – это была бездна снега, пепла, сажи и праха, а также роение черных, несметных зрачков тьмы. Там, в камышах, в недрах, заволоченных туманом, было что-то непонятное, наводящее ледяную оторопь и жуть. Надо поскорее убираться отсюда, надо найти тропу, по которой волчица привела тебя сюда.

Зубы выстукивали ознобную дробь. Ты сделал первый шаг, потом второй, третий. И тотчас мутное небо и неразличимая земля понеслись вскачь, снег поднялся армадой игл, свистом и воем понесло по откосам вращения рушащееся сознание.

...Тишина. Капля за каплей прибывали ощущения, осязательные, гравитации, слуховые, температурные. Какая-то маслянистая жидкость текла вокруг тебя, собирая телесное ощущение формы, верха и низа. Ты ждал, иного тебе не было дано. Когда восприятие полностью собралось, ты увидел, что сидишь в кресле в своей комнате. В бараке было сумрачно и прохладно. Под полом попискивали мыши, тренькал сверчок. На чердаке кто-то как будто расхаживал, с хрустом ставил тяжелые и неловкие ноги. И ты вспомнил, что все время собирался прогнать оттуда сов и филинов, но руки никак не доходили. Не сразу разглядел смутную, темную фигуру, вольготно возлежавшую в кресле напротив тебя. Шли минуты, ты не верил собственным глазам. В черном кожаном кресле вальяжно покоился здоровенный мордастый крысач в полевой форме старшего офицера ССН. Он покачивал ножкой, обтянутой отличной яловой кожей заграничной выделки. Помахивая дымящейся сигарой, отгоняя клубы ароматного дыма, он простужено прогундосил в нос:

– Поздравляю, господин мой хороший. Все прошло довольно-таки удачно. С одним но...

– Что прошло удачно?

– Ваше окрысение, разумеется. Разве вы забыли?

– О чем вы? Черт возьми!

– О, понимаю, релятивистские эффекты туннельного перехода дубль-тела. Это, конечно, нелегко даже для такого опытного ученого, как вы. Сознание, особенно оперативную память, просто вышибает. Неудивительно, что вы забыли, то есть запамятовали о договоре, заключенном между ученым человеческого вида, то бишь вами, и ученым крысиного вида, то бишь мною, всего час назад. Или около того.

– Час назад? Вы что, обалдели? Прошло лет двадцать или тридцать. А мир за это время приказал долго жить. Цивилизация погибла, джугарный апокалипсис... мегабашни, острова... человек-сурикат... имперцы и федераты, война... Где все это? Или я спятил? Мир в самом деле пошел верх тормашками, или у меня крыша поехала? Час? А тридцать или пятьдесят лет не хотите? Час! Да в это я никогда не поверю, никогда!

– Да? – крысач с улыбкой, пустив сизое колечко дыма, искоса глянул на тебя. – А мы считали вас передовым, развитым ученым, продвинувшимся в теории относительности. Не хотелось бы в вас разочаровываться. Ну, ладно, бог с вами. Что с людьми не бывает с устатку. Мы все понимаем. Тем не менее, факты – упрямая вещь. Прошло не больше часа с тех пор, как договор о рокировке вступил в силу. И вот вы уже дома, вы вернулись в свою роль, в свою личность. Вступили в права арендодателя. С чем я вас и поздравляю.

– Домой? Вы считаете, что я вернулся? Но я никак не могу вернуться домой, – твой голос заметно дрогнул. Усилием воли ты сдержался. Не хватало еще пустить слезу перед крысой.

– А где ваш дом? Вы знаете? Эта планета, эта галактика, эта вселенная? Вы называете своим домом обетованное место привычек. Но вы сами же говорили, что истинная родина всегда рядом, когда Путь есть, и бесконечно далека, когда Пути не видят.

– Да, это мои слова, – вынужден был согласиться ты, и это стоило тебе немалых душевных сил. – Итак, вернемся к исходной точке. Вы сказали, что окрысение осуществлялось согласно договору. Но тут что-то не так. Насколько я припоминаю, я решительно и безоговорочно отказал вам в мерзких, богопротивных предложениях. Разве не так? Вы же лжете, милостивый государь!

– О, вы, оказывается, все-таки кое-что помните. Однако шах вам объявляю я. Дело в том, что у крыс иная логика, иная диалектика, нежели у людей. Отказ, сформулированный в человеческой логике, означает полное согласие в крысиной диалектике. Даже ваши великие философы знавали такие принципы, они назвали их в книгах: отрицание отрицания. То есть, отрицая по-человечески, вы дали согласие на крысином языке. Вы это не учли, вы же кроме себя ничего не знаете. Откуда вам знать крысиный синтаксис, нашу формальную и диалектическую логику! А если бы вы заглянули в шестой том, в шестую главу, на страницу номер шесть Реестра Малыша-утенка, вы кое-что поняли бы о крысином мышлении. Но вы ведь не удосужились, хотя называете себя ученым.

Ты был ошеломлен и с трудом ориентировался в пляске мыслей, своих и не своих.

– Неужели это так... – пробормотал ты, озираясь. Комната была подернута сизым табачным дымом, неуловимо искажающим перспективу. Да, эта была одна из обжитых и перестроенных вами комнат жилого барака. Там за окном барачный городок, за дощатой стеной мирно спят дети, и где-то в спальней храпит окаянная оборонно-ответственная баба-яга.

– Вот видите, как все логично. Все встало на свои места. Уверяю вас: и адаптация тоже пройдет успешно. Я как арендатор отвечаю за то, чтобы все было возвращено по списку. В том числе и духовно-психологические ценности и ориентиры. У нас есть служба, которая строго следит за правильным и корректным завершением экспериментов. Час прошел или двадцать лет с начала рокировки, никакой существенной роли это не играет, ибо для калачакры такие временные периоды не существенны, они слишком ничтожны. Для нее на самом деле не прошло и секунды. Другое дело, что вы тотальное сновидение приняли за реальность. И честно сыграли предложенную вам роль. Все получилось великолепно, кроме одного-единственного момента.

– Да? Но меня все время смущает ваше единственное Но. Я не знаю, как воспринимать его смысл с точки зрения крысиной диалектики, – проямлил ты, побиваясь хитросплетений Собеседника. – Дело в том, что я вам до конца не верю, как и в так называемую реальность, в которой сейчас мы с вами обмениваемся мнениями. Вдруг она тоже ускользнет, как сон. Не зря же вы мне так напоминаете одного персонажа из недавнего сюжета.

– Кого?

– Собеседника!

– В определенном смысле вы правы. Я всегда был рядом с вами, ведя повествование большими текстами. Однако нередко принимал облики разных ведущих персонажей.

– А?

– Но вы отклонились от главной линии мысли. Реальностей много. Базовой для вас будет та, где вы имеете осознание текущего настоящего, то есть так называемую релятивистскую память. Если ее сейчас у вас нет, то вы действительно находитесь в глубоком сновидении. Но не это сейчас важно для нас, а другое. Поэтому мы обеспокоены и не совсем довольны вами.

– Что это значит? Почему вы все время подчеркиваете некое НО. Признаюсь, я встревожен, сам не зная от чего. Сам диалог с вами весьма странен, как бы незаконен.

– Программа была бы полностью выполнена, и ваше окрысение прошло бы безупречно, если бы вы не отклонились от основной поведенческой линии.

– То есть?

– Вы должны были в конце концов прикончить человека-суриката. Именно это деяние поставило бы точку в вашем превращении. Но вы оказались слишком... гм-гм, как бы это сказать, типичным гуманоидом. То есть вы оказались слишком добрым и благородным с человеческой точки зрения. К сожалению, на наш взгляд, вы оказались неисправимо добрым. Поэтому вы вернулись к первоначальной форме.

– Вы сожалеете, что я вернулся в свое сознание человека, индивида, личности? – удивился ты.

– Да, не скрою. Ибо мое вочеловечивание зависело от вашего окрысения в обратной пропорциональности. Если бы вы окрысились до конца, то есть убили суриката, я вочеловечился бы до последней точки, и на этом эксперимент приобрел бы необратимый характер. Мало того, что вы оказались не способны на полезное зверство, что, увы, прискорбно само по себе, вы умудрились вжиться и в человека-суриката. Вы опять флуктуировали, меняя поля сознания. Как это вы сделали, мы до сих пор понять не можем. Меня все время вышвыривало из вашего дубля, и я в конце концов должен был ограничиться ролью майора спецслужб. Хотя мне больше нравилась роль Собеседника. Если бы вы попытались убить человека-суриката, то есть предприняли попытку устранить половину своей сущности, я без проблем бы освоил этот дубль, и все было бы правильно.

Глубина и сложность замысла Истинно чужого поразила тебя. У тебя открылись глаза на положение вещей. Вот как Собеседник собирался трансформировать человека-суриката. Он хотел заменить его человеческую душу на крысиную. А потом подставного субъекта соединить с женщиной-оленихой, чтобы произвести от твоей жены нужный ему плод – личинку, чудо-юдо. Догадка сверкнула молнией, разламывающей темные недра. Тебя замутило от увиденной перспективы: крысач-сурикат – супруг твоей жены блаженствует в твоём доме, в твоей кухне, в твоей спальне. Вот это да! Крысиная логика все-таки постижима в кое-какие минуты. Дрожащими пальцами нащупал тапок. Главное, чтобы негодяй не заметил движения твоей правой руки. Чтобы отвлечь внимание крысача-молодчика, ты спросил мягким вкрадчивым голосом:

– Значит, все было иллюзией? И никакого ИК в моем мозгу и в помине не было?

– Разумеется. Хотя кое-какие знания крысиной стаи были вложены в ваше сознание. Они останутся с вами до конца.

– Значит, рыцарь Ягур – это только сон и больше ничего? У вас ко мне больше никаких вопросов нет?

– Есть.

– Какой?

– В амфитеатре вы показали ладонью некий знак вашим ученикам. Мы не успели записать этот кадр, потому что появились помехи в Программе. Что это за знак? Что не было написано на пустой табличке рядом с заветным камнем? Это очень важно для нас. Стратегически!

Пальцы все-таки нащупали тапок и крепко сжали его. Рука напряглась. Крысач забеспокоился, но он все еще ждал ответа на свой вопрос.

– Поясняю, вы, конечно, не Ягур, но кое-какие динамические качества в вашем подсознании остались.

– Ну, тогда держи крепче мяч! На тебе! На тебе! На тебе!

Завершено 03.11.2007

В июне 2021 года отмечают:

80-летие

Тынымбай КАРИН, *прозаик*
Софы СМАТАЕВ, *прозаик, драматург*

70-летие

Ибрагим БЕКМАХАНОВ, *поэт*
Акылбек ШАЯХМЕТ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

